

КНЯЗЬ СЕФЕРЬ-БЕЙ ЗАНЪ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДВЯТЕЛЬ И ПОБОРНИКЪ НЕЗАВИСИМОСТИ
ЧЕРКЕССКАГО НАРОДА.

Материалы для истории Кубанскаго края.

Е. Д. Фелицына.

КНЯЗЬ СЕФЕРЪ-БЕЙ ЗАНЪ.

Политическій дѣятель и поборникъ независимости
черкесскаго народа.

(Приложеніе къ статьѣ Е. Д. Фелицына).

*Черкесскій князь Занъ угу
Сеферъ-бей*

КНЯЗЬ СЕФЕРЬ-БЕЙ ЗАНЪ.

Политическій дѣятель и поборникъ независимости черкесскаго народа.

Матеріалы для исторіи Кубанскаго края.

Въ ряду многочисленныхъ представителей аристократіи адигскаго народа (черкесовъ) князь Сеферъ-бей Занъ являетъ собой выдающійся и небывалый у горцевъ примѣръ политическаго дѣятеля, который долгое время имѣлъ весьма замѣтное вліяніе на ходъ событій войны на западномъ Кавказѣ. Въ теченіи 30 лѣтъ онъ неизмѣнно оставался посредникомъ въ сношеніяхъ своего народа съ Турціей и ревностнымъ защитникомъ независимости родной страны. Нуждаясь въ помощи Турціи и вѣруя въ силу вліянія Сеферъ-бея на правительство этой державы западно-кавказскіе горцы возлагали на него большія надежды и въ этихъ надеждахъ черпали новыя силы для упорной борьбы съ нами. Достигнувъ въ Турціи высокаго общественнаго положенія, соотвѣтствующаго чину паши и возвратившись въ 1855 году на родину, Сеферъ-бей задался цѣлью соединить подъ свою власть разрозненныя племена горцевъ и образовать изъ нихъ нѣчто вродѣ независимаго княжества подъ покровительствомъ Порты; затѣмъ онъ всѣми способами возбуждалъ своихъ соотечественниковъ противъ русскихъ и руководилъ дѣйствіями натухайцевъ почти до послѣднихъ дней своей жизни. Не менѣе важно было значеніе Сеферъ-бея, какъ опаснаго соперника Магометъ-амина, явившагося въ Закубанскій край съ цѣлью распространенія среди горцевъ шаріата и увеличенія власти Шамиля. Несмотря однако на столь важное значеніе Сеферъ-бея въ исторіи войны съ горцами на западномъ

Кавказъ дѣятельность его мало извѣстна намъ и ограничивается сообщеніемъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ фактовъ, встрѣчающихся въ статьяхъ Н. Карлгофа¹⁾, султанъ Крымъ-Гирея²⁾ и А.—Д. Г.³⁾, а также у Белля⁴⁾. Поэтому я счелъ не лишнимъ предложить вниманію лицъ, интересующихся исторіей нашего края, сводку собраннаго мною въ разныхъ архивахъ Кавказа документальнаго матеріала, касающагося общественной и политической дѣятельности Сеферъ-бея. Для установленія же возможной связи между отрывочными и дословно приводимыми здѣсь документами мнѣ пришлось изложить тутъ-же вкратцѣ главнѣйшія обстоятельства и событія войны съ горцами на западномъ Кавказѣ, при незнакомствѣ съ которыми многое могло-бы остаться не понятнымъ.

Портретъ князя Сеферъ-бея, исполненный масляными красками и снятый съ него въ молодые года, когда онъ былъ еще полковникомъ, хранится въ Константинополь у наслѣдниковъ венгерскаго ренегата полковника турецкой службы Искандеръ-бея, находившагося въ большой дружбѣ съ Сеферъ-беемъ. Полученіемъ фотографической копіи портрета этого, приложеннаго къ настоящей статьѣ, я обязанъ любезному содѣйствію Султана Давлетъ-гирея⁵⁾ которому приношу за это мою искреннюю благодарность.

Сеферъ-бей происходитъ отъ княжеской фамиліи Занъ, имѣвшей владѣльческія права надъ черкесскимъ племенемъ хеаки или хегайки, обитавшемъ въ окрестностяхъ бывшей крѣпости Анапы.

Надо замѣтить, что въ огромномъ большинствѣ официальныхъ документовъ, Сеферъ-бей неправильно называется Занко. По объясненію Н. Карлгофа⁶⁾, Занко есть составное и

¹⁾ Магометь-Аминъ. Н. Карлгофъ. Кавказскій календарь на 1861 годъ. Тифлисъ.

²⁾ Сефиръ-паша, князь Шапсугскій. Султанъ Крымъ-Гирей. „Кубанскія Войсковыя Вѣдомости“ 1865 г. № 46.

³⁾ Черкъ горскихъ народовъ праваго крыла. А. Д.—Г. Военный Сборникъ 1860 года № 1.

⁴⁾ Bell James Stanislat. Journal d'une résidence en Circassie pendant les années 1837, 1838 и 1839. 2 vol. Paris 1841 an.

⁵⁾ Султанъ Давлетъ-гирей воспитывался въ Константинополь и въ настоящее время живетъ въ своемъ аулѣ, Тлестень-хабль, на лѣвомъ берегу р. Кубани, почти противъ Пашковской станицы.

⁶⁾ Записка ген.-маіор. Карлгофа, приложенная къ рапорту Начальника Штаба войскъ Кавказской линіи ген.-маіор. Капгера Главнокомандующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ отъ 20 августа 1855 года, № 2069.

искаженное слово Занъ-уко, въ которомъ слово „уко“ значитъ по черкесски сынъ, подобно тому, какъ у турокъ слово „оглы“. Турецкій языкъ былъ во всеобщемъ употребленіи у Закубанскихъ горцевъ и потому къ названіямъ мѣстныхъ фамилій безразлично прибавлялось то или другое окончаніе; такъ, напримѣръ, вмѣсто Сеферъ-бей Занокъ часто говорили Сеферъ-бей Занъ-оглу. Прибавленное же къ собственному имени слово „бей“ значитъ—князь. Племя хегайкъ въ 1812 году было истреблено чумой и остатки его, по малочисленности своей, потеряли самобытность и слились съ натухайцами. Въ половинѣ XVIII столѣтія у Закубанскихъ племенъ горцевъ была революція, поднятая среднимъ сословіемъ „тхвохотль“ противъ князей (пши) и дворянъ (вуоркъ). Тхвохотли одержали верхъ и съ того времени князья и дворяне утратили почти всѣ свои права, но въ силу пріобрѣтаемой ими воспитаніемъ способности къ общественнымъ дѣламъ, воинственному духу, ловкости въ наѣздничествѣ и искусству въ предводительствованіи партіями, а также по ихъ безпокойной дѣятельности они имѣли до послѣдняго времени большое вліяніе въ народѣ. Въ числѣ другихъ княжескихъ фамилій утратила свое господство и фамилія Занъ. Хотя отецъ Сеферъ-бея уже и не пользовался владѣльческими правами, но племя хегайковъ всегда сохраняло къ этой фамиліи особенное уваженіе. Завладѣвъ въ 1774 году Керченскимъ проливомъ и Таманскимъ полуостровомъ, Россія принудила турокъ признать, по Кучукъ-Кайнарджинскому трактату, Черное море свободнымъ для плаванія иностранныхъ судовъ. Почувствовавъ однако необходимость упрочить свое владычество на восточномъ берегу Чернаго моря, Турція, подъ предлогомъ защиты ногайскихъ татаръ, удалившихся послѣ завоеванія русскими Тавриды на лѣвый берегъ р. Кубани, сочла нужнымъ имѣть укрѣпленный пунктъ вблизи русскихъ границъ. Для построенія крѣпости избрана была мѣстность, занимаемая нынѣ Анапой и принадлежавшая въ то время князю Магометъ-гирею Занъ. Помимо стратегическаго значенія мѣстность эта представляла для турокъ значительныя выгоды и въ торговыхъ сношеніяхъ съ горскими племенами, потому что сюда приводила единственная въ то время колесная дорога изъ Кабарды, пролегавшая по равнинамъ Закубанскаго

края. Князь Магометъ-Гирей Занъ былъ довольно богатъ, велъ торговлю и имѣлъ свои суда на Черномъ морѣ. Построеніе крѣпости и водвореніе турокъ въ Анапѣ было причиной раздоровъ и кровавыхъ сценъ между туземцами. Хотя Магометъ-Гирей имѣлъ право располагать землей, ему принадлежавшей, однако онъ встрѣтилъ сильную оппозицію въ лицѣ натухайскаго дворянина (вуорка) Калабатко Тетарсау, изъ фамиліи Супако. Послѣдній доказывалъ, что при первомъ разрывѣ дружественныхъ отношеній Турціи съ Россіею, мѣстность, на которой выстроится крѣпость, сдѣлается театромъ военныхъ дѣйствій и тогда, по необходимости, они должны будутъ пристать къ какой-либо сторонѣ, а такое вмѣшательство будетъ для нихъ причиной многихъ бѣдъ. Князь Магометъ-Гирей гордо отвергъ эти благоразумные доводы, вслѣдствіе чего между его сторонниками и единомышленниками Колобатко Тетарсау возникли несогласія, сопровождавшіяся кровопролитіемъ. Однако партія князя Магометъ-Гирея восторжествовала и турки, не взирая на несогласія между туземцами, незамедлили приступить къ устройству крѣпости, которая сперва окружена была только однимъ землянымъ валомъ, но въ 1781 году, по повелѣнію султана Гамида, вмѣсто земляного редута, французскими инженерами построена была уже первоклассная крѣпость¹⁾.

Съ тѣхъ поръ Россія въ теченіе цѣлаго полувѣка стремилась къ ниспроверженію этой грозной твердыни, преграждавшей успѣхи нашихъ завоеваній на Кавказѣ. Располагая въ Анапѣ сильнымъ гарнизономъ, Турція, путемъ религіозной пропаганды, дѣятельно поддерживала вражду противъ Россіи въ подвластныхъ ей, хотя и номинально, племенахъ горцевъ и кочевыхъ ногайцевъ. Какъ сильнѣйшая турецкая крѣпость на всемъ сѣверовосточномъ берегу Чернаго моря, Анапа въ системѣ покоренія Кавказа имѣла чрезвычайно важное значеніе и не разъ была свидѣтельницею кровавыхъ столкновеній изъ-за обладанія ею. Первая въ этомъ отношеніи попытка сдѣлана была генераль-аншефомъ Текелли, по распоряженію князя Потемкина, въ 1788 году, въ видахъ обезпеченія русскихъ

¹⁾ Новицкій В. Анапа и закубанскія поселенія. Записки Кавказскаго отдѣла Русскаго географическ. общест., книга II, стр. 14—43. Тифлисъ. 1853 г.

границъ на Кавказѣ отъ покушеній турецкихъ силъ, направленныхъ въ то время къ Тавридѣ. Но, имѣя въ своемъ распоряженіи весьма незначительный отрядъ войскъ, Текелли, послѣ семичасоваго сраженія съ турками подъ стѣнами Анапы, 14 октября, убѣдившись въ превосходствѣ силъ непріятеля и фактической невозможности взять при существовавшихъ условіяхъ крѣпость, благоразумно снялъ осаду и отступилъ къ Кубани. Затѣмъ, въ 1790 году, подобную же попытку, но уже по личной своей инициативѣ, повторилъ командиръ кавказскаго корпуса генераль-поручикъ Бибиковъ. Несмотря, однакожъ, на геройскую храбрость нашихъ войскъ, одержавшихъ побѣду надъ турками 25 марта, смѣлое предпріятіе Бибикова къ овладѣнію Анапой окончилась неудачей, по неимѣнію въ отрядѣ фашинь и лѣстницъ. Простоявъ послѣ этого подъ Анапой еще три дня, Бибиковъ, въ виду недостатка продовольствія и боевыхъ припасовъ, принужденъ былъ отступить. Обратное движеніе отряда Бибикова къ Кубани сопровождалось ужаснѣйшими бѣдствіями, описаніе которыхъ не входитъ въ рамку настоящаго очерка. Эскадра контръ-адмирала Ушакова, явившаяся подъ Анапою почти вслѣдъ за Бибиковымъ съ цѣлью истребить или, по крайней мѣрѣ, отрѣзать изъ подъ крѣпостныхъ стѣнъ стоявшія подъ защитой ихъ турецкія суда, также не имѣла успѣха. Но генераль-аншефъ Гудовичъ, вступивъ въ командованіе кавказскимъ и кубанскими корпусами, блистательно преодолѣлъ всѣ трудности штурма этой твердыни и 22 іюня 1791 года Анапа была взята, а затѣмъ, по яскому миру, возвращена обратно Портѣ. Съ прекращеніемъ дружественныхъ отношеній съ Турціею, 28 апрѣля 1807 года, къ Анапѣ прибыла эскадра Черноморскаго флота, подъ командою контръ-адмирала Пустошкина, а на другой день, во время 2-хъ часового срока, даннаго гарнизону для сдачи крѣпости, турки тайно ушли въ горы. Воспользовавшись этимъ случаемъ, черкесы бросились на грабежъ крѣпости, но, уstraшенные взрывомъ порохового погреба, разбѣжались. Такимъ образомъ 29 апрѣля войска наши безъ сопротивленія заняли Анапу, которая указомъ 4 іюля 1811 года, причислена была къ русскимъ крѣпостямъ 2 класса. Затѣмъ съ окончаніемъ войны, по миру, заключенному 16 мая 1812 года, Анапа опять воз-

вращена Турціи. Наконецъ, 12 іюня 1829 года русскія войска, подъ начальствомъ генераль-адъютанта князя Меншикова и при содѣйствіи Черноморскаго флота, подъ командою вице-адмирала Грейга, въ третій разъ взяли Анапу. Въ 1847 году она возведена на степень портоваго города, просуществовавшаго однако только до 1855 года, когда вслѣдствіе вновь возникнувшей войны съ Турціею, всѣ укрѣпленія Черноморской береговой линіи, въ томъ числѣ портовые города Новороссійскъ и Анапа, были оставлены русскими войсками и разрушены бомбардировкой съ непріятельскихъ судовъ. Не лишено нѣкотораго интереса то обстоятельство, что въ эту войну Анапа на короткое время занята была турками и черкесами, а комендантомъ крѣпости объявилъ себя турецкій паша, князь Сеферъ-бей Занъ, сынъ Магометъ-гирея. Сеферъ-бей, вѣроятно, былъ послѣднимъ представителемъ турецкой власти въ Анапѣ и въ лицѣ его судьба жестоко посмѣялась надъ злополучнымъ родомъ князей Занъ, допустившихъ сооружеііе на своей землѣ этой крѣпости вопреки благоразумнымъ доводамъ Колобатока Тетарсау и его сторонниковъ. Но этимъ не закончились еще покушенія турокъ на Анапу, и въ послѣднюю войну 1877—78 года она опять подверглась бомбардированію, хотя почти и безъ всякаго для нея вреда. Уже одинъ простой перечень вышеприведенныхъ фактовъ ясно показываетъ насколько было важно значеніе Анапы въ исторіи кавказской войны и какія печальныя послѣдствія повлекъ за собой необдуманнй поступокъ князя Магометъ-гирея Занъ.

Во время пятилѣтняго владѣнія крѣпостью Анапой, съ 1807 по 1812 годъ, русскіе успѣли завести дружественныя и торговыя сношенія съ туземцами, главнымъ образомъ при усердномъ содѣйствіи жены анапскаго коменданта, Екатерины Михайловны Бухольць. Происходя отъ извѣстной дворянской фамиліи Эдиге, абадзехскаго племени, она 14 лѣтъ отъ роду вышла замужъ за полковника Бухольца, и потомъ уже всѣми мѣрами старалась расположить своихъ соотечественниковъ въ пользу нашу. Въ этомъ отношеніи Екатерина Михайловна оказала своему мужу огромную помощь и пользовалась общимъ уваженіемъ среди горцевъ, имѣвшихъ черезъ посредство ея сношенія съ русскими властями. Вліяніе ея на своихъ соотече-

ственниковъ было настолько велико, что услугами Екатерины Михайловны долго пользовались и послѣ того, когда мужъ ея уже не имѣлъ никакого служебнаго положенія въ Анапѣ. Такъ, между прочимъ, въ 1828 году эта почтенная особа принимала дѣятельное участіе въ склоненіи натухайскаго народа къ мирнымъ связямъ съ нами. Ея полезная дѣятельность извѣстна была и Императору Николаю Павловичу, не разъ удостоившаго ее Высочайшихъ наградъ.

По требованію анапскаго коменданта натухайцы выдали намъ аманатомъ несовершеннолѣтняго Сеферъ-бея. Его отправили на воспитаніе въ Ришельевскій лицей въ Одессу, гдѣ въ то время воспитывался и Л. М. Серебряковъ. Послѣдній былъ по возрасту моложе Сеферъ-бея, но по классамъ они были сверстники. Сеферъ-бей оставался въ лицей не долго. Онъ выучился тамъ говорить, читать и писать по русски, но не общалъ большихъ успѣховъ въ наукахъ, потому что началъ учиться поздно, достигалъ уже совершеннолѣтія, не имѣлъ прилежанія и шалилъ. По удаленіи изъ Ришельевскаго лица, онъ былъ опредѣленъ юнкеромъ въ 22 Егерскій полкъ, находившійся въ Анапѣ. Полкомъ этимъ командовалъ Рудзевичъ, бывший впослѣдствіи корпуснымъ командиромъ. Рудзевичъ принялъ Сеферъ-бея въ своемъ семействѣ, какъ родного, и допустилъ его въ кругъ офицеровъ, съ которыми по вечерамъ дѣлилъ время. Въ числѣ способовъ препровожденія времени была у Рудзевича также и игра въ свайку. Однажды вечеромъ Рудзевичъ по ходу игры заставлялъ Сеферъ-бея нѣсколько разъ съ трудомъ вытаскивать изъ земли сильно брошенную имъ свайку. На другой день пришлось, наоборотъ, Рудзевичу вытаскивать свайку, брошенную Сеферъ-беемъ, и когда онъ хотѣлъ отъ этого уклониться, то Сеферъ-бей настойчиво требовалъ выполненія того, что онъ самъ наканунѣ выполнялъ. Настоятельность Сеферъ-бея и тонъ его вынудили, наконецъ, Рудзевича напомнить ему всю разницу между ними на служебномъ поприщѣ. Тогда вполнѣ выказался дерзкій характеръ Сеферъ-бея; онъ на другой день бѣжалъ въ горы, похитивъ все столовое серебро Рудзевича.

Случай этотъ произвелъ коренной переворотъ въ дальнѣйшей судьбѣ Сеферъ-бея. Гордый и самолюбивый, онъ не

могъ простить оскорбленія, нанесеннаго ему Рудзевичемъ и въ лицѣ бывшаго своего начальника возненавидѣлъ всю Россію, гдѣ не оказывали ему уваженія, соотвѣтствующаго знатности его происхожденія. Враждебная мстительность горца проявилась въ немъ съ неудержимой силой его молодой и пылкой натуры. Онъ рѣшился перейти на сторону исконныхъ враговъ нашихъ и единовѣрныхъ ему турокъ. Не долго поэтому размышляя, Сеферъ-бей, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, отправился въ Турцію. Правительство этой державы не забыло еще заслугъ его отца, Магометъ-Гирея, въ дѣлѣ устройства крѣпости Анапы. Помнило оно также, что князь этотъ всегда служилъ дѣятельнымъ и полезнымъ орудіемъ въ распространеніи вліянія Турціи на прибрежныхъ горцевъ за долго еще до построенія Анапской крѣпости. Въ правительственныхъ сферахъ Турціи имя князя Зана пользовалось уваженіемъ. Немудрено поэтому, что Сеферъ-бей нашель тамъ ласковый приѣмъ, немедленно былъ опредѣленъ въ армію и сталъ быстро подвигаться въ чинахъ. Но скромное положеніе строевого офицера не удовлетворяло честолюбивымъ потребностямъ Сеферъ-бея. Его знатное происхожденіе не давало ему въ турецкой арміи, какъ чужеземцу, особыхъ преимуществъ предъ другими. Онъ не могъ примириться съ такой невидной ролью и мечталъ о родинѣ, гдѣ по праву рожденія надѣялся занять болѣе видное общественное положеніе. Кромѣ того Сеферъ-бей нуждался въ матеріальныхъ средствахъ, а служба въ рядахъ турецкой арміи совершенно его не обезпечивала. Между тѣмъ на родинѣ у него осталось небольшое хозяйство, три брата и мать и все это въ общей сложности позволяло ему рассчитывать на безбѣдное существованіе въ обстановкѣ, соотвѣтствующей его привычкамъ, вкусамъ и желаніямъ. Изворотливый въ достиженіи своихъ цѣлей, Сеферъ-бей устроилъ такъ, что его назначили въ Анапу въ составъ турецкаго гарнизона этой крѣпости. Вскорѣ онъ успѣлъ снискать къ себѣ расположеніе анапскаго паши, такъ какъ служилъ ему посредникомъ въ сношеніяхъ со своими соотечественниками, находившимися въ то время подъ властью Турціи. Довѣріе, оказываемое анапскимъ пашей Сеферъ-бею, значительно подняло его престижъ въ глазахъ горцевъ, и на него стали уже смотрѣть,

какъ на лицо, находящееся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ турецкими властями и имѣющее на нихъ нѣкоторое вліяніе. Между тѣмъ, живя въ Анапѣ, Сеферъ-бей усердно занимался своимъ хозяйствомъ, разъѣзжалъ за Кубанью и завелъ дружбу съ нѣкоторыми князьями и дворянами другихъ племенъ и такимъ путемъ пріобрѣталъ извѣстность среди горцевъ. Въ это время онъ не проявлялъ никакихъ враждебныхъ чувствъ по отношенію къ Россіи. Напротивъ, нѣкоторые поступки его показывали явное расположеніе къ намъ. Такъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1827 года, когда военное судно наше, слѣдовавшее съ порохомъ, свинцомъ и запасами продовольствія въ Сухумъ и Поти, потерпѣло отъ бури крушеніе и выброшено было на берегъ близъ Анапы, Сеферъ-бей пріютилъ въ своемъ аулѣ двухъ нашихъ офицеровъ съ ихъ семействами, а 55 человекъ нижнихъ чиновъ расположились на берегу, около судна, для разгрузки котораго анапскій паша выслалъ въ помощь нашимъ солдатамъ 100 человекъ турокъ. Для того, чтобы извѣстить объ этомъ происшествіи начальство Черноморской кордонной линіи, Сеферъ-бей самъ отправился къ мирному бжедужскому князю Пшекую Ахеджикову, а послѣдній сообщилъ объ этомъ смотрителю Екатеринодарскаго карантинна. Благодаря этому тогда же приняты были мѣры къ оказанію необходимой помощи потерпѣвшей командѣ.

Въ 1828 году, при осадѣ войсками нашими крѣпости Анапы, генераль-адъютантъ князь Меншиковъ посылалъ для переговоровъ съ турками о сдачѣ крѣпости, находившагося въ его распоряженіи капитанъ-лейтенантъ Л. М. Серебрякова, который хорошо зналъ турецкій языкъ и впослѣдствіи, въ чинѣ вице-адмирала, былъ начальникомъ Черноморской береговой линіи. Тутъ Серебряковъ въ первый разъ встрѣтился съ лицейскимъ своимъ товарищемъ Сеферъ-беемъ. Тогда онъ былъ уже въ чинѣ полковника турецкой службы и состоялъ ближайшимъ помощникомъ престарѣлаго паши, занимавшаго должность анапскаго коменданта. По словамъ Л. М. Серебрякова, успѣхамъ переговоровъ о сдачѣ крѣпости много обязаны мы были Сеферъ-бею. Особенно проявилъ онъ свою дѣятельность и настойчивость, когда турецкій гарнизонъ при объявленіи капитуляціи воспротивился выдать свое оружіе. По

взятіи Анапы, Сеферъ-бей былъ отправленъ въ числѣ другихъ военно-плѣнныхъ въ Одессу. Проѣзжая черезъ Одессу къ Варнѣ, по требованію князя Меншикова, Л. М. Серебряковъ посылъ Сеферъ-бея и нашелъ его въ нуждѣ и крайне недовольнымъ. Онъ жаловался, что его не отличили отъ другихъ военно-плѣнныхъ и даютъ ему такое незначительное содержаніе, что онъ, постепенно продавъ свое оружіе и все, что было у него болѣе цѣннаго, не имѣетъ уже болѣе ничего для продажи и не видитъ средствъ содержать себя. Не мѣшаетъ замѣтить, что Сеферъ-бей всегда отличался мотовствомъ. Л. М. Серебряковъ явился тогда къ бывшему новороссійскому генералъ-губернатору генералъ-адъютанту князю Воронцову и доложилъ ему о значеніи Сеферъ-бея и положеніи его, послѣ чего князь Воронцовъ приказалъ увеличить его содержаніе. Въ началѣ 1830 года Сеферъ-бей отпущенъ былъ на родину, въ окрестности Анапы, и возвратился туда недовольный нами.¹⁾ Но здѣсь онъ оставался очень недолго и снова отправился въ Турцію. Въ маѣ мѣсяцѣ Наказный Атаманъ Черноморскаго войска, генералъ Безкровный, донесъ генералу Емануелю²⁾, что недавно прибыли изъ Турціи и пристали къ берегу, недалеко отъ Анапы, четыре купеческихъ судна съ разными товарами, на коихъ, между прочимъ, привезены были письма отъ бывшаго анапскаго паши Гасана и Сеферъ-бея къ брату послѣдняго, находившемуся за Кубанью, а также и ко многимъ другимъ вліятельнымъ лицамъ всѣхъ черкесскихъ племенъ. Въ этихъ письмахъ Гасанъ-паша и Сеферъ-бей совѣтовали горцамъ относиться къ русскимъ миролюбиво, но аманатовъ не выдавать и не принимать присяги на подданство съ увѣреніемъ, что войска русскія не будутъ уже болѣе разорять ихъ и что сами они скоро придутъ къ нимъ. Кромѣ того Сеферъ-бей прислалъ своему брату 200 окъ пороху и нѣсколько пудовъ свинцу для раздачи закубанскимъ владѣльцамъ. Затѣмъ нашъ дипломатическій агентъ, Кодинецъ, узналъ отъ лазутчиковъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года къ черкесамъ пріѣхалъ изъ Константинополя самъ Сеферъ-бей и съ нимъ около двадцати чело-
вѣкъъ турокъ и черкесъ. По слухамъ, Сеферъ-бей намѣренъ

¹⁾ Записка Н. Карлгофа, приложенная къ рапорту ген.-майор. Капгера Главнокомандующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, отъ 20 августа 1855 года, № 2069.

²⁾ Рапортъ отъ 2 мая за № 77.

былъ навсегда остаться у своихъ соотечественниковъ, дабы поддерживать ихъ въ борьбѣ съ русскими. вмѣстѣ съ судномъ, на которомъ пріѣхалъ Сеферъ-бей, пристали также къ черкесскимъ берегамъ нѣсколько другихъ турецкихъ судовъ, нагруженныхъ товаромъ, удовлетворяющимъ потребностямъ горцевъ. Обстоятельство это конечно не замедлило отразиться на торговыхъ сношеніяхъ нашихъ съ горцами въ Анапѣ и торговля сейчасъ-же сильно сократилась¹⁾.

По окончаніи войны съ Турціею, въ 1829 году, крѣпость Анапа и весь Закубанскій край съ населявшими его племенами горцевъ, согласно Адрианопольскому мирному трактату, навсегда уступлены были Россіи. Съ этой поры правительство наше стало принимать мѣры къ упроченію въ Закубанскомъ краѣ. Полуразрушенная бомбардировкой при осадѣ въ 1828 г. Анапа была возобновлена нами и занята гарнизономъ. вмѣстѣ съ тѣмъ по проэку графа Паскевича-Эриванскаго, главнаго въ то время начальника на Кавказѣ, предположено было поселить въ треугольникѣ между Анапой и лѣвымъ берегомъ р. Кубани запорожцевъ, перешедшихъ въ 1828 году изъ Турціи въ Россію подъ начальствомъ своего атамана Гладкова. Для открытія же связи Черноморскаго побережья съ долиною Кубани рѣшено образовать линію укрѣпленій между Ольгинскимъ кордономъ и Геленджикской бухтой и посредствомъ военныхъ экспедицій во владѣнія непокорныхъ горцевъ, а также устройствомъ въ землѣ ихъ нашихъ укрѣпленій принудить горское населеніе къ покорности. Въ исполненіе этой обширной программы лѣтомъ 1830 года, по распоряженію графа Паскевича-Эриванскаго, наказный атаманъ Черноморскаго войска генералъ Безкровный двинулся съ большимъ отрядомъ войскъ за Кубань и выстроилъ тамъ три укрѣпленія: Мостовое-Алексѣевское на лѣвомъ берегу Кубани, Георгіе-Афипское на р. Афипсѣ и Ивано-Шебское на р. Шебшѣ. Затѣмъ осенью того-же года предпринята была экспедиція за Кубань подъ личнымъ начальствомъ графа Паскевича. Но прежде чѣмъ вступить въ землю непріятели онъ разослалъ закубанскимъ народамъ прокламацію для склоненія ихъ къ миролюбію и принятію присяги на вѣрноподданство Государю Императору.

¹⁾ Рапортъ надворн. совѣтн. Козинца генералу Емануелю отъ 17 октября 1830 г. № 208.

Бжедухскій князь Пшекуй Ахеджаковъ, косму вручено было два экземпляра прокламаціи этой для разглашенія ея старшинамъ шапсугскаго и абадзехскаго народовъ, возвратившись сообщилъ, что народы эти рѣшительно отказались дать присягу на подданство Россіи и объявили при этомъ, что подъ защитой своихъ горъ, ущелій и лѣсовъ и имѣя оружіе они готовы драться съ русскими до послѣдней капли крови и что если кто либо явится къ нимъ съ подобными-же прокламаціями, то они непременно убьютъ его. Ахеджаковъ избѣжалъ этой участи потому только, что имѣлъ среди ихъ вѣрныхъ друзей¹⁾ Получивъ такой отвѣтъ на свою миролюбивую прокламацію, графъ Паскевичъ-Эриванскій въ октябрѣ мѣсяцѣ того-же перешолъ съ многочисленнымъ отрядомъ войскъ за Кубань и слѣдуя отъ р. Афипса къ Абину по предгоріямъ Кавказскаго хребта, произвелъ страшное опустошеніе въ землѣ шапсуговъ. Не смотря на такія рѣшительныя мѣры къ утвержденію нашей власти въ Закубанскомъ краѣ, горцы не хотѣли все таки вѣрить, что Турція отказалась отъ нихъ и во всякомъ случаѣ совершенно не были склонны признавать себя подданными Россіи. Но въ первыхъ числахъ ноября 1830 года прибылъ за Кубань изъ Константинополя турецкій чиновникъ Салахуръ-Магметъ-ага, съ фирманомъ турецкаго султана къ Закубанскимъ племенамъ, коимъ объявлено было, что горцы, желающіе остаться подданными Турціи, должны прибыть въ Константинополь въ теченіи марта и апрѣля мѣсяцевъ 1831 года и что для этой цѣли прислано будетъ изъ Турціи въ Суджукъ-Кале (Новороссійскъ) необходимое число турецкихъ судовъ; тѣже горцы, которые останутся на родинѣ обязаны признать себя навсегда подданными Россіи. Когда фирманъ этотъ былъ прочтенъ въ собраніи старшинъ шапсугскаго и нухайскаго народовъ, то они страшно возмутились, убѣдившись, что турецкій султанъ дѣйствительно отказывается отъ нихъ, передавая подъ власть Русскаго Императора. Теперь уже не могло быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что горцамъ надо было отрѣшиться отъ всякой надежды на помощь и покровительство Турціи. Фирманъ этотъ при-

¹⁾ Репортъ генерала Безкровнаго графу Паскевичу-Эриванскому отъ 22 Сентября 1830 г. № 842.

вель горскихъ старшинъ въ такое озлобленіе, что они хотѣли тутъ же, въ собраніи, убить Салахуръ-Магмета-агу, но Сеферъ-бей помогъ ему скрыться отъ раздраженной толпы своихъ соотечественниковъ. Опасаясь за свою жизнь Салахуръ-ага поспѣшилъ возвратиться въ Турцію¹⁾.

Волненіе, вызванное среди горцевъ вышеприведеннымъ фирманомъ турецкаго султана, продолжалось всю зиму. Въ частныхъ своихъ собраніяхъ они толковали фирманъ этотъ на всѣ лады и, не придя ни къ какому положительному рѣшенію, не знали что имъ дѣлать. Въ виду этого въ первыхъ числахъ января 1831 года на Адагумѣ устроено было общее собраніе старшинъ шапсугскаго и натухайскаго племенъ для обсужденія вопроса—дѣйствительно-ли турецкое правительство отказалось покровительствовать имъ и если это такъ, то какія слѣдуетъ горцамъ принять мѣры по отношенію къ Россіи? По сообщенію преданнаго намъ шапсуга Юзуфа-эфенди, вызваннаго въ Екатеринодаръ и присутствовавшего на Адагумскомъ собраніи оказалось, что до этого собранія многіе изъ шапсуговъ и натухайцевъ не были увѣрены въ томъ, что они перешли въ зависимость отъ Россіи и для подтвержденія истины этой Сеферъ-бей долженъ былъ присягнуть предъ народомъ. При этомъ онъ очень энергично убѣждалъ старшинъ въ необходимости подчиниться постановленію Адрианополяскаго тракта и много говорилъ въ пользу миролюбивыхъ отношеній къ Россіи. Выслушавъ Сеферъ-бея собраніе старшинъ раздѣлилось на двѣ партіи: одна желала отдаться подъ покровительство нашей державы, тогда какъ другая требовала, напротивъ, полной независимости. Послѣдняя партія восторжествовала по причинѣ распространившихся въ горахъ слуховъ: что будто-бы всѣ русскія войска, находящіяся на Кубани, скорѣ удалены будутъ для участвованія въ возникающей европейской войнѣ, что на Черноморской кордонной линіи осталось на постахъ не болѣе какъ по 5 человекъ и что малочисленные гарнизоны закубанскихъ укрѣпленій не въ состояніи будутъ заготовить весной новаго запаса сѣна для лошадей, а потому останутся тамъ до тѣхъ лишь поръ, пока не израсходуютъ небольшіе запасы

¹⁾ Рапортъ и. д. Наказнаго Атамана Черноморскаго войска генер-маіор. Заводовскаго генераль-фельдмаршалу графу Паскевичу-Эриванскому отъ 18 ноября 1830 г., № 8.

имѣющагося у нихъ теперь фуража. Легкомысленные шапсу-ги, повѣривъ этимъ нелѣпымъ слухамъ, 16 февраля огромной толпой произвели нападеніе на Ивано-Шебское укрѣпленіе, но неожиданно встрѣтили тамъ такой сильной отпоръ, что принуждены были отступить съ большими потерями для себя и, разочарованные въ своихъ ожиданіяхъ, разошлись по домамъ. Таковую-же неудачу потерпѣли и абадзехи при нападеніи на Длиннолѣсское укрѣпленіе¹⁾. Послѣ этого горцы оставались покойны и занялись своимъ хозяйствомъ.

Архивные документы свидѣтельствуютъ, что въ исходѣ 1830 года Сеферъ-бей выразилъ желаніе объясниться съ генераломъ Емануелемъ²⁾ по поводу какихъ-то вопросовъ, касающихся склоненія черкесовъ на нашу сторону и что Емануель тогда же предписалъ Анапскому коменданту, генералу Выше-славцову, отправить Сеферъ-бея въ гор. Ставрополь на почтовыхъ лошадахъ, снабдивъ его подорожной по казенной надобности, прогонными деньгами и надежнымъ проводникомъ. Незадолго передъ этимъ Сеферъ-бей получилъ изъ Турціи два письма и представилъ ихъ графу Паскевичу-Эриванскому. Вѣроятно содержаніе писемъ этихъ было настолько важно, что графъ Паскевичъ въ декабрѣ 1830 года приглашалъ Сеферъ-бея пріѣхать къ нему въ Тифлисъ для личныхъ объясненій. Но Сеферъ-бей 15 февраля 1831 года отвѣтилъ графу, что не можетъ явиться къ нему, потому что занятъ приведеніемъ въ порядокъ своего хозяйства, которое за время нахождения его въ плѣну у русскихъ пришло въ совершенное разстройство. Въ этомъ же письмѣ онъ извѣщалъ между прочимъ, что разослалъ всѣмъ горскимъ князьямъ предложенія постановить общее рѣшеніе по какому-то вопросу и что когда состоится это рѣшеніе, то Сеферъ-бей не замедлитъ прибыть въ Тифлисъ вмѣстѣ съ тремя своими братьями. Былъ-ли Сеферъ-бей въ Тифлисъ и въ чемъ заключалась сущность его сношеній съ графомъ Паскевичемъ—мы не знаемъ. Но можно догадаться, что сношенія эти вызваны были самонадѣяннымъ предложеніемъ Сеферъ-бея склонить горцевъ на нашу сторону съ тѣмъ, чтобы устроить и свое положеніе въ качествѣ виднаго

¹⁾ Укрѣпленіе это находилось въ 8 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Майкопа.

²⁾ Командующій войсками Кавказской линіи и Черноморіи.

и вліятельнаго представителя народа. Онъ зналъ щедрость графа и не сомнѣвался, что при успѣхѣ задуманнаго имъ предпріятія легко могутъ осуществиться и его честолюбивыя замыслы занять на родинѣ такое общественное положеніе, какое, по его мнѣнію, могло-бы соотвѣтствовать знатности происхождения князей Занъ. Выполняя это предпріятіе Сеферъ-бей дѣйствовалъ съ крайней осторожностью черезъ посредство своихъ друзей князей и дворянъ. Народъ же нисколько не подозрѣвалъ его въ тайныхъ сношеніяхъ съ русскими властями и по прежнему видѣлъ въ немъ ревностнаго сторонника Турціи. Когда Сеферъ-бей убѣдился въ недостижимости своей цѣли, то онъ сразу перемѣнилъ политику, прервалъ всякія сношенія съ русскими и сдѣлался выразителемъ народной воли. Не желая подчиниться Россіи, горцы рѣшились послать къ турецкому султану депутацію съ просьбою объ освобожденіи своего края отъ нашего владычества. Представителемъ этой депутаціи избранъ былъ Сеферъ-бей. Весною Сеферъ-бей съ старшимъ сыномъ своимъ прибылъ на контрабандномъ суднѣ въ Константинополь, но турецкое правительство стнеслось къ его миссіи довольно равнодушно, не выразивъ видимаго желанія вмѣшиваться въ дѣла его соотечественниковъ. Тѣмъ не менѣе, Сеферъ-бей рѣшился остаться въ Константинополѣ въ надеждѣ достигнуть благоприятныхъ результатовъ, путемъ настойчивыхъ ходатайствъ защиты турецкаго султана при посредствѣ вліятельныхъ сановниковъ, съ которыми онъ старался сблизиться. Знатное происхожденіе Сеферъ-бея, его прежнія заслуги турецкому правительству и, наконецъ, цѣль самой миссіи, не чуждая интересамъ Турціи, давали ему право на нѣкоторое вниманіе и даже покровительство турецкихъ властей. Съ этихъ поръ онъ становится дѣятельнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ черкесскаго народа съ турецкимъ правительствомъ и его авторитетъ сталъ быстро возрастать въ глазахъ соотечественниковъ,

Не считая возможнымъ, въ силу адрианопольскаго трактата, явно оказывать черкесамъ свое покровительство, турецкое правительство не упускало однако случаевъ помогать имъ нелегальными способами и поддерживать въ нихъ увѣренность въ своемъ сочувствіи. Такъ въ началѣ 1830 года главноко-

мандующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, графъ Паскевичъ-Эриванскій, сообщилъ управляющему главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества графу Чернышеву, что турки, прибывающіе къ кавказскимъ берегамъ Чернаго моря, не перестаютъ, по приказанію трапезонскаго паши, распространять слухи между жителями Абхазіи о скоромъ прибытіи туда турецкихъ войскъ и возвращеніи имъ снова Анапы, Сухумъ-Кале и Поті; что изъ Трапезонда отправляются къ черкесскимъ берегамъ нѣсколько муллъ для проповѣдыванія корана и съ намѣреніемъ устроить тамъ мечети и школы для обученія молодыхъ черкесъ турецкому языку, и что въ теченіе весны этого года къ черкесскимъ и абхазскимъ берегамъ пристало уже 20 турецкихъ судовъ, а вскорѣ затѣмъ должны прибыть еще 17 судовъ, на коихъ будутъ доставлены изъ Турціи черкесамъ всякаго рода красные товары, соль, желѣзо, сталь, свинець, сѣра и порохъ. Прочитавъ вышеприведенное отношеніе графа Паскевича-Эриванскаго къ графу Чернышеву, Императоръ Николай Павловичъ изволилъ собственноручно написать на этомъ документѣ слѣдующую резолюцію: „1-е) Увѣдомить князя Ливена¹⁾, чтобы было сейчасъ предписано г. Рибопьеру объявить турецкому правительству, что такъ какъ я имѣю увѣреніе отъ него, что имъ послано приказаніе всѣмъ своимъ чиновникамъ не являться къ абхазскимъ берегамъ, то я не почитаю болѣе турками тѣхъ, кои противъ воли султана, мнѣ объявленной, продолжаютъ туда прибывать, а какъ разбойниковъ, противъ коихъ велѣлъ дѣйствовать оружіемъ. 2-е) Графу Паскевичу повелѣть, чтобы флотъ нашъ, крейсирующій у Черноморскихъ береговъ, осматривалъ безъ изъятія всѣ суда, пристающія между Анапой и Редуть-Кале и поступалъ съ оными на слѣдующемъ основаніи: а) тѣ суда, на которыхъ найдутся военные снаряды—брать въ плѣнъ, какъ военную добычу; б) подобно сему поступать и съ тѣми судами, которыя не дадутъ себя осматривать; в) тѣ суда, на коихъ, при осмотрѣ оныхъ, не окажется военныхъ снарядовъ—безпрепятственно пропускать для торговли, учредивъ однако за ними самый строгій и бдительный надзоръ. 3) Не смотрѣть ни

¹⁾ Генераль-адъютантъ князь Ливень—Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ.

на какія представленія турокъ, находящихся между черкесами, ибо они не только не должны мѣшаться въ дѣла черкесскія, но даже и само турецкое правительство не имѣетъ никакого права держать ихъ тамъ. Почему, въ случаѣ ихъ защищенія вмѣстѣ съ горцами или нападенія на наши войска, поступать съ ними, какъ съ бунтовщиками или ослушниками своего правительства, потому что сіе было бы совершенно противно и мирнымъ трактатамъ, и неоднократнымъ увѣреніямъ самого правительства, что сіе никогда быть не можетъ и не должно" ¹⁾). Несмотря на столь рѣшительныя и нѣсколько суровыя мѣры, принятыя графомъ Паскевичемъ по Высочайшему повелѣнію къ недопущенію въ землю черкесовъ турокъ, послѣдніе не прекращали все таки своихъ сношеній съ горцами.

Между тѣмъ Сеферъ-бей, по возвращеніи въ Константинополь, продолжалъ поддерживать въ соотечественникахъ радужныя надежды на помощь Турціи. Однако-же, послѣ долгихъ и тщетныхъ ожиданій помощи этой, горцы вынуждены были, наконецъ, для разрѣшенія возникнувшихъ у нихъ сомнѣній, послать въ концѣ 1834 года въ Константинополь своихъ агентовъ съ цѣлью разузнать достовѣрно—въ какой степени могутъ они рассчитывать на покровительство единовѣрной имъ державы, на которую до тѣхъ поръ они возлагали такъ много упованій?

Изъ донесенія нашего посланника въ Константинополь Министру Иностранныхъ Дѣлъ графу Несельроде видно, что депутаты эти положительно узнали, что нѣтъ никакихъ основаній рассчитывать черкесамъ на помощь или содѣйствіе Турціи и египетскаго паши, но зато они приняты были очень благосклонно секретаремъ англійскаго посольства Урквортомъ, назвавшимъ себя Даутъ-беємъ. Онъ объявилъ имъ, что англійское правительство, принимая самое живѣйшее участіе въ дѣлахъ черкесскаго народа, конечно, не оставитъ ихъ безъ надлежащихъ средствъ для продолженія борьбы съ Россіей. Такія же увѣренія выражали депутатамъ и нѣкоторые другіе англичане, пріѣзжавшіе въ Константинополь и, въ томъ числѣ, нѣкій Гудсонъ-Векари. Послѣ этого свиданія съ черкес-

¹⁾ Секретное отношеніе графа Чернышева графу Паскевичу-Эриванскому, отъ 15 іюля 1830 года.

скими депутатами Урквортъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ соотечественниковъ, отправился моремъ въ Самсунъ, а оттуда къ абхазскимъ берегамъ и натухайцамъ, гдѣ представилъ письма, которыми былъ снабженъ къ наиболѣе вліятельнымъ старшинамъ Хаджи Магомету и Гаудъ Мамсыру. Урквортъ съ своими спутниками принятъ былъ натухайцами весьма ласково и, послѣ трехдневнаго пребыванія у нихъ, получивъ необходимыя свѣдѣнія о положеніи края, отправился обратно въ Константинополь. Съ тѣхъ поръ Урквортъ не переставалъ обнадеживать черкесскихъ депутатовъ и внушать имъ необходимость энергичнаго сопротивленія русскому правительству, въ ожиданіи скорой помощи отъ Англіи. Онъ увѣрилъ ихъ также, что въ недалекомъ будущемъ англійское судно съ грузомъ соли и пороха и съ четырьмя орудіями должно отправиться къ черкесскимъ берегамъ, и что если судно это будетъ задержано на пути русскими крейсерами, то обстоятельство это послужитъ важнымъ поводомъ къ разрыву дружественныхъ отношеній Англіи съ Россіей и откроетъ возможность къ освобожденію черкесовъ.

Но всѣ эти обѣщанія долгое время оставались безъ исполненія. Убѣдившись, наконецъ, въ бесполезности дальнѣйшихъ ожиданій, черкесскіе депутаты рѣшились отправить отъ себя въ Англію довѣренное лицо Жебермеса Эджиба, извѣстнаго болѣе подъ именемъ Андрея Гой, съ цѣлью узнать какое въ дѣйствительности они могутъ ожидать пособіе отъ Англіи. Пробывъ въ Лондонѣ три мѣсяца Жебермесъ возвратился въ Константинополь и объявилъ депутатамъ, что хотя онъ и былъ представленъ личному секретарю англійскаго короля, а также разнымъ другимъ важнымъ особамъ, но изъ объясненій съ ними пришелъ къ заключенію, что никакихъ рѣшительныхъ мѣръ въ пользу черкесовъ отъ англійскаго правительства ожидать нельзя. Кромѣ того, изъ полученныхъ черкесскими депутатами въ началѣ весны извѣстій отъ своихъ соотечественниковъ обнаружилось, что ни одно изъ обѣщаній Уркворта не было исполнено. Наконецъ и самъ онъ былъ отозванъ отъ своего поста англійскимъ правительствомъ, при чемъ Великобританскій посолъ поручилъ депутатамъ объявить своимъ князьямъ и народу, что они были совершенно обма-

нуты Урквортомъ и потому не должны придавать никакого вѣроятія всѣмъ его обѣщаніямъ.

Межу тѣмъ въ первыхъ числахъ февраля слѣдующаго 1835 г. шапсуги и натухайцы положили собрать изъ ауловъ каждой рѣчки отъ 10 до 12 наиболѣе вліятельныхъ старшинъ, чтобы на общемъ собраніи представителей своего народа рѣшить давно занимающій ихъ вопросъ о томъ, какъ вести себя по отношеніи русскихъ, т.-е. продолжать войну или же искать средствъ къ примиренію? Къ этому времени получены были письма отъ Сеферъ-бея и возвратился одинъ изъ депутатовъ, посланныхъ въ прошломъ году въ Константинополь. На народномъ собраніи, состоявшемся на р. Адагумѣ, прочитаны были повсеуслышаніе письма Сеферъ-бея, въ которыхъ онъ сообщалъ, что весной или лѣтомъ къ черкесскимъ берегамъ непременно прибудетъ турецкій флотъ съ вспомогательнымъ войскомъ отъ султана. Извѣстіе это подтвердилъ и возвратившійся изъ Константинополя депутатъ. По обсужденіи писемъ Сеферъ-бея и выслушаній объясненій депутата, народное собраніе постановило не мириться съ русскими, при чемъ всѣ присутствовавшіе обязались присягой свято исполнять постановленіе это. вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было итти всѣмъ собраніемъ съ одной рѣчки на другую съ тѣмъ, чтобы во-первыхъ, привести всѣхъ шапсуговъ и натухайцевъ къ присягѣ въ соблюденіи вышеобъясненнаго постановленія, во-вторыхъ, обязать ихъ присягой не имѣть съ русскими никакихъ сношеній, а на виновныхъ въ нарушеніи этого обязательства налагать штрафъ въ размѣрѣ 600 турецкихъ левовъ; тѣхъ же, кои замѣчены были ранѣе въ предосудительныхъ связяхъ съ русскими подвергнуть разграбленію, и въ третьихъ придя на р. Шебшь, пригласить абадзеховъ къ совмѣстному дѣйствію противъ русскихъ и, въ случаѣ отказа, принудить ихъ къ этому силою.

Узнавши о такихъ намѣреніяхъ горцевъ, генераль Ма-линовскій, командовавшій въ то время Черноморской кордонной линіей, успѣшилъ собрать при Мостовомъ-Алесѣевскомъ укрѣпленіи¹⁾ сильный отрядъ, съ цѣлью не допустить соединенія шапсуговъ и натухайцевъ съ абадзехами и отстранить

¹⁾ Укрѣпленіе это, построенное въ 1830 году, находилось на лѣвомъ берегу р. Кубани въ 6-ти верстахъ къ западу отъ Екатеринодара.

вмѣшательство мирныхъ черкесовъ бжедухскаго, темиргоевского и егерухаевского племень. 2 марта отрядъ въ составѣ семи баталіоновъ пѣхоты, двухъ ротъ саперъ, 20 орудій и 684 человекъ конныхъ Черноморскихъ казаковъ прибылъ къ Мостовому-Алексѣевскому укрѣпленію и переправился за Кубань. Въ то время, когда войска наши, пользуясь удобнымъ случаемъ, производили заготовленіе дровъ для Екатеринодарскаго военно-временнаго госпиталя и генераль Малиновскій улаживалъ несогласія, возникнувшія между князьями и узденями бжедуховскаго племени изъ-за нарушенія первымъ изъ нихъ древнихъ народныхъ обычаевъ и присвоенія не принадлежащей имъ власти, на Афипсѣ образовалось огромное сборище шапсуговъ и натухайцевъ, для соединенія съ которыми въ то же время на рѣкѣ Супсѣ стали собираться и абадзехи. Въ мѣстѣ съ тѣмъ изъ враждебнаго намъ скопища посланы были къ мирнымъ бжедухамъ депутаты съ приглашеніемъ присоединиться къ общему возстанію противъ русскихъ, но предложеніе это было отвергнуто. Въ ожиданіи обратнаго возвращенія войскъ нашихъ на правый берегъ р. Кубани, шапсуги и натухайцы не предпринимали никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій. При такихъ обстоятельствахъ, дабы предотвратить возстаніе абадзеховъ, генераль Малиновскій призналъ нужнымъ совершить экспедицію во владѣнія непріятели и этимъ способомъ помѣшательство осуществленію его намѣреній. Поэтому какъ только окончено было заготовленіе дровъ, 10 марта въ 7 часовъ утра отрядъ нашихъ войскъ въ полномъ составѣ выступилъ съ занимаемой имъ позиціи къ Афипскому укрѣпленію и, прибывъ туда въ 3 часа ночи, двинулся къ р. Догай. Жители ауловъ, находившихся въ долинѣ этой рѣки, узнавши о приближеніи нашихъ войскъ, поспѣшно удалились въ ближайшіе лѣса, а оставленныя ими жилища были преданы огню. При отступленіи отряда отъ Догайскихъ ауловъ шапсуги и натухайцы, находившіеся въ сборищѣ на р. Афипсѣ и абадзехи съ рѣки Супса, пылая мщеніемъ за уничтоженіе жилищъ ихъ единоплеменниковъ яростно бросились преслѣдовать наши войска. Въ то время, когда отрядъ сталъ уже входить въ узкое дефиле Догайской долины, покрытой въ этомъ мѣстѣ густымъ лѣсомъ, съ обѣихъ сторонъ показалось болѣе тысячи человекъ

скакавшихъ туда горцевъ. Быстро спѣшившись и обнаживъ шашки, они ринулись въ рукопашный бой и, не взирая на учащенный огонь нашей артиллеріи, неотступно преслѣдовали войска наши до тѣхъ поръ, пока они не выбрались наконецъ изъ лѣса и выступили на открытое мѣсто. Но здѣсь всѣ шансы на успѣхъ перешли уже на сторону русскихъ и непріятельская партія, потерявъ около 80 человѣкъ убитыми и ранеными, принуждена была отступить, не рѣшаясь болѣе возобновлять нападеніе. Побѣда эта не обошлась, конечно, безъ жертвованій и съ нашей стороны. Изъ рядовъ войскъ нашихъ выбило 10 человѣкъ убитыми, и ранеными 4 оберъ-офицера и 53 нижнихъ чина. Въ составѣ нашего отряда находились также мирные бжедужскія князья и уздени въ числѣ 76 человѣкъ. Абадзехи, понеся въ этомъ дѣлѣ чувствительныя потери, отказались присоединиться къ шапсугамъ и натухайцамъ въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ и разошлись по домамъ, а послѣдніе, утративъ всякую надежду на помощь своихъ ближайшихъ сосѣдей абадзеховъ и бжедужовъ, покинули р. Шибшь и перешли на Бугундырь, замышляя овладѣть Абинскимъ укрѣпленіемъ. Послѣ пораженія непріятельскаго сборища на р. Догай, отрядъ нашъ, выполнивъ свою задачу, прежнимъ путемъ возвратился на другой день въ Мостовое-Алексѣевское укрѣпленіе и составлявшіе его войска были распущены по своимъ квартирамъ¹⁾.

Вскорѣ потомъ начальникъ Ольгинскаго кордона извѣстилъ генерала Малиновскаго, что со стороны Абинскаго укрѣпленія ежедневно слышатся пушечные выстрѣлы. Расположенное въ 40 верстахъ отъ нашей кордонной линіи на Кубани и среди многочисленнаго и воинственнаго населенія шапсуговъ, укрѣпленіе это вполнѣ было предоставлено своимъ собственнымъ силамъ, такъ что въ случаѣ нападенія большихъ скопищъ непріятеля оно не могло рассчитывать на скорую помощь.

Представляя собою правильный пятибастионный фортъ высокой профили съ палисадомъ во рву, Абинское укрѣпленіе выстроено было на лѣвомъ берегу р. Абина и находилось въ

¹⁾ Рапортъ ген. Малиновскаго командующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи ген.-лейт. Вельяминову, отъ 18 марта 1835 года № 495.

томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположена базарная станичная площадь и бани, у деревяннаго моста чрезъ рѣку. Постоянныя тревоги, близость болотъ, плохое продовольствіе, недостатокъ свѣжаго мяса и томительная тоска,—все это, по словамъ Г. И. Филипсона, порождало въ гарнизонѣ болѣзни, оканчивавшіяся обыкновенно цингой. Потеря въ людяхъ ежегодно была огромная. Укрѣпленіе это считалось ссылочнымъ мѣстомъ. Въ 40-хъ годахъ командовавшей войсками на Кавказской линіи генераль Заводовскій на одномъ докладѣ по военно-судному дѣлу положилъ резолюцію: „Казака NN, за третій побѣгъ изъ службы наказать плетью 30 ударами и послать на два года безъ очереди на службу въ Абинское укрѣпленіе“. Когда Филипсонъ доложилъ ему, что по закону казакъ этотъ долженъ быть наказанъ шпицрутенами и посланъ въ арестантскія роты на срокъ, Заводовскій отвѣтилъ: „по нашимъ казацкимъ правиламъ казаки наказываются плетью, а не шпицрутенами, а посылка въ Абинское укрѣпленіе на два года гораздо тяжелѣе, чѣмъ арестантскія роты“. Этотъ эпизодъ лучше всего характеризуетъ ужасныя условія быта абинскаго гарнизона во время описываемыхъ здѣсь событій. Надо замѣтить, что въ ту пору сообщеніе кордонной линіи съ укрѣпленіемъ этимъ производилось подъ прикрытіемъ сильнаго отряда исключительно только для смѣны гарнизона, доставленія ему продовольствія, огнестрѣльныхъ припасовъ и для принятія больныхъ и къ тому же не болѣе двухъ-трехъ разъ въ теченіе года; въ другое же время оно оставалось совершенно изолированнымъ отъ русскихъ. Очень естественно, что при такихъ условіяхъ извѣстіе, полученное отъ начальника Ольгинскаго кордона могло породить нѣкоторое безпокойство за безопасность Абинскаго укрѣпленія.

Одновременно съ этимъ генераль Малиновскій узналъ также, что Абинскій гарнизонъ ощущаетъ недостатокъ въ продовольствіи, дровахъ и что тамъ имѣется много больныхъ, которыхъ надо было доставить въ ближайшій госпиталь на кордонной линіи. Въ виду всего этого онъ призналъ необходимымъ безотлагательно предпринять движеніе къ Абиному. Съ этой цѣлью по его распоряженію у Ольгинскаго укрѣпленія къ 28 марта собранъ былъ отрядъ въ составѣ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, роты саперъ, 8 полевыхъ орудій. 2 горныхъ

единороговъ и 400 конныхъ Черноморскихъ казаковъ и полковъ, состоявшихъ на пограничной стражѣ. 29 числа раннимъ утромъ отрядъ этотъ, подъ личнымъ начальствомъ генерала Малиновскаго, отправился къ Абинскому укрѣпленію, имѣя при себѣ обозъ съ продовольствіемъ и амуницией для гарнизона и фуражъ для лошадей. На пути войскамъ пришлось перейти въ бродъ рр. Аушець и Тляхофипшь, а на Кунипсѣ, вслѣдствіе большого половодья, нужно было построить плотину, потому что безъ такого приспособленія нельзя было переправить черезъ названную рѣку артилерію и обозъ съ тяжестями. Здѣсь, на Кунипсѣ, отрядъ остановился на ночлегъ. Горцы, занявши лѣсъ, находящійся съ лѣвой стороны лагеря, открыли по войскамъ нашимъ огонь изъ ружей и фальконета, но вскорѣ выбиты были изъ занимаемой ими позиціи ядрами и картечью нашей артиллеріи, не причинивъ намъ никакого вреда. На другой день отрядъ двинулся къ Абину и на разсвѣтѣ 31 числа достигъ огромнаго и трудно проходимаго лѣса Перу, у опушки коего остановился для кратковременнаго отдыха.

Но лишь только войска наши расположились на бивуакѣ, со всѣхъ сторонъ начали показываться партіи горцевъ и тотчасъ же завязали жаркую перестрѣлку съ казаками и сторожевой цѣпью; затѣмъ они нѣсколько разъ бросались въ атаку, но, поражаемые мѣткими выстрѣлами нашихъ орудій, принуждены были отступить съ большими для себя потерями. Не зирая на очевидное превосходство силъ нашихъ и видимую невозможность рассчитывать на какой либо успѣхъ, партія горцевъ непрерывно увеличивалась новыми всадниками, скакавшими со всѣхъ сторонъ къ мѣсту боя. Такимъ образомъ составилось сборище въ 800 человекъ, преслѣдовавшее нашъ отрядъ на всемъ дальнѣйшемъ пути вплоть до Абинскаго укрѣпленія и предпринимавшее безуспѣшные атаки на фланговья и арьергардныя цѣпи. Потери наши были весьма незначительны и ограничивались пятью человекъми ранеными и двумя казачьими лошадьми.

По прибытіи въ Абинское укрѣпленіе и по осмотрѣ его, генералъ Малиновскій нашелъ укрѣпленіе въ отличномъ порядкѣ; но гарнизонъ крайне нуждался въ съѣстныхъ при-

пасахъ, не имѣя ничего другого, кромѣ небольшого количества свиного сала. Еще большая нужда ощущалась въ дровахъ, которыхъ не было ни полѣна, потому что въ зимнее время, по недостатку жилыхъ помѣщеній, нѣкоторая часть гарнизона принуждена была располагаться бивуакомъ подъ открытымъ небомъ и согрѣваться кострами, на что употребленъ былъ весь запасъ заготовленнаго на зиму топлива. Въ гарнизонѣ Абинскаго укрѣпленія оказалось 98 человекъ больныхъ. Весь день 1-го апрѣля отрядъ занятъ былъ рубкой дровъ, 400 воевъ которыхъ доставлено было въ укрѣпленіе. Начальникъ Абинскаго укрѣпленія сообщилъ генералу Малиновскому, что черкесы постоянно беспокоили ввѣренный ему гарнизонъ, стрѣляя въ крѣпость изъ своихъ пушекъ и не проходило ни одной ночи, чтобы не было тревоги, а въ особенности въ послѣдніе дни предъ прибытіемъ отряда. Усиливъ гарнизонъ 237 нижними чинами и снабдивъ его всѣми необходимыми съѣстными припасами и мясной порціей до 1-го іюля, а также небольшимъ количествомъ хлѣба, лука и 200 ведрами водки, генералъ Малиновскій на другой день предпринялъ съ отрядомъ обратное движеніе къ Кубани, взявъ съ собою изъ Абинскаго укрѣпленія 98 человекъ больныхъ.

На этотъ разъ горцы преслѣдовали наши войска въ меньшемъ числѣ и не съ такой энергіей, какъ наканунѣ. Тѣмъ не менѣе перестрѣлка съ ними не прекращалась на всемъ пути до р. Кунипса, и горцы пользовались каждымъ перелѣскомъ, чтобы вредить намъ. Однако артиллерія наша все время держала непріятеля въ почтительномъ разстояніи отъ отряда и многіе изъ смѣлыхъ наѣздниковъ поплатились жизнью за свою дерзость, при чемъ двое изъ нихъ мѣтко направленными ядрами были перебиты пополамъ вмѣстѣ съ лошадьми. Когда отрядъ сталъ приближаться къ р. Кунипсу, преслѣдовавшая его партія черкесъ, въ числѣ около 300 человекъ, проскакала впередъ къ переправѣ, гдѣ къ этому времени собралось уже много пѣшихъ горцевъ съ цѣлью помѣшать движенію нашихъ войскъ. Быстро разобравъ плотину, устроенную отрядомъ при слѣдованіи въ Абинское укрѣпленіе, горцы заняли лѣсъ, расположенный на другомъ берегу и встрѣтили войска наши градомъ пуль. Придвинувъ артиллерію на картечный выстрѣлъ

генераль Малиновскій приказаль открыть по непріятелю огонь. Горцы держались не долго и, выбитые изъ лѣсу, обратились въ бѣгство. Послѣ этого переправленные въ бродъ саперы съ двумя ротами пѣхоты немедленно приступили къ работамъ и менѣе чѣмъ въ часъ времени плотина была настолько исправлена, что отрядъ имѣлъ возможность перейти на другой берегъ р. Кунипса съ обозомъ и артиллеріей безъ всякихъ препятствій. Недостатокъ фуража побуждалъ, однако, ускорить маршъ, а потому, давъ войскамъ время сварить кашу, генераль Малиновскій двинулся съ отрядомъ далѣе и прибылъ въ Ольгинское укрѣпленіе въ 11 часовъ ночи. При обратномъ слѣдованіи весь уронъ нашего отряда ограничился двумя легко ранеными нижними чинами и двумя лошадьми. 3 апрѣля войска были распущены по квартирамъ, а 98 человекъ, взятыхъ изъ Абинскаго укрѣпленія и страдавшихъ большею частью цинготной болѣзнью, помѣщены были для пользованія въ Ольгинскомъ госпитальномъ отдѣленіи.

Враждебныя дѣйствія горцевъ, порождаемая главнымъ образомъ возмутительными посланіями Сеферъ-бея и безпрепятственными сношеніями его съ черкесами, вызвали, наконецъ, надобность въ принятіи болѣе рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію его вліянія на соотечественниковъ. Поэтому управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, вице-канцлеръ графъ Несельроде, по Высочайшему повелѣнію, поручилъ посланнику нашему въ Константинополь потребовать отъ Порты Оттоманской удаленія Сеферъ-бея во внутренніе города Румеліи. Признавая справедливость такого требованія, турецкое правительство безъ всякихъ возраженій рѣшило немедленно отправить Сеферъ-бея на жительство въ Базарджикъ, близъ Филиппополя и для сопровожденія его назначило особаго комиссара. Въ ноябрѣ 1836 года нашъ посланникъ въ Константинополь, Бутеневъ, сообщилъ графу Несельроде, что Сеферъ-бей уже выѣхалъ по назначенію и, вѣроятно, надолго, а можетъ быть и навсегда лишенъ будетъ возможности продолжать вредное сношеніе съ горцами¹⁾. Однако, въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, генераль Вельяминовъ, командовав-

¹⁾ Предписаніе Военнаго Министра графа Чернышева командующему войсками на Кавказской линіи генералу Вельяминову, отъ 6 ноября 1836 года № 7188.

шей войсками на Кавказской линіи, узналъ отъ лазутчиковъ, что въ концѣ декабря прошлаго года шапсугскіе депутаты, прибывшіе изъ Константинополя, привезли извѣстіе, что они видѣли тамъ Сеферъ-бея съ однимъ англичаниномъ, которые объявили имъ, что по требованію русскаго правительства Сеферъ-бей принужденъ на нѣкоторое время оставить Константинополь, и что скоро распространится слухъ о его мнимой ссылкѣ; но, по словамъ ихъ, это дѣлается для того лишь, чтобы обмануть русскаго посланника; въ дѣйствительности-же Сеферъ-бей останется въ Константинополѣ и весною непременно пріѣдетъ къ горцамъ вмѣстѣ съ англичанами. Кромѣ того, депутаты эти сообщили также, что Сеферъ-бей предложилъ имъ передать нухайцамъ и шапсугамъ, чтобы они выбрали изъ главнѣйшихъ восьми поколѣній по одному старшинѣ, которые имѣли бы полное довѣріе народа и чтобы старшины эти поселились въ Цемесской (Новороссійской) долинѣ для будущихъ переговоровъ, когда пріѣдетъ онъ, Сеферъ-бей, съ англійской экспедиціей. Поэтому, въ началѣ 1837 года, создано было на р. Адагумѣ народное собраніе, постановившее послать въ Константинополь нухайскаго дворянина Магометъ Каасъ и изъ простыхъ Хостанука Хасеша въ качествѣ депутатовъ съ изъявленіемъ Сеферъ-бею согласія народа на его предложеніе. Спустя нѣкоторое время назначено было новое собраніе на Адагумѣ же для выбора вышеупомянутыхъ старшинъ, коихъ предположено было снабдить полной довѣренностью всего народа относительно будущихъ переговоровъ съ англичанами и Сеферъ-беемъ. Очевидно, турецкое правительство вело двуличную политику по отношенію Россіи и не желало удалять Сеферъ-бея изъ Константинополя, но по вторичному и настоятельному требованію графа Несельроде Сеферъ-бей былъ вскорѣ потомъ отправленъ въ Базарджикъ.

Въ программу Высочайше утвержденныхъ предположеній о военныхъ дѣйствіяхъ на правомъ флангѣ Кавказской линіи въ лѣтній періодъ 1837 года входило сооруженіе двухъ или трехъ прибрежныхъ укрѣпленій къ югу отъ Геленджика на удобнѣйшихъ, по мѣстнымъ соображеніямъ, пунктахъ—въ устьяхъ рр. Пшады, Вулана, Джубги и даже южнѣе. Съ этой цѣлью у Ольгинскаго укрѣпленія къ 23 апрѣля былъ сосре-

доточень отрядъ въ составѣ 10 баталіоновъ Тенгинскаго, Навагинскаго и Кабардинскаго пѣхотныхъ полковъ, 2 роты саперъ, 4 пѣшихъ полковъ Черноморскаго казачьяго войска, 75 конныхъ казаковъ, при 26 орудіяхъ, 10 мортирахъ и 220 повозкахъ конноподвижнаго транспорта. Устроившись лагеремъ войска, подъ командою артиллеріи ген.-маіора Штейбе, съ 25 апрѣля по 9 мая, занимались конвоированіемъ транспортовъ съ различнаго рода запасами и госпитальными вещами отъ Ольгинскаго укрѣпленія въ Абинское. 9 мая, съ разсвѣтомъ, отрядъ подъ начальствомъ незадолго передъ этимъ прибывшаго генерала Вельяминова выступилъ на востокъ къ укрѣпленію Алексѣевскому и, переночевавъ, свернулъ затѣмъ черезъ рр. Антхыръ и Бугундырь къ Абину. Движеніе это сопровождалось жаркой перестрѣлкой съ горцами въ Чумбайскомъ лѣсу. Къ вечеру отрядъ прибылъ въ Абинское укрѣпленіе, а на другой день при неумолкаемой перестрѣлкѣ перешелъ къ Николаевскому укрѣпленію (гдѣ нынѣ Шапсугская станица). Дальнѣйшій путь, черезъ перевалъ Нако, къ Кабардинскому укрѣпленію сильно затруднялся частыми переправами черезъ рѣку Атакуафъ, крутыми подъемами и спусками, такъ что отрядъ достигъ Кабардинскаго укрѣпленія только къ вечеру 14 мая.

На слѣдующій день, послѣ девятичасоваго марша, войска генерала Вельяминова расположились лагеремъ у Геленджика. Здѣсь Вельяминовъ узналъ отъ лазутчиковъ, что мѣсяца полтора тому назадъ два англичанина, купецъ Белль и сотрудникъ лондонской газеты „Morning Chronicle“ Лонгвортъ, взятые на суднѣ Виксенъ, схваченномъ крейсерами нашими осенью прошлаго года въ Суджукской (Новороссійской) бухтѣ, вновь прибыли къ черкесскимъ берегамъ. Въ это время готовы были къ отправленію въ Константинополь назначенные отъ шапсуговъ и натухайцевъ первостепенный натухайскій уздень Кириюко Цинамюзъ и съ нимъ двое старшинъ, чтобы узнать должны ли они ожидать обѣщанной имъ отъ англійскаго правительства помощи. Англійскіе агенты остановили ихъ и посовѣтывали въ присутствіи собравшагося народа, чтобы они не входили ни въ какіе переговоры съ русскимъ правительствомъ впредь до полученія изъ Англій дальнѣйшихъ распоряженій, которыя вскорѣ должны послѣдовать относительно

горцевъ. За двѣ недѣли раньше этого на турецкомъ суднѣ, нагруженномъ свинцомъ и сталью, прибыли къ р. Пшадѣ два другихъ англичанина, бывшіе у горцевъ въ прошедшемъ году. Съ ними долженъ былъ пріѣхать и натухаецъ Наго Измаиль, но онъ опоздалъ къ отъѣзду ихъ, потому что изъ Константинополя ѣздилъ на пароходѣ къ Сеферъ-бею и получилъ отъ него письма и разныя посылки къ его семейству, оставшемуся въ горахъ. Белль и Лонгвортъ вручили горцамъ бумагу отъ имени своего правительства съ совѣтомъ явиться къ главному начальнику на Кавказѣ и объявить ему, что они совершенно смиряются, но чтобы и онъ, съ своей стороны, прекратилъ военныя дѣйствія, такъ какъ Россія не имѣетъ на нихъ никакихъ правъ, какъ на народъ, независимость коего всѣми признана; если же и послѣ этого русское правительство не перестанетъ вести войну, то они должны немедленно увѣдомить объ этомъ въ Константинополь черезъ Наго Измаила. Находясь въ горахъ вышеупомянутые англійскіе агенты распускали въ народѣ слухъ, что въ случаѣ продолженія русскими военныхъ дѣйствій, изъ Константинополя будетъ отправленъ къ черкесскимъ берегамъ соединенный флотъ нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, турецкаго султана и египетскаго паши, всего до 300 судовъ съ десантнымъ войскомъ и снарядами, что вскорѣ прибудетъ Сеферъ-бей, въ сопровожденіи прежде посланныхъ депутатовъ, на двухъ судахъ, нагруженныхъ исключительно свинцомъ и порохомъ и что сами они остаются у горцевъ, какъ залогъ въ исполненіи всего обѣщаннаго ими. Эти лживыя разглашенія вновь произвели всеобщее волненіе черкесскаго народа, начинавшаго уже тяготиться понесенными ими отъ войны бѣдствіями. Они положили вооружиться поголовно и дѣйствовать единодушно. Съ предложеніемъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій рѣшено было три раза послать къ начальствующему здѣсь войсками.

Справедливость вышеприведенныхъ извѣстій отчасти подтвердилась. На другой день по прибытіи отряда въ Геленджикъ, къ генералу Вельяминову явились пятеро горскихъ старшинъ, весьма почтенной наружности, хорошо вооруженные и безъ всякой свиты. Они назвались уполномоченными отъ натухайцевъ и шапсуговъ и объявивши, что народъ рѣшается

прекратить набѣги и хищничество въ границахъ нашихъ, требовали чтобы и Вельяминовъ съ своей стороны не предпринималъ противъ нихъ военныхъ дѣйствій, при чемъ сообщили, что будто бы король англійскій принялъ на себя посредничество между ними и русскимъ правительствомъ. Генералъ Г. И. Филипсонъ, описывая въ своихъ любопытнѣйшихъ воспоминаніяхъ¹⁾ сцену этихъ переговоровъ Вельяминова съ горскими депутатами говоритъ, что они начали съ того, что „отвергли права султана уступать ихъ землю Россіи; потомъ объявили, что весь народъ единодушно положилъ драться съ русскими на жизнь и на смерть, пока не выгонитъ ихъ изъ своей земли; хвалились своимъ могуществомъ, искусствомъ въ горной войнѣ, мѣткой стрѣльбой и кончили предложеніемъ возвратиться безъ боя за Кубань и жить въ добромъ согласіи“. Сознавая, что горскіе депутаты дѣйствуютъ въ данномъ случаѣ по внушеніямъ англійскихъ эмиссаровъ, Вельяминовъ по мѣрѣ возможности старался убѣдить ихъ, что они жестоко обмануты самозванными проходимцами; затѣмъ прямодушно объявилъ имъ, „что онъ идетъ съ войсками туда, куда велѣлъ Государь; что если они будутъ сопротивляться, то сами на себя должны пенять за бѣдствія войны, и что если наши солдаты стрѣляютъ вдесятеро хуже горцевъ, за то мы на каждый ихъ выстрѣлъ будемъ отвѣчать сотней выстрѣловъ“. Въ заключеніе онъ вручилъ имъ двѣ прокламаціи, заготовленныя еще въ 1834 году, одну для шапсуговъ, а другую для натухайцевъ. Вскорѣ потомъ генералъ Вельяминовъ получилъ отъ абадзеховъ, шапсуговъ и натухайцевъ письмо слѣдующаго содержанія: „Присланную вами прокламацію мы получили и содержаніе оной узнали. Возсылая хвалу Всевышнему Богу, мы, мусульмане, довольны всегда Его предопредѣленіемъ. Болѣе уже десяти лѣтъ находясь въ непрерывной войнѣ, съ надеждою, по разнымъ между народомъ носящимся слухамъ, быть ни отъ кого независимыми, мы теперь отъ высокаго короля англійскаго получили бумагу, относящуюся ко всѣмъ горскимъ племенамъ отъ Чечни до самаго Бугаса—Кизыль-таша, содержаніе которой извѣстно и вамъ. Въ оной говорится, чтобы черкесы, съ намѣреніемъ убійства и грабежа, не вступали ни-

¹⁾ Русскій архивъ, 1883 года №№ 5 и 6 и 1884 г. №№ 1, 2 и 3, Москва.

когда въ російскіе предѣлы, россияне же удалились отъ черкесъ и болѣе не вступали съ войсками въ наши земли. На сихъ условіяхъ слѣдуетъ утвердить договоръ и возобновить миръ и согласіе. Объявляя о семъ и вамъ, мы совершенно увѣрены въ томъ, что дружба и согласіе между нами водворится лишь тогда, когда всѣ войска ваши и крѣпости переведены будутъ за Кубань; торговлю же со всѣми племенами какъ водою, такъ и сухопутьемъ продолжали бы. Если изъясните на сіе ваше согласіе, то не оставьте почтить насъ отвѣтомъ, а что мы всѣ единодушно согласны покориться, въ томъ нѣтъ сомнѣнія и подозрѣнія. Силу могущества своего вы показали, ибо во власти вашей находится земли болѣе, чѣмъ въ семи королевствахъ. Но не для васъ однихъ Всемогущій Богъ создалъ всѣ земли. На объявленное же въ прокламаціи предложеніе одному Предвѣчному Творцу извѣстно, что мы никогда не согласимся и теперь ведемъ переговоры не изъ боязни васъ, но единственно вслѣдствіе наставленія и совѣтовъ, данныхъ намъ англійскимъ дворомъ. Тоже, что вы, съ гордостію заявляя о своемъ могуществѣ и храбрости, грозите уничтожить насъ однимъ словомъ, присуще одному только Всемогущему Творцу, и хотя вы имѣете силу, но мы также надѣемся на милосердіе Его. Въ случаѣ же признанія насъ, подобно прочимъ правительствамъ и королевствамъ, безъ сомнѣнія, всѣ черкесы, безъ изъятія, будутъ согласны относительно покорности. На подлинномъ подписались абадзехскаго, шапсугскаго и натахайскаго общества муллы, все духовенство и почетные люди".

Въ отвѣтѣ этомъ ясно проглядывало внушеніе англійскихъ агентовъ, сообщившихъ горцамъ невѣдомыя имъ ранѣе свѣдѣнія о размѣрахъ Россіи, такъ какъ до сихъ поръ, въ понятіяхъ ихъ, вся Россійская имперія заключалась лишь въ Кавказской линіи и Черноморіи. Упомянутое посредничество англійскаго короля, очевидно, также не принадлежитъ понятіямъ горцевъ, потому что о взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ державъ они не имѣли никакого представленія¹⁾). Въ-мѣсто всякаго отвѣта на это письмо генераль Вельяминовъ дви-

¹⁾ Рапортъ генерала Вельяминова командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генераль-адъютанту барону Розену, отъ 25 мая 1837 года, № 228.

нулся съ отрядомъ въ землю прибрежныхъ шапсуговъ и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ построилъ тамъ два укрѣпленія: Ново-троицкое—въ устьяхъ р. Пшады и Михайловское—въ устьяхъ р. Вулана. Подстрекаемые Беллемъ и сильно надѣясь на обѣщанное пособіе шапсуги и частью натухайцы оказывали ожесточенное сопротивленіе движенію нашихъ войскъ, такъ что при слѣдованіи къ Вулану и обратно въ Геленджикъ отряду пришлось съ бою прокладывать себѣ путь съ довольно значительными для себя потерями. Враждебная по отношенію насъ дѣятельность Белля среди горцевъ вынудила наше правительство обратиться къ черкесамъ съ новой прокламаціей и принять мѣры къ поимкѣ его и товарищей. За поимку Белля обѣщана была денежная награда въ 3 тысячи руб., а за его товарищей отъ одной до двухъ тысячъ рублей. Но Белль, пробывъ у горцевъ три года, заблагоразсудилъ самъ уѣхать на родину въ 1839 году. Составленное имъ потомъ описаніе своего пребыванія у горцевъ и до сихъ поръ считается однимъ изъ лучшихъ источниковъ для ознакомленія съ бытомъ, общественнымъ и политическимъ устройствомъ черкесскаго народа¹⁾.

Мы уже знаемъ изъ предыдущаго, что по Адрианопольскому мирному трактату 1829 года весь восточный берегъ Чернаго моря, съ населявшими его черкесскими племенами, навсегда былъ уступленъ Россіи. Не взирая на это, турки не прекращали вести съ горцами торговлю. Получая отъ нихъ невольниковъ и нѣкоторыя сырыя произведенія страны ихъ, турки, въ свою очередь, снабжали горцевъ солью, разными мануфактурными издѣліями, порохомъ и оружіемъ. Взаимныя выгоды такой торговли устанавливали между ними тѣсное сближеніе. Все это вмѣстѣ взятое давало прибрежнымъ горцамъ возможность ставить нашему правительству серьезную преграду въ достиженіи преслѣдуемой имъ цѣли прочнаго утвержденія на Кавказѣ. Предполагалось сперва, что цѣль эта можетъ быть достигнута отчасти устройствомъ кордонной линіи отъ Кубани до Геленджикской бухты и покореніемъ натухайцевъ, владѣнія которыхъ, такимъ образомъ, отрѣзывались отъ сосѣднихъ непокорныхъ племенъ горцевъ. Начало этой

¹⁾ Belle James Stanislas.—Journal d'une résidence en Circassie pendant les années 1837, 1838 и 1839. 2 vol. Paris 1841 an.

линіи положено было въ 1831 году устройствомъ на лѣвомъ берегу рѣки Кубани Ольгинскаго тетъ-де-пона, противъ Ольгинскаго кордона¹⁾, и укрѣпленія въ Геленджикской бухтѣ. Между этими двумя конечными пунктами генералъ Вельяминовъ, въ 1834 году, соорудилъ въ землѣ шапсуговъ Николаевское²⁾ и Абинское укрѣпленія. Въ такомъ недоконченномъ видѣ, безъ всякой связи между названными четырьмя укрѣпленіями, на протяженіи около 80 верстъ, Геленджикская линія существовала до упраздненія ея въ началѣ войны съ Турціею 1853—56 годовъ. Для прекращенія-же контрабандной торговли турокъ съ черкесскими племенами, одновременно съ устройствомъ Геленджикскаго укрѣпленія, учреждено было крейсерство нашихъ парусныхъ судовъ вдоль восточнаго берега Чернаго моря. Но такъ какъ кромѣ Геленджикской бухты, гдѣ пребывала небольшая эскадра крейсерскихъ судовъ, мы не имѣли на всемъ побережьи другихъ опорныхъ пунктовъ, то контрабандныя турецкія суда свободно приставали къ черкесскому берегу, снабжая горцевъ порохомъ, свинцомъ и оружіемъ. Государь Императоръ Николай Павловичъ, усматривая изъ донесеній начальствовавшихъ на Кавказѣ лицъ, что временныя экспедиціи, предпринимаемая въ землѣ непокорныхъ намъ племенъ горцевъ не только не приносятъ ожидаемой пользы, а напротивъ еще болѣе раздражаютъ ихъ, пожелалъ лично ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ на Кавказѣ и 21-го сентября 1837 года прибылъ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ Геленджикское укрѣпленіе. Здѣсь ожидалъ Государя генералъ Вельяминовъ со своимъ отрядомъ, возвращавшимся на Кубань послѣ окончанія постройки Новотроицкаго и Михайловскаго укрѣпленій. Выслушавъ начальствовавшихъ въ то время на Кавказѣ лицъ и внимательно обсудивъ вопросъ о прочномъ занятіи восточнаго берега Чернаго моря, Императоръ Николай I призналъ нужнымъ устроить рядъ укрѣпленій и фортовъ въ такихъ мѣстахъ по берегу моря, которыя представляли собою наибольшія удобства для пристанища контрабандныхъ турецкихъ судовъ. Въ исполненіе такого предначертанія Государя Императора, кромѣ существо-

¹⁾ Ольгинскій кордонъ Черноморской кордонной линіи находился на правомъ берегу р. Кубани въ 20 верстахъ къ западу отъ Марьянской станицы.

²⁾ На мѣстѣ нынѣшней Шапсугской станицы.

вавшихъ уже укрѣпленій: Геленджикскаго, Новотроицкаго при устьѣ р. Пшады, Михайловскаго при устьѣ р. Вулана и Св. Духа при р. Мдзымтѣ, сооруженныхъ въ 1837 году, устроены были въ 1838 году Навагинское при р. Сочи, фортъ Вельяминовскій при р. Туапсе, Тенгинское укрѣпленіе при р. Шапсухо, Кабардинское при р. Добѣ и Новороссійское въ Суджукской бухтѣ при устьѣ р. Цемеса; въ 1839 г. построены фортъ Головинскій при р. Шахе и фортъ Лазаревъ при р. Псезуапсе; кромѣ того на берегахъ Абхазіи возобновлены старыя турецкія укрѣпленія: Сухумъ-Кале, Пицунда, Гагры, Поты, Бомборы, Редуть-Кале и постъ св. Николая. Непрерывный рядъ этихъ укрѣпленій и фортовъ получилъ названіе Черноморской береговой линіи. Имѣя своего особаго начальника, линія эта раздѣлена была на 3 части и въ районъ своего управленія включала всю мѣстность отъ устьевъ р. Кубани до границы Азіатской Турціи. Для охраненія этой линіи отъ непріятели сформировано было изъ полковъ бывшей 20 пѣхотной дивизіи, сформированной въ 1834 году, 10 отдѣльныхъ Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, составившихъ собою гарнизоны укрѣпленій береговой линіи. При Новороссійскомъ укрѣпленіи устроенъ былъ портъ для эскадры Черноморскаго флота, назначенной для крейсерства вдоль восточнаго берега Чернаго моря. Эскадра эта состояла изъ одного фрегата и 6 судовъ меньшаго размѣра. Но такъ какъ сухопутныхъ дорогъ на Черноморской береговой линіи вовсе не существовало и сообщеніе между укрѣпленіями могло производиться только моремъ, и въ виду того, что большія суда нашей крейсирующей эскадры не могли преслѣдовать контрабандныя турецкія кочеры, легко укрывавшіяся въ многочисленныхъ мелкихъ бухтахъ, то для этой цѣли въ каждомъ укрѣпленіи находилось по двѣ лодки гребной флотиліи Азовскаго казачьяго войска. Такимъ образомъ азовская гребная флотилія составила вторую линію крейсерства вдоль черкесскаго берега и много способствовала къ прекращенію контрабандной торговли турокъ съ горами, но не могла совершенно уничтожить ее. Для сообщенія же Черноморской береговой линіи съ кордонной линіею на Кубани, кромѣ построенныхъ въ 1834 году укрѣпленій Николаевскаго и Абинскаго, возведены были еще три новыхъ: въ 1839 году

фортъ Раевскій¹⁾ и въ 1842 году укрѣпленія Гостагаевское и Варениковское²⁾).

Въ ряду прочихъ мѣръ, направленныхъ къ общему умиротворенію непокорныхъ черкесскихъ племенъ составленъ былъ и Высочайше одобренъ планъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, заключавшійся въ томъ, чтобы систематически тѣснить горцевъ, прорѣзывая земли ихъ укрѣпленными линиями. Исполненіе этого плана на дѣлѣ встрѣтило много препятствій, вдаваться въ разсмотрѣніе которыхъ мы не станемъ. Надо только замѣтить, что въ то время боевыя наши силы на Кавказѣ были слишкомъ недостаточны, чтобы предпринять рѣшительныя мѣры къ покоренію горцевъ. Большая часть войскъ малочисленнаго Кавказскаго корпуса отвлечена была дѣйствіями на восточномъ Кавказѣ. На западномъ-же Кавказѣ, при огромныхъ размѣрахъ театра войны, кромѣ Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, расположенныхъ гарнизонами по укрѣпленіямъ береговой линіи, находилось не болѣе четырехъ полковъ пѣхоты съ соотвѣтствующимъ числомъ полевой артиллеріи. Гарнизоны-же береговой линіи по своей крайней малочисленности не всегда въ состояніи были отражать довольно частыя нападенія на нихъ большихъ скопищъ горцевъ, задавшихъ цѣлью уничтожить эти укрѣпленія, служившія преградой свободнаго сообщенія ихъ съ турками. Абинское, Николаевское, Гостагаевское укрѣпленія и фортъ Раевскій, расположенныя въ землѣ шапсуговъ и натахайцевъ, въ дѣйствительности представляли собою ни что иное, какъ складочные пункты запасовъ продовольствія и боевыхъ снарядовъ для незначительныхъ отрядовъ нашихъ войскъ, изрѣдка предпринимавшихъ экспедиціи для наказанія горцевъ за набѣги въ наши предѣлы, и для удаленія ихъ отъ укрѣпленій этихъ, находившихся почти всегда въ осадномъ положеніи. Совокупныя дѣйствія отрядовъ береговой линіи и Черноморской кордонной со стороны Кубани также не приносили существенной пользы въ дѣлѣ умиротворенія черкесскихъ племенъ ибо вслѣдъ за удаленіемъ изъ земель ихъ войскъ нашихъ горцы возобновляли нападенія на наши ук-

¹⁾ Раевскій фортъ находился на р. Мезяго верстахъ въ 4 къ востоку отъ Раевской станицы

²⁾ На мѣстѣ этихъ укрѣпленій въ 1862 году поселены казачьи станицы съ тѣми же названіями.

рѣпленія и станицы на Кубани. 1840 годъ ознаменовался для насъ прескорбнымъ событіемъ взятія горцами открытой силой нѣсколькихъ укрѣпленій на Черноморской береговой линіи. Полный неурожай хлѣбовъ въ горахъ, страшный голодъ и стремленіе воспользоваться запасами продовольствія, находившихся въ прибрежныхъ укрѣпленіяхъ сплотили черкесскія племена къ единому дѣйствію противъ насъ. Небывалый энтузіазмъ, возбудивъ яростныя чувства непримиримой вражды къ русскимъ, породилъ въ горцахъ твердую рѣшимость, подкрѣпленную клятвой, уничтожить во что бы то ни стало всѣ наши укрѣпленія, построенныя въ ихъ землѣ. Обстоятельства благопріятствовали успѣху ихъ предпріятія. Въ то время укрѣпленія Черноморской береговой линіи находились въ весьма печальномъ положеніи. Построенныя изъ непрочнаго мѣстнаго матеріала на скорую руку и не имѣя надлежащей обороны, укрѣпленія эти приходили въ разрушеніе, а средствъ къ исправленію ихъ не было. Малочисленные гарнизоны въ составѣ 2—3 ротъ до крайности ослаблены были изнурительными болѣзнями, такъ что, напримѣръ, при нападеніи горцевъ на фортъ Лазаревъ изъ двухъ ротъ пѣхоты могли стать въ ружье для обороны только 78 человекъ. Между тѣмъ толпы горцевъ, нападавшихъ на наши укрѣпленія простирались отъ 5 до 11 тысячъ человекъ. При такихъ условіяхъ 7-го февраля они овладѣли фортомъ Лазарева, 29-го февраля взяли укрѣпленіе Вельяминовское, 22-го марта—Михайловское и 30 марта—Николаевское укрѣпленіе. Геройская оборона этихъ укрѣпленій слабыми гарнизонами являетъ собою блистательный примѣръ непоколебимаго мужества Кавказскихъ войскъ. Безстрашно вступая въ бой съ многочисленнымъ непріателемъ, они защищались не покидая оружія до послѣдняго издыханія, а при невозможности дальнѣйшаго сопротивленія—взрывали себя на воздухъ. Подвигъ рядового Тенгинскаго полка Архипа Осипова, взорвавшаго Михайловское укрѣпленіе, составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ въ исторіи Кавказской войны и конечно никогда не изгладится изъ памяти русскаго народа. Ободренныя успѣхомъ взятія вышеупомянутыхъ укрѣпленій, горцы въ апрѣлѣ мѣсяцѣ покушались штурмовать и другіе укрѣпленные пункты береговой линіи, но

вездѣ были отражены. Наконецъ пораженіе, понесенное ими при штурмѣ Абинскаго укрѣпленія, 26 мая, заставило горцевъ отказаться на нѣкоторое время отъ нападеній открытою силою на укрѣпленія наши и послѣднія съ тѣхъ поръ стали приводиться нами въ лучшее оборонительное положеніе.

Въ событіяхъ 1840 года на Черноморской береговой линіи и за Кубанью Сеферъ-бей не принималъ, повидимому, никакого участія и о дѣятельности его въ періодъ времени съ 1837 года, когда онъ высланъ былъ по настоянію нашего правительства въ Базарджикъ, по 1842 годъ въ архивахъ Кавказа свѣдѣній не имѣется.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1842 года повѣренный въ дѣлахъ нашихъ въ Константинополь, тайный совѣтникъ Титовъ, сообщилъ¹⁾ главнокомандующему на Кавказѣ генералу-отъ-инфантеріи Головину, что Сеферъ-бей, черезъ посредство адрианопольскаго агента нашей миссіи, Фонтонна, вошелъ къ нему съ предложеніемъ услугъ своихъ и съ просьбой исходатайствовать ему возвращеніе на родину или же разрѣшеніе семейству его переселиться къ нему въ Турцію для совмѣстнаго жительства съ нимъ. Не зная до какой степени генералъ Головинъ признаетъ сообразнымъ съ пользою дѣлъ нашихъ домогательства Сеферъ-бея Титовъ воздержался отъ рѣшительнаго отвѣта и, препроводивъ заявленіе Фонтонна къ генералъ Головину, просилъ его увѣдомить не встрѣчаетъ-ли онъ какихъ-либо неудобствъ въ удовлетвореніи желаній Сеферъ-бея. По приказанію корпуснаго командира, начальникъ штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса ген.-маіоръ Коцебу, потребовалъ отъ начальника Черноморской береговой линіи ген.-адъютанта Анрепа мнѣнія относительно просьбы Сеферъ-бея и, для его соображеній, сообщилъ, что Сеферъ-бей, пользующійся большимъ уваженіемъ между черкесскими племенами, могъ бы дѣйствительно быть полезенъ для видовъ правительства, если бы рѣшился искренно дѣйствовать въ нашу пользу; но, принявъ во вниманіе прежнюю его жизнь, враждебные поступки его противъ Россіи и, наконецъ, самую рѣшимость вдругъ перемѣнить свои правила, едва ли можно допустить искренность въ его предложеніяхъ.

¹⁾ Отзывомъ отъ 1 марта 1844 г. за № 124.

Сообразивъ мѣстныя обстоятельства и собравъ подробныя свѣдѣнія о князѣ Сеферъ-беѣ генераль-адъютантъ Анрепъ сообщилъ¹⁾ Нейдарту, вступившему въ управление Кавказомъ послѣ Головина, слѣдующее:

„Земли, принадлежавшія Сеферъ-бею, лежатъ въ окрестности такъ называемаго Сеферъ-беева редута, близъ Анапы. Часть ихъ занята пахатными полями закубанскихъ поселянъ, другая—находится въ произвольномъ владѣніи сосѣднихъ горцевъ. Крестьяне Сеферъ-бея, до 100 семействъ, по удаленіи его, оставили свои жилища и разсѣялись между сосѣдними племенами. Жена Сеферъ-бея съ двумя дочерьми скиталась въ крайней бѣдности между надкубанскими натухайцами. Старшій сынъ его находился въ Константинополѣ и служилъ маіоромъ въ турецкихъ войскахъ; младшій—воспитывался въ Хизе, уроч. на восточномъ берегу, между укр. Головинскимъ и р. Вардане. Айтекъ-оглу Шерецохъ и Хатукай-бей Доканкери, названные въ донесеніи г. Фонтонна братьями Сеферъ-бея, въ дѣйствительности дальніе его родственники, жили около верховьевъ Кубани; Гасанбей, двоюродный братъ Сеферъ-бея, жилъ между шапсугами. Они не имѣли никакого значенія между горцами. Имя Сеферъ-бея было еще въ большомъ уваженіи у горцевъ и служило орудіемъ для недоброжелателей Россіи. Возвращеніе Сеферъ-бея на родину съ искреннимъ намѣреніемъ дѣйствовать въ пользу русскаго правительства и ко благу своихъ одноплеменниковъ могло бы имѣть послѣдствія благопріятныя для насъ; но если въ его предложеніи скрываются враждебные замыслы, то отъ него должно опасаться вреда, какъ отъ непріятели. Услуги Сеферъ-бея могутъ заключаться только въ нравственномъ вліяніи его на соплеменниковъ. На восточномъ берегу Чернаго моря для самаго Сеферъ-бея не возможно составить партію довольно сильную для того, чтобы поднять оружіе въ пользу своего предводителя и стать въ рядахъ русскихъ противъ своихъ соотечественниковъ; а между тѣмъ онъ, какъ врагъ русскихъ и защитникъ своего племени, можетъ увлечь къ единомудушному возстанію противъ насъ племена сѣверовосточной покатости Кавказа“.

Безъ надежнаго ручательства въ благонамѣренности Се-

¹⁾ Рапортъ отъ 18 января 1843 г. № 39.

феръ-бея, генераль-адъютантъ Анрепъ считалъ опаснымъ возвратить его на родину, тѣмъ болѣе, что нельзя уже было ни собрать его крестьянъ, ни отдать ему обратно земель, необходимыхъ для закубанскаго поселенія; но находилъ полезнымъ переселить Сеферъ-бея въ Керчь, куда могли-бы быть доставлены его жена и дѣти. Приличное содержаніе связало бы личные его интересы съ нашими выгодами. Присутствіе его въ нашихъ предѣлахъ отняло бы у противниковъ нашихъ возможность пользоваться его именемъ при враждебныхъ проискахъ ихъ въ горахъ. Имѣя въ своихъ рукахъ семейство Сеферъ-бея и удостовѣрясь въ искренности его добрыхъ намѣреній, можно бы со временемъ допустить его войти въ сношеніе съ горцами, и это произвело бы на нихъ сильное, благопріятное для насъ впечатлѣніе. Относительно-же отправленія семейства Сеферъ-бея въ Адрианополь, ген.-адъютантъ Анрепъ не видѣлъ особенныхъ препятствій, кромѣ затрудненія собрать членовъ его и склонить ихъ къ отъзду въ Турцію.

По представленіи корпуснымъ командиромъ основаній, на которыхъ возможно бы дозволить кн. Сеферъ-бею прибыть въ Россію, Военный Министръ, кн. Чернышевъ увѣдомилъ Нейдгарта, что о желаніи Сеферъ-бея возвратиться на Кавказъ было уже доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, и вслѣдствіе этого объявлено ему, что Государь Императоръ, снисходя на просьбу его, Всемилостивѣйше разрѣшилъ Сеферъ-бею прибыть въ Россію и оставаться, вмѣстѣ съ семействомъ, въ одномъ изъ городовъ Новороссійскаго края, до полученія убѣжденія въ искренности его раскаянія и въ пользѣ, какую можно извлечь изъ предлагаемыхъ имъ услугъ; но что при объявленіи объ этомъ Сеферъ-бею, онъ, вмѣсто того, чтобы принять съ должною признательностію Монаршее къ нему снисхожденіе, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ не давалъ агенту нашему никакого отзыва и, какъ можно полагать, по той причинѣ, что условія, на которыхъ онъ можетъ прибыть въ Новороссійскій край, не согласовались съ тайными его намѣреніями, а потому предписано агенту не приступать къ новымъ съ нимъ объясненіямъ; однако же со всевозможною бдительностію слѣдить за его дѣйствіями и за сношеніями съ непокорными горцами. Затѣмъ, ген.-адъютантъ кн. Чернышевъ полагалъ дѣло это оставить

въ настоящемъ положеніи, впредь до новыхъ домогательствъ просителя.

Такимъ образомъ въ началѣ 1843 года переписка о возвращеніи въ Россію Сеферъ-бея была кончена и о немъ начали уже забывать. Но въ ноябрѣ 1844 года неожиданно прибылъ къ шапсугамъ и натухайцамъ изъ Турціи черкесь Хустанъ-Хожесь (онъ же Хостанукъ) и доставилъ имъ отъ князя Сеферъ-бея слѣдующіе воззваніе на турецкомъ языкѣ¹⁾.

„Князей, дворянъ, духовенство и все независимое, свободное и вольное общество шапсугскаго народа, послѣ многихъ поклоновъ, увѣдомляю. Какъ великому моему благодѣтелю возвысившему меня, питающему многихъ, творящему безпредѣльное благо всѣмъ своимъ подвластнымъ, искони природному нашему Государю, помощи Божіей во всякомъ дѣлѣ и безконечной жизни молю и искренно желаю; такъ точно и всему обществу вашему доблестей и геройскихъ подвиговъ и во всѣхъ дѣлахъ милости и помощи отъ Бога нелицемѣрно прошу! И за симъ повѣдую вамъ слѣдующее. Цѣль, съ которою я оставилъ мою отчизну и удалился на чужбину, вамъ всѣмъ извѣстна. Не безъизвѣстно тоже и то, что покойный султанъ Махмудъ-ханъ (царство ему небесное!) отнялъ меня въ свое милостивое вниманіе и покровительство. Это было такъ: представившись ему, я былъ спрошенъ о причинѣ моего прибытія (въ Турцію), и на вопросъ этотъ началъ я приносить ему жалобу на русское правительство, что оно притѣсняетъ насъ и присваиваетъ себѣ земли, нами населяемая; противъ чего просилъ я его заступленіи и защиты. Но, къ несчастію, я явился тогда уже, какъ Россія съ Портою заключила миръ (въ 1829 году). И покойный султанъ на всѣ мои жалобы отвѣтствовалъ такъ: „По заключенному съ Россіей миру, я не могу оказывать вамъ никакого покровительства; ибо всѣ населяемая вами земли, начиная отъ кр. Анапы до Арпачая, по мирному трактату, сдѣлались уже достояніемъ Россійской державы. Мало этого—если бы Россійскій Государь, въ крайности, при недостаткѣ собственныхъ силъ, сталъ просить у меня войска въ пособіе своимъ дѣйствіямъ противъ васъ, то я, какъ союзникъ его, готовъ оказать ему такую помощь. Чтоже ка-

¹⁾ Воззваніе Сеферъ-бея къ закубанскимъ народамъ 1260 г. (Эгирь).

сается до васъ, то ни въ какомъ случаѣ не буду за васъ вступаться". Вслѣдствіе сихъ словъ, онъ даже отъ защиты собственныхъ моихъ владѣній отказался, и едва мнѣ одному лично предоставилъ покровительство въ своей имперіи. Обезнадеженный такимъ отвѣтомъ, я обращался съ моимъ искомъ къ визирямъ и первымъ сановникамъ султана, но отъ всѣхъ получилъ одинъ отвѣтъ, что служа вѣрно своему государю они ничего не могутъ говорить противъ его словъ и что дѣйствительно условія мирнаго договора съ Россіею свято должны быть сохраняемы. Не получивъ успѣха во всѣхъ моихъ на пользу вашу стремленіяхъ, съ какимъ бы лицомъ я возвратился къ вамъ? А потому, въ надеждѣ на обстоятельства болѣе благопріятныя, я рѣшился лучше остаться въ турецкой службѣ и поселился въ татарскомъ базарѣ (въ Константинополѣ), гдѣ и живу нѣсколько лѣтъ. И въ продолженіи столь долгаго времени, во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ монарховъ ничего не видѣлъ я, кромѣ союза и согласія, которыя всѣ повѣренныя мнѣ ходатайства о пользахъ вашихъ дѣлаютъ безуспѣшными даже до сего времени. И я, наконецъ, желалъ бы уже опять увидѣть общество ваше и мою семью, покинутую 18 лѣтъ назадъ и о которой до сихъ поръ не перестаю вспоминать, а родину уподобляю раю.

Повѣрьте мнѣ, что я все еще недумаю оставить мое ходатайство и не теряю надежды исполнять мои желанія. До сего времени я каждый день и каждый часъ ожидалъ какойнибудь перемѣны въ отношеніяхъ двухъ монарховъ и, безъ сомнѣнія, семнадцатилѣтнее терпѣніе мое не должно остаться безъ вознагражденія. Посему прошу васъ не давайтесь въ обманъ русскимъ, и вмѣстѣ съ этимъ не предпринимайте противъ нихъ никакихъ непріязненныхъ покушеній, а живите мирно. Такъ какъ самъ султанъ нашъ, заключивъ миръ съ русскими, уступилъ имъ наши страны, то поэтому поводу русскіе беспокоятъ васъ. Но, повторяю, не давайтесь въ обманъ русскимъ и, если можно, старайтесь соединить всѣ ваши силы и средства и держитесь крѣпко въ надеждѣ на скорый оборотъ обстоятельствъ; на каковой предметъ ожидайте отъ меня въ скоромъ времени новаго посланія, послѣ котораго непременно послѣдуетъ благопріятная перемѣна въ вашемъ положеніи.

Въ заключеніе всего прошу, чтобы посылаемая вамъ отъ меня бумага была прочитана на сборѣ всѣхъ старшинъ, молодыхъ и вообще людей всякаго возраста для того, чтобы содержаніе ея всякому сдѣлалось извѣстнымъ. Успѣху моихъ стараній о васъ, какъ видите, мѣшаетъ заключенный между двумя державами, при пяти или шести стахъ тысячъ народа и множествѣ почетныхъ свидѣтелей отъ обоихъ государствъ и потому свято ненарушимо соблюдаемый, миръ. А посему всѣхъ васъ прошу русскихъ войскъ не трогать; если вы не будете трогать ихъ, то и они не станутъ причинять вамъ раззореній.

Остаются еще надежды, которыя, можетъ быть, съ помощію Божіею, исполнятся благополучно. Недавно отправлено отъ султана посольство (къ Россійскому Императору); оно еще не возвратилось, но должно возвратиться, какъ ожидаемъ, съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, который непременно сообщить вамъ.

Теперь вы, кажется, хорошо поняли все сказанное мною; равно можете согласиться, что дорога къ вамъ, если бы захотѣлъ я къ вамъ возвратиться, всюду для меня закрыта. Прежде суда наши имѣли свободное плаваніе и сообщеніе съ вами, но нынѣ на всѣхъ мѣстахъ русскіе положили преграду, такъ что ни одно судно, безъ вѣдома русскаго правительства, пройти, къ вамъ не можетъ. Рабъ Божій (Абдугуль-бары) Сеферъ-бей¹⁾.

Воззваніе это было читано на народныхъ собраніяхъ натухайскаго и шапсугскаго народовъ и имѣло настолько благопріятное вліяніе на горцевъ, что большая часть старѣйшинъ и эфендіевъ, начиная отъ р. Хабль и до самаго Новороссійска и Анапы, рѣшили было прекратить враждебныя дѣйствія противъ русскихъ и вступить съ ними въ мирныя сношенія. Однако этому доброму намѣренію противодѣйствовали нѣкоторые муллы, во главѣ съ вліятельнѣйшимъ въ народѣ хабльскимъ эфендіемъ Шеретъ. По внушеніямъ этихъ духовныхъ лицъ и нѣкоторыхъ старшинъ, часть шапсуговъ и натухайцевъ объявила нашимъ лазутчикамъ на народномъ собраніи, въ аулѣ шапсугскаго старшины Амирза Ротока, что они тогда только сдѣлаются мирными, когда генер.-лейт. Н. С. Завадовскій, ко-

¹⁾ Кубанскаго войскового архива, по 2-й общей описи, дѣло управления Черноморской кордонной линіи 1844 года № 305; по спеціальн. описи № 8, св. 22, стр. 30, 31, 32.

мандовавшій въ то время войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, исполнить данное имъ будто-бы два года тому назадъ Амирза Ротоку обѣщаніе уничтожить Абинское укрѣпленіе. Поэтому командовавшій Черноморской кордонной линіею ген.-маіоръ Рашпиль, по совѣту воинскаго начальника Абинскаго укрѣпленія подполковника Мазана, призналъ необходимымъ послать горцамъ слѣдующую прокламацію на турецкомъ діалектѣ.

„Къ закубанскимъ черкесскимъ горскимъ народамъ“

„Неосновательные толки и ложные слухи, распространяемые неблагонамѣренными людьми—такъ долго устраняють ту благуя цѣль російскаго правительства, которая, содѣлавъ васъ общими съ нами подданными одному Государю, водворила бы между нами миролюбіе, спокойствіе и, упрочивая взаимное довѣреніе, содѣлала бы насъ полезными другъ другу. Васъ несправедливо и безсовѣстно недобрые люди увѣряють, будто бы вы принадлежите турецкому государству и соблазняютъ васъ несбыточными обѣщаніями скорой присылки къ вамъ арміи турецкаго султана. Знайте, что этого никогда не будетъ и быть не можетъ; ибо послѣ войны 1828 года свято заключеннымъ миромъ сама Турція признала всѣ племена кавказскіе подданными Россіи, и турецкій султанъ, даже въ нынѣшнее время, подтвердилъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не нарушитъ даннаго имъ торжественнаго слова и далекъ отъ мысли когда-либо содѣйствовать кавказскимъ горцамъ противъ законнаго ихъ Государя. Да будетъ это вамъ извѣстно!

Между тѣмъ искренно желая въ васъ, нашихъ сосѣдяхъ, имѣть не враговъ, но надежныхъ и прочныхъ миролюбивыхъ друзей, я спѣшу воспользоваться теперешнимъ вашимъ собраніемъ, чтобы передать вамъ волю Всемилостивѣйшаго нашего Государя Императора и возвѣститъ вамъ тѣ милостивыя и выгодныя для собственнаго вашего блага основанія, на которыхъ будутъ приняты въ число вѣрноподданныхъ Его Величества такіе изъ вашихъ обществъ и племенъ, которыя обратятся къ своему долгу съ покорностію Государю Императору.

Таковымъ добровольно подчиненнымъ племенамъ и обществамъ Его Императорское Величество предоставляетъ: прочность водворенія въ предѣлахъ ими занимаемыхъ и неприко-

сновенность ихъ вѣры, мечетей, обычаевъ, собственности и народнаго правленія.

Обязанность же покорностию Государю Императору, на каждого вѣрноподданнаго налагаемая, состоитъ въ безусловномъ повиновеніи священной Его Величества волѣ, всегда для всѣхъ насъ благотворной; ибо Августѣйшій нашъ Монархъ, какъ чадолюбивый отецъ, только заботится о нашемъ благѣ.

Могущество Россіи вамъ извѣстно. Великій и Всемиловитѣйшій нашъ Государь щедро награждаетъ заслуги своихъ вѣрныхъ подданныхъ. Вы видите это на собственныхъ своихъ единовѣрцахъ. Вашему собственному соображенію предоставляется, вы опытные старшины обществъ! Вникните и сравните безпристрастно настоящее ваше положеніе съ несмѣтными и огромными силами и средствами Россіи. Разсмотрите сами, сколько бы вы собственно для себя и обществъ вашихъ извлекли выгодъ изъ прочной покорности Государю Императору.

Повинуясь съ нами одному Государю, собственность ваша была бы ограждена могучимъ покровителемъ; вы вкусили бы удобства обильной и спокойной жизни, нашли бы оплотъ и защиту противъ враговъ вашихъ; въ домашнемъ же быту—торговлею, взаимною мѣною произведеній устранили бы отъ себя многія лишенія и приобрѣтали бы отъ насъ съ выгодною все вамъ необходимое.

Такимъ образомъ, живя между собой мирно и дружно, съ каждымъ почти днемъ упрочивая болѣе и болѣе взаимное къ себѣ довѣріе, весьма скоро возвысилось бы довольство, благосостояніе общихъ подданныхъ нашего Всемиловитѣйшаго Государя Императора“¹⁾.

23 декабря прокламація эта прочитана была на собраніи старшинъ шапсугскаго и натухайскаго племенъ и, съ общаго согласія, они положили: „быть съ Россіею мирными, не дѣлать большими партіями набѣговъ для грабежа, не пропускать въ означенной дистанціи немирныхъ горцевъ... что же при случаѣ будетъ хищниками уворовано—возвратить“²⁾. Окончательный же отвѣтъ на предложеніе генерала Рашпиля, выраженное въ его прокламаціи, старшины рѣшили отложить до наступленія

¹⁾ Кубанскій войсковой архивъ. По 2-й общей описи, дѣло управленія Черноморской кордонной линіи 1844 года № 305, связка 22, стр. 8, 19.

²⁾ Рапортъ подполк. Мазана ген.-маіор. Рашпилю отъ 24 декабря 1844 г., № 772.

весны, дабы узнать мнѣніе всего народа. Но спустя шесть дней послѣ этого подполковникъ Мазанъ донесъ генералу Рашпилю, что хабльскій Шереть эфенди, вопреки заключеннаго по условію всѣми старшинами мира съ русскими, возмущилъ почти половину хабльскихъ жителей и вмѣстѣ съ тѣмъ разослалъ по всѣмъ ауламъ приглашенія молодежи собираться для вторженія въ Черноморію на грабежъ. Вскорѣ затѣмъ генералу Рашпилю возвращена была и его прокламація съ надписью на ней (по арабски) хабльскаго эфенди Шерета слѣдующаго содержанія.

„Симъ отвѣтствуемъ на ваше воззваніе. Открываемся чистосердечно, что безъ повелѣнія султана, нашего государя, ни одинъ человекъ и ни одна душа изъ нашего народа не только не можетъ заключить съ вами мирныхъ условій, но даже и изъявить простое согласіе на миръ. Къ этому еще промолвимъ вамъ, если султанъ, нашъ государь, будетъ въ миру, то и мы будемъ жить мирно; а если нѣтъ, то и мы также. Если какіе-либо люди изъ нашихъ племенъ, исповѣдующихъ законъ Магомета и вѣрующихъ въ алкоранъ, будутъ доносить вамъ, будто мы желаемъ вступить въ подданство Россійской державы и будутъ при томъ утверждать, что многіе изъ нашего народа расположены къ миру, то такимъ людямъ ни въ чемъ не должно вѣрить, развѣ только въ томъ одномъ, что доколѣ оба Монарха (россійскій и турецкій) будутъ пребывать во взаимныхъ мирныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ, дотолѣ, мы ручаемся, никто изъ насъ не будетъ считать русскихъ врагами себѣ. Сверхъ этого скажемъ вамъ, что если кто-нибудь изъ нашихъ будетъ пріѣзжать къ вамъ съ вѣстями о разныхъ нашихъ дѣлахъ и происходящихъ у насъ новостяхъ, то на подобныхъ людей вы всегда смотрите какъ на лжецовъ совершенно далекихъ отъ мысли быть вамъ полезными. Эти переносчики вѣстей дѣлаются шпіонами изъ одной корысти: они пользуются отъ васъ воздаяніями, какъ у насъ слышно. Но увѣряемъ васъ, что настоящей истины вы отъ нихъ никогда и ни въ какихъ вещахъ не узнаете, хотя бы и всѣ сокровища Россіи имъ предложили“¹⁾).

¹⁾ Кубанскій войсковой архивъ. По 2-й общей описи, дѣло управленія Черноморскою кордонной линіи 1844 года № 305, связка № 22, стр. 27, 36.

Получивъ столь неутѣшительный отвѣтъ на свою прокламацію генераль Рашпиль счелъ лучшимъ прекратить дальнѣйшія сношенія съ горцами и, въ предупрежденіе весьма возможныхъ при такомъ положеніи дѣлъ вторженій въ предѣлы наши хищническихъ партій, сдѣлалъ должныя распоряженія къ усиленію бдительности стражи на Черноморской кордонной линіи. Между тѣмъ воззваніе Сеферъ-бея, распростра- няясь среди горцевъ, достигло наконецъ къ прибрежнымъ на- тухайцамъ и попало къ начальнику 1-го отдѣленія Черномор- ской береговой линіи, контръ-адмиралу Л. М. Серебрякову, который не замедлилъ представить его начальнику Черномор- ской береговой линіи ген.-адъютанту Будбергу. При этомъ Л. М. Серебряковъ высказалъ мнѣніе, что возвращеніе Сеферъ- бея изъ Турціи могло бы имѣть благопріятныя послѣдствія, если бы представилась возможность связать его условіями для дѣйствій въ нашу пользу; а достигнуть этого можно въ такомъ лишь случаѣ, если семейство его будетъ въ нашихъ рукахъ. Убѣдясь, что дальнѣйшее сопротивленіе горцевъ бесполезно, что они ни откуда не могутъ ожидать помощи, Сеферъ-бей вразумилъ бы ихъ въ этомъ и собственнымъ примѣромъ пре- данности увлекъ бы многихъ къ покорности. Во всякомъ слу- чаѣ, если бы Сеферъ-бей былъ въ нашихъ рукахъ и могъ имѣть свиданія съ горцами, хотя подъ надзоромъ, это было бы, по мнѣнію Л. М. Серебрякова, гораздо лучше посланій его къ нимъ, какъ бы ни было благопріятно для насъ послѣднее изъ нихъ. Находя однако невозможнымъ допустить пребываніе Се- феръ-бея въ горахъ контръ-адмиралъ Серебряковъ полагалъ, что отъ пребыванія его въ Керчи и даже въ Новороссійскѣ можно ожидать для отношеній нашихъ къ горцамъ болѣе вы- годъ, чѣмъ онъ могъ бы принести ихъ, оставаясь въ Адриано- полѣ и дѣйствуя оттуда на одинаковыхъ условіяхъ, потому что муллы всегда сумѣютъ дать произвольный смыслъ его воззва- ніямъ, исказивъ ихъ. Вина Сеферъ-бея заключалась въ намѣре- нии искать покровительства турецкаго двора для своего племе- ни, которымъ онъ былъ посланъ. Онъ могъ бы искупить ее, дѣй- ствуя обратно. Повторяя, что на преданность Сеферъ-бея мож- но будетъ положиться, имѣя въ рукахъ его семейство, контръ- адмиралъ Серебряковъ заявлялъ, что подарками женѣ его, все

еще скитающейся между натухайцами, онъ старается склонить ее прибѣгнуть подъ покровительство Россіи. Ей не противенъ былъ этотъ совѣтъ; но опасеніе огорчить мужа и омрачить уваженіе къ нему народа—удерживало ее послѣдовать этому совѣту.

Съ своей стороны ген.-адъютантъ Будбергъ также полагалъ, что вызовъ сюда Сеферъ-бея былъ бы полезенъ, особливо въ то время, когда горцы восточнаго берега весьма поколебались въ увѣренности на помощь Турціи, внушенной имъ людьми неблагонадежными. Сеферъ-бей старъ и ему тягостна была полуневоля, въ которой держало его правительство Порты, въ видѣ милостыни давая ему скудное содержаніе; но между горцами память о его храбрости и энергической враждѣ къ русскимъ была еще свѣжа. Вліяніе Сеферъ-бея на соплеменниковъ было бы неважно, если бы мы дѣйствовали противъ нихъ преимущественно оружіемъ, но постоянно слѣдуя на восточномъ берегу противоположной системѣ, мы могли бы, по мнѣнію Будберга, извлечь большую пользу изъ примѣра и убѣжденій Сеферъ-бея, тѣмъ болѣе, что онъ былъ человѣкъ образованный и могъ понять то, чего желаетъ отъ его соплеменниковъ наше правительство.

Генер.-адъют. Будбергъ, усматривая изъ доставленной ему выписки журнала о положеніи дѣлъ въ другихъ частяхъ Кавказа, что горскія племена лѣваго фланга Кавказской линіи и Дагестана начали уже скучать владычествомъ Шамиля и что, чувствуя опасность своего положенія, онъ готовъ былъ оставить тотъ край и пробраться чрезъ Кабарду за Кубань, а оттуда отправиться въ Турцію, выразилъ предположеніе, что если бы это намѣреніе вполнѣ удалось Шамилю, то для насъ такой оборотъ дѣла былъ бы скорѣе полезенъ, чѣмъ вреденъ. Но если, прибывъ къ племени адиге (черкесамъ) Шамиль не нашелъ бы возможности уѣхать въ Турцію, то уже одно его пребываніе въ этомъ краѣ могло и непремѣнно послужило бы поводомъ къ общему возстанію, въ которомъ возмутитель, конечно, не остался бы празднымъ зрителемъ. Въ такомъ случаѣ пребываніе здѣсь кн. Сеферъ-бея послужило бы до нѣкоторой степени противодѣйствіемъ лживымъ и враждебнымъ внушеніямъ Шамиля и вообще людей злонамѣренныхъ, коихъ и безъ того было весьма много между горцами этого края.

Мнѣніе контръ-адм. Серебрякова о пользѣ вызова кн. Сеферъ-бея заслуживало серьезнаго вниманія, потому что онъ хорошо зналъ горцевъ и лично былъ знакомъ съ Сеферъ-беемъ съ давняго времени. Если Сеферъ-бей при первомъ предложеніи не оказалъ особенной готовности воспользоваться Всемилоствѣйшимъ дозволеніемъ сблизиться съ своею родиною, то это произошло, какъ полагалъ Будбергъ, отъ свойственной всѣмъ вообще горцамъ медлительности въ рѣшеніяхъ серьезныхъ вопросовъ. При томъ же, можетъ быть, самое предложеніе было ему сдѣлано не совсѣмъ опредѣлительно: Сеферъ-бей не зналъ, какія получить онъ средства къ существованію въ новомъ мѣстѣ жительства, а въ его лѣта такое опасеніе весьма естественно, тѣмъ болѣе, что здѣсь онъ былъ бы, такъ сказать, на виду своихъ соплеменниковъ и, слѣдовательно, долженъ бы жить прилично своему происхожденію и важности значенія, которое онъ имѣлъ въ народѣ.

Представляя такія соображенія Кавказскому намѣстнику графу М. С. Воронцову, генер.-адъют. Будбергъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялъ, что если рѣшено будетъ возобновить вызовъ кн. Сеферъ-бея, то было бы полезно предложить ему: 1) пребываніе въ г. Керчи, въ распоряженіи начальника Черноморской береговой линіи; 2) дозволеніе имѣть сношенія со своими соплеменниками подъ ближайшимъ надзоромъ начальства, — надзоромъ, прекращеніе коего будетъ зависѣть отъ образа его дѣйствій, и 3) производство отъ казны пенсіи ежегодно по тысячѣ руб. сер. Сверхъ сего было бы также не лишнимъ подать Сеферъ-бею надежду, что если начальство будетъ довольно его поведеніемъ, то онъ можетъ ожидать отъ щедротъ Россійскаго Монарха особенныхъ милостей и наградъ, соразмѣрныхъ его усердію и преданности. Наконецъ, самое предложеніе это, по мнѣнію Будберга, могло бы быть представлено Сеферъ-бею какъ знакъ Всемилоствѣйшаго къ нему вниманія за то, что онъ въ послѣднее время, чрезъ нутхайца Хустанъ Хаджи, старался вразумить своихъ соплеменниковъ касательно ихъ дѣйствительныхъ выгодъ и обязанностей¹⁾).

¹⁾ Рапортъ генер.-адъют. Будберга графу Воронцову отъ 14 апрѣля 1845 года № 829. Дѣло штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса по генеральному штабу, № 5.

Вышеприведенныя предположенія генер.-адъют. Будберга были одобрены Государемъ Императоромъ и завѣдывающему вице-консульствомъ нашимъ въ Адрианополѣ, коллеж. совѣт. Ващенко, поручено было объявить съ должной осторожностью князю Сеферъ-бею о Всемилостивѣйше дарованномъ ему позволеніи возвратиться въ Россію. Несмотря, однако-же, на всѣ старанія Ващенко сблизиться съ Сеферъ-беемъ, послѣдній всячески уклонялся отъ знакомства съ нимъ и враждебно отзывался о насъ передъ турками. „Всѣ средства, до нынѣ употребленныя мною съ надлежащею осторожностью, писалъ Ващенко посланнику нашему въ Константинополь Титову¹⁾, чтобъ внушить довѣріе къ себѣ и заставить его сблизиться со мною, остались тщетными и по всему видно, что онъ рѣшился пребывать въ непріязненномъ къ Россіи расположеніи. Въ сихъ чувствахъ поддерживаютъ его неосновательныя извѣстія, печатаемая въ французскихъ журналахъ о дѣйствіяхъ российскихъ войскъ на Кавказѣ, извѣстія, превозносящія мнимые подвиги горцевъ, въ числѣ коихъ Сеферъ-бей находитъ одного изъ сыновей своихъ и гордится передъ турками мужествомъ его. Переписка Тагиръ-паши о дѣлахъ кавказскихъ съ какимъ-то французомъ въ Константинополь, имени коего я никакъ узнать не могъ, питаетъ надежду Сеферъ-бея, что мятежное сопротивление соотечественниковъ его увѣнчается успѣхомъ и дастъ ему возможность возвратиться современемъ на родину свободно. Но всего болѣе, мнѣ кажется, поддерживаютъ въ немъ подобныя мечтанія сношенія съ великобританскимъ консуломъ, у котораго онъ иногда бываетъ и который на-дняхъ самъ былъ у Сеферъ-бея съ посѣщеніемъ. Извѣстно, что еще за два года передъ симъ англійское посольство въ Константинополь производило сему человѣку въ теченіе нѣкотораго времени денежное содержаніе“.

„Впрочемъ, несмотря на то, что вліяніе Сеферъ бея на соотечественниковъ его не должно быть въ настоящихъ обстоятельствахъ значительно, во-первыхъ, по причинѣ давняго его отсутствія изъ Кавказа, а во-вторыхъ, потому что каждое поколѣніе горцевъ имѣетъ нынѣ своего предводителя на мѣстѣ,

¹⁾ Секретное донесеніе коллежск. совѣт. Ващенко посланнику Титову отъ 30 октября 1845 года. Дѣло штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса по генеральному штабу, № 5.

я не промину воспользоваться первымъ случаемъ, когда таковой представится, чтобы сдѣлать сему горскому князю внушеніе по смыслу предписанія в. пр. отъ 11-го іюля № 521, не открывая ему, впрочемъ, во всемъ пространствѣ распоряженія, сдѣланнаго объ немъ отъ министерства прежде, нежели можно удостовѣриться въ искренности его расположенія, еслибы, наконецъ, онъ изъявилъ такое на перемѣщеніе свое въ Керчь“.

Однако, переговоры съ Сеферъ-беемъ убѣдили Ващенко въ невозможности добиться отъ него ручательствъ въ исполненіи тѣхъ условій, на коихъ предполагалось разрѣшить ему возвращеніе въ Россію, а потому Ващенко находилъ бесполезнымъ вступать съ Сеферъ-беемъ въ дальнѣйшія объясненія по этому вопросу и больше уже не беспокоилъ его своими посѣщеніями.

Въ исходѣ 1848 года въ Закубанскомъ краѣ появился Магометъ-Аминъ, посланный Шамилемъ съ званіемъ наиба для распространенія между враждебными и покорными намъ племенами горцевъ мюридизма и для возбужденія ихъ къ священной войнѣ противъ насъ. Сущность мюридизма заключалась въ обновленіи мусульманства посредствомъ строгаго слѣдованія уставамъ его и въ возстановленіи дѣятельной войны противъ невѣрныхъ. Но ученье это въ дѣйствительности клонилось къ предоставленію неограниченной власти надъ народомъ духовному лицу и въ развитіи демократическихъ началъ въ народѣ до уравниенія правъ всѣхъ сословій. Магометъ-Аминъ дѣйствовалъ за Кубанью совершенно самостоятельно, признавая надъ собою власть Шамиля, бывшаго своего повелителя, только номинально. Между горскими племенами западнаго Кавказа всегда существовали внутреннія несогласія, препятствовавшія имъ соединиться вмѣстѣ для противодѣйствія нашимъ завоевательнымъ предпріятіямъ въ ихъ краѣ. Враги Россіи пользовались этимъ и употребляли всевозможныя средства для соединенія этихъ племенъ къ общимъ предпріятіямъ противъ насъ. Такими-же побужденіями руководился и Шамиль отправляя Магометъ-Амина на западный Кавказъ.

Два его предшественника не оправдали надеждъ Шамиля. Первый изъ нихъ, Хаджи-Магометъ, прибывъ за Кубань въ

1842 году, дѣятельно сталъ проповѣдывать среди горцевъ шариатъ и мюридизмъ Шамиля и успѣлъ привлечь къ своему учению не мало послѣдователей. Вскорѣ они образовали особую партію хаджиретовъ, прославившихся за Кубанью своими смѣлыми хищническими набѣгами въ наши предѣлы. Хаджиреты какъ послѣдователи мюридизма извѣстны были у закубанскихъ горцевъ также подъ именемъ мутазиговъ; на восточномъ же Кавказѣ послѣдователи мюридизма назывались мюридами. Хаджи-Магометъ значительно усилилъ малочисленную и не вліятельную прежде въ закубанскихъ племенахъ горцевъ партію мусульманскаго духовенства и поднялъ значеніе ее въ народѣ. Успѣхъ, достигнутый въ началѣ Хаджи-Магометомъ за Кубанью былъ сильно поколебленъ потомъ установленіемъ непривычныхъ для горцевъ налоговъ, ограниченіями личной свободы, но главнымъ образомъ введеніемъ духовнаго суда и провозглашеніемъ равенства всѣхъ мусульманъ. Постановленія духовнаго суда во многомъ противорѣчили вѣками сложившимся обычаямъ и понятіямъ народа о взаимныхъ отношеніяхъ правахъ собственности и т. п., а равенство угрожало большинству лишеніемъ зависимыхъ сословій и рабовъ, на которыхъ зиждилось ихъ благосостояніе. По этимъ причинамъ большинство свободныхъ сословій отшатнулось отъ мюридизма, а въ 1843 году умеръ и самъ провозвѣстникъ его, Хаджи-Магометъ. Въ слѣдующемъ году прибылъ Сулейманъ-Эффендій, человѣкъ глубоко изучившій коранъ и постановленія Магомета, но не обладавшій умѣніемъ и силою воли для руководства толпами свободолюбиваго народа. Своимъ безтактнымъ поведеніемъ онъ скоро возбудилъ неудовольствіе на себя многихъ вліятельныхъ лицъ за Кубанью и, не имѣвъ никакого успѣха у горцевъ, перешелъ къ намъ, сдѣлавшись яркимъ противникомъ Шамиля. Въ 1846 году Сулейманъ-Эффендій, по порученію князя М. С. Воронцова, составилъ и разослалъ всѣмъ мусульманамъ особое воззваніе, въ которомъ доказывалъ что Шамиль дѣйствуетъ не согласно постановленіямъ корана, а потому не слѣдуетъ ему вѣрить и подчиняться. Воззваніе это осталось безплоднымъ, нисколько не поколебавъ вѣру въ правильность дѣйствій Шамиля и его вліяніе на приверженцевъ мюридизма. За Кубанью истинными послѣдова-

телями мюридизма были только абадзехи, между тѣмъ какъ въ другихъ племенахъ свободныя сословія князей, дворянъ и тхвохотлей приняли это ученіе лишь какъ средство къ сліянію мелкихъ обществъ въ одно цѣлое для борьбы съ нами и для огражденія правъ частной собственности. Необходимость ввести у себя болѣе цѣлесообразное общественное устройство побудила горцевъ, послѣ удаленія Сулейманъ-Эффендія, предоставить народному собранію власть надъ народомъ и учредить администрацію. До тѣхъ поръ у горцевъ западнаго Кавказа, раздробленныхъ на множество отдѣльныхъ родовыхъ союзовъ и мѣстныхъ общинъ, не было никакихъ правительственныхъ учрежденій и общественныхъ властей, и не существовало между ними никакой гражданской связи. Дѣла общественныя рѣшались на народныхъ собраніяхъ, которыя созывались тогда только, когда встрѣчалась въ нихъ надобность. Но собранія эти, имѣя лишь совѣщательный характеръ, не пользовались никакой властью и не располагали никакими средствами для выполненія своихъ постановленій. Такъ, на примѣръ, когда въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія приступлено было къ устройству Черноморской береговой линіи и горскія племена, усматривая въ этомъ большую опасность для себя, почувствовали необходимость соединиться вмѣстѣ для противодѣйствія нашимъ наступательнымъ движеніямъ, то на общемъ народномъ собраніи они постановили заключить между собою тѣсный союзъ съ тѣмъ, чтобы, прекративъ распри между собой, не входить болѣе съ нами ни въ какія сношенія и не вести переговоровъ безъ согласія всѣхъ племенъ. Однако скоро постановленія эти были нарушены и ближайшіе къ нашимъ укрѣпленіямъ и станицамъ горцы вступили съ нами въ торговыя сношенія, а затѣмъ среди ихъ образовалась довольно значительная партія, искавшая сближенія съ Россією. Нѣсколько разъ потомъ вновь созывались народныя собранія для подтвержденія вышеприведенныхъ постановленій общаго союза, но всѣ они оставались недѣйствительными, потому что за неимѣніемъ у горцевъ исполнительной власти некому было слѣдить за выполненіемъ постановленій народныхъ собраній. Вотъ почему предоставленіе народному собранію власти надъ народомъ являлось въ то время какъ нельзя болѣе удовлетворяю-

щимъ потребностямъ общественнаго устройства горскихъ племенъ. Идея такого устройства предложена была еще въ тридцатыхъ годахъ шапсугскимъ дворяниномъ Бесленеемъ Абатомъ, человѣкомъ замѣчательнымъ своей храбростью, твердой волей, непреклонной силою характера и героическими превратностями своей жизни. Но тогда она не была принята и горцы воспользовались ею лишь по удаленіи отъ нихъ Сулейманъ-Эффендія. Поэтому въ 1847 году черкесскія племена, обитавшія въ закубанскомъ краѣ рѣшили принять слѣдующія мѣры: признать постановленія народнаго собранія обязательными для всѣхъ обществъ и принуждать силою къ повиновенію тѣ изъ нихъ, которыя будутъ уклоняться отъ исполненія его повелѣній; для доставленія народному собранію матеріальныхъ средствъ къ тому, чтобы постановленія его уважались—образовать и отдать въ его распоряженіе постоянное ополченіе на содержаніи народа: раздѣлить народъ на общины, каждую въ 100 дворовъ, и поручить управленіе общинами избранными ими же старшинамъ, которыхъ обязать присягой исполнять распоряженія народнаго собранія и предоставлять на его судъ ослушниковъ и преступниковъ; для поддержанія-же власти старшинъ назначить въ распоряженіе ихъ нѣкоторое число мутазыговъ¹⁾. Когда же приступлено было къ приведенію въ исполненіе этихъ благоразумныхъ постановленій, то нѣкоторыя общества, въ особенности жители прибрежной полосы близъ Анапы, Новороссійска и около нашихъ укрѣпленій и станицъ, обнаружили сопротивленіе изъ опасенія лишиться торговыхъ сношеній съ нами, такъ что пришлось принудить ихъ къ этому силой. Не пожелали также подчиниться постановленіямъ этимъ многія лица изъ свободныхъ сословій. Такимъ образомъ подобная реформа общественнаго устройства не привилась въ черкесскихъ племенахъ и нужна была иная реорганизація. Въ это-то время прибылъ въ Закубанскій край къ абадзехамъ Магометъ-Аминъ и энергично занялся устройствомъ внутренняго порядка и организаціею военныхъ силъ горцевъ. Онъ нашелъ народъ разобценнымъ на нѣсколько партій, преслѣдовавшихъ каждая свои особыя цѣли и лишенныхъ объ-

¹⁾ Н. Карлгофъ. О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ, населяющихъ сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря. Русскій Вѣстникъ 1860 г., книга VII, стран. 542—544.

единительныхъ началъ. Въ средѣ непокоренныхъ намъ горцевъ убухскаго, абадзехскаго, шапсугскаго и натухайскаго племень часть была склонна къ сближенію съ нами, тогда какъ большинство питало къ намъ чувства непримиримой вражды; такіе же элементы существовали и среди мирныхъ племень, находившихся подъ управленіемъ русскихъ приставовъ; дворянство черкесское стремилось къ восстановленію своихъ прежнихъ правъ, а среднее сословіе—тхвохотлей, дорожа своей независимостью, изыскивало средства къ недопущенію восстановления аристократіи и реорганизаціи общественнаго строя на началахъ болѣе соответствующихъ духу и потребностямъ народа. Магометъ-Амину предстояло много труда, чтобы объединить подъ своею властью всѣ эти разрозненные элементы воинственнаго и свободолюбиваго народа, но онъ не утратилъ этой трудной задачи и въ выполненіи ея обнаружилъ замѣчательную гибкость ума, твердость воли и умѣніе управлять людьми. Прежде всего онъ приступилъ къ устройству внутренняго порядка. Съ этою цѣлью Магометъ-Аминъ раздѣлилъ народъ на общины по сто дворовъ въ каждой: общинамъ этимъ предоставлено было право избирать изъ среды своей старшинъ для управленія; изъ составленныхъ такимъ образомъ общинъ образовано было 4 округа съ центральными управленіями—мягкеме. Сперва учреждено было четыре такихъ мягкеме во владѣніяхъ абадзеховъ на рр. Бѣлой, Пшехъ, Пчасъ и Псекупсъ, а впоследствии у шапсуговъ на р. Антхырѣ и у натухайцевъ на рр. Кудако и Псебепсъ. Во главѣ управленія округомъ поставленъ былъ муфтій и совѣтъ его, состоявшій изъ трехъ кадівъ. Въ лицѣ ихъ сосредоточивалась административная и судебная власть, для поддержанія которой въ распоряженіи ихъ находилась постоянная конная стража такъ называемыхъ мутазиговъ. Мягкеме и стража содержались на счетъ народа. Въ каждомъ мягкеме находилась мечеть, судилище, духовное училище, яма для заключенія преступниковъ и противниковъ новаго порядка вещей, помѣщенія для правителей, судей и мутазиговъ, провіантскій магазинъ и конюшня. Мягкеме представляло собою обыкновенный аулъ, обнесенный вокругъ рвами и плетнями и вооруженный двумя орудіями, для прикрытія коихъ устроены были

башни и бастионы изъ двухъ рядовъ плетня, засыпанныхъ въ серединѣ землю. Магометъ-Аминъ воспользовался для вооруженія своихъ мягкеме старыми, заброшенными орудіями, находившимися безъ употребленія въ разныхъ мѣстахъ черкесской территоріи. Въ числѣ этихъ орудій 8 были отданы закубанскимъ племенамъ для дѣйствія противъ нашихъ войскъ турками во время компаніи 1828—29 г. передъ обложеніемъ русскими войсками крѣпости Анапы. По окончаніи войны орудія эти остались у горцевъ. Потомъ снаряды были разстрѣляны, лафеты пришли въ негодность и орудія, какъ ни къ чему не пригодныя, были заброшены. Кромѣ этихъ орудій горцы имѣли еще взятыя ими въ нашихъ укрѣпленіяхъ Черноморской береговой линіи въ 1840 году, вытщенные ими изъ моря съ потерпѣвшихъ крушеніе нашихъ военныхъ судовъ, а также небольшіе фальконеты, добытые ими съ контрабандныхъ турецкихъ судовъ. Конечно всѣ эти орудія были безъ лафетовъ, передковъ и зарядныхъ ящичковъ. Магометъ-Аминъ, собравъ часть этихъ орудій, распорядился привести ихъ въ исправность, приказавши освободить для этого нашихъ артиллерійскихъ солдатъ, находившихся въ плѣну у горцевъ. Насколько извѣстно, подвижныхъ орудій у Магометъ-Амина было только два и одно изъ нихъ онъ торжественно возилъ за собою въ тѣхъ случаяхъ, когда желалъ побудить какое либо племя на соединеніе съ собою. Для военныхъ предпріятій народъ обязанъ былъ содержать въ постоянной готовности по одному всаднику съ cadaго двора и они по первому призыву должны были являться на сборные пункты. Въ случаѣ-же надобности вызывалось по 2 и болѣе всадниковъ со двора, а иногда и поголовное ополченіе. Такова была организація военныхъ силъ у горцевъ, пользуясь которыми Магометъ-Аминъ весною 1849 года приступилъ къ покоренію племенъ, признававшихъ нашу власть. До появленія Магометъ-Амина за Кубанью всѣ споры, распри и иски между горцами разбирались судомъ посредниковъ на основаніи адата т. е. собранія всѣхъ народныхъ постановленій, передаваемыхъ отъ одного поколѣнія другому изустно. Только въ маловажныхъ случаяхъ горцы прибѣгали къ мулламъ для суда по шаріату т. е. по предписаніямъ корана, во многомъ несходнаго съ коренными народными поня-

тіями и обычаями. Постояннаго суда, какъ общественнаго учрежденія, у нихъ не существовало вовсе; точно также не было и исполнительныхъ органовъ судебныхъ постановленій. Судъ посредниковъ по адату представлялъ собою не болѣе, какъ мировое соглашеніе тяжущихся безъ всякой принудительной власти, и рѣшенія его ограничивались только опредѣленіемъ пеней. смотря по роду правонарушеній. Пеню составляли: оружіе, лошади, рогатый скотъ, разныя вещи и рабы. Преступникъ призывался къ суду лишь по настояніямъ обиженнаго. Другихъ наказаній виновныхъ по суду не было, за исключеніемъ неисправимыхъ преступниковъ нѣсколько разъ нарушавшихъ присягу и установленныя правила. Такія лица исключались изъ общинъ и, лишаясь покровительства закона, получали названіе психядзъ (въ буквальному переводѣ—брошенный въ воду). Подобныхъ преступниковъ разстрѣливали или-же бросали въ воду, привязавъ на шею камень. По народнымъ понятіямъ нарушители правъ собственности, общественнаго спокойствія, личной неприкосновенности, безопасности, чести и свободы могли подвергаться возмездію безответственно и не прибѣгая къ содѣйствію суда. Собственно-же преступленіями, подлежащими разбирательству суда посредниковъ по адату у горцевъ считались: измѣна народу, отцеубійство, кровосмѣшеніе, нарушеніе супружеской вѣрности женщинами, поступки трусости, нарушеніе гостепріимства, воровство у своей семьи и близкихъ сосѣдей и возстаніе раба противъ своего господина, неповиновеніе и бѣгство его¹⁾). Магометъ-Аминъ, устанавливая у горцевъ духовный судъ по шаріату ввелъ въ употребленіе наказанія и казни, приводимыя имъ въ исполненіе съ неумолимою строгостью. Ослушниковъ его воли, людей оказывавшихъ расположеніе намъ и отрицателей мюридизма сажали въ ямы, ворами отсѣкали руки, лазутчиковъ нашихъ лишали жизни. Не взирая на примѣненіе столь суровыхъ и невиданныхъ прежде у горцевъ мѣръ Магометъ-Аминъ все таки сумѣлъ расположить къ себѣ большинство народа. Объясняется это тѣмъ, что онъ старался въ своей реформаторской дѣятельности не нарушать коренныхъ народныхъ установленій и, главнымъ об-

¹⁾ Н. Карлгофъ. О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ, населяющихъ сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря. Русскій Вѣстникъ, 1860 г. книга VII, стран. 530.

разомъ, не касаться самого остраго, жгучаго вопроса о правахъ сословіи. Мюридизмъ, проповѣдующій равенство особенно расположилъ въ пользу Магометъ-Амина довольно многочисленный классъ подвластныхъ и рабовъ, видѣвшихъ въ немъ провозвѣстника скорого своего освобожденія. При своей необычайной энергіи и кипучей дѣятельности Магометъ-Аминъ успѣлъ совершить всѣ эти преобразованія въ общественномъ строѣ абадзеховъ въ теченіи одной зимы 1848 года. Весною-же слѣдующаго года, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, онъ приступилъ къ покоренію мирныхъ племенъ. Для обезпеченія успѣха своихъ предпріятій противъ насъ Магометъ-Аминъ признавалъ нужнымъ подчинить сперва своей власти всѣ черкесскія племена западнаго Кавказа¹⁾. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе дѣйствій Магометъ-Амина въ этомъ направленіи замѣтимъ только, что до начала восточной войны 1853—56 годовъ онъ успѣлъ два раза и весьма скоро достигнуть своей цѣли, но подчиненныя имъ племена вскорѣ затѣмъ отпадали отъ него. Наибольшее-же сопротивление оказывали ему шапсуги и натухайцы, тогда какъ по своей многочисленности и территоріи, занимаемой этими племенами, господство надъ ними имѣло для Магометъ-Амина особенно важное значеніе. Здѣсь съ наступленіемъ восточной войны онъ встрѣтилъ въ осуществленіи своихъ плановъ опаснаго соперника въ лицѣ природнаго черкесскаго князя Сеферъ-бея Занъ, находившагося до тѣхъ поръ въ полузавеніи въ Турціи.

Сынъ Сеферъ-бея, Карабатыръ, по обычаю аталычества, соблюдаемаго черкесскими князьями и дворянами, отданъ былъ въ дѣтскомъ возрастѣ на воспитаніе убухамъ и по достиженіи совершеннолѣтія, возвратившись на родину, началъ принимать дѣятельное участіе въ предпріятіяхъ враждебныхъ намъ горцевъ. Въ декабрѣ 1851 года онъ случайно встрѣтился на дорогѣ, въ 5 верстахъ отъ Новороссійска, съ вице-адмираломъ Л. М. Серебряковымъ, который обошелся съ нимъ весьма ласково и взялъ съ собою въ Керчь. Здѣсь Карабатыръ обратился къ Л. М. Серебрякову съ просьбой возбудить ходатайство о принятіи его подъ покровительство Россіи и о дозволеніи собрать подвластныхъ своихъ и поселиться съ ни-

¹⁾ Н. Карлгофъ. Магометъ-Аминъ. Кавказскій календарь на 1861 г., стр. 78—120.

ми въ окрестностяхъ Анапы, на родовыхъ земляхъ своихъ предковъ, князей Занъ. Не желая однако-же нарушать обычай уваженія къ главѣ семейства и приступать къ столь важному шагу безъ его согласія, Карабатырь передалъ Серебрякову открытое письмо къ отцу своему, въ которомъ просилъ позволенія его или пріѣхать къ нему въ Турцію, или же исполнить свое предположеніе. Но прежде полученія отъ Сеферъ-бея отвѣта Карабатырь началъ уже строить себѣ домъ на Куматырь, въ окрестностяхъ станицы Николаевской (нынѣ Анапская станица). Къ письму Карабатыря Л. М. Серебряковъ приписалъ нѣсколько строкъ, совѣтуя Сеферъ-бею не противиться благому намѣренію сына его, — исполнить священный долгъ къ правительству и этимъ единственнымъ средствомъ возстановить съ честью упавшій родъ князей Занъ и собрать разсѣянное племя хеаковъ, подвластныхъ ему по праву, но не на дѣлѣ.

Въ отвѣтномъ письмѣ своему сыну, Сеферъ-бей доказывалъ, что покорность Карабатыря нашему правительству едва ли будетъ споспѣшествовать къ всеобщему усмиренію подвластныхъ ему племенъ, и что скорѣе она можетъ имѣть слѣдующія послѣдствія: 1) Карабатырь будетъ признанъ измѣнникомъ родинѣ и клятвѣ, будто бы данной горцами не покоряться Россіи до возвращенія Сеферъ-бея; 2) лишившись вліянія на своихъ единоплеменниковъ, онъ сдѣлается бесполезнымъ и Россіи, и 3) по удаленіи его, въ краѣ могутъ возникнуть смуты и мятежи, которые принудятъ наше правительство прибѣгнуть къ еще сильнѣйшимъ мѣрамъ и строжайшимъ наказаніямъ. Тѣмъ не менѣе, онъ, Сеферъ-бей, предоставилъ бы своему сыну дѣйствовать по его усмотрѣнію, еслибъ сей послѣдній убѣдился основательными доводами, что всѣ подвластные ему горцы серьезно готовы послѣдовать его примѣру. Что же касается намѣренія Карабатыря ѣхать въ Турцію, то его отецъ находилъ, что путешествіе это было бы сопряжено съ важными неудобствами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сеферъ-бей выразилъ завѣдывающему нашимъ генеральнымъ консульствомъ въ Адрианополѣ полную преданность російскому правительству и просилъ передать Императорской миссіи его ходатайство о дозволеніи ему возвратиться на родину съ

принятіемъ отъ него присяги на подданство и съ зачисленіемъ въ російскую службу какъ его самого, такъ и сына его, Мегмедъ-бея, тогда полковника турецкихъ войскъ. Повѣренный нашъ въ дѣлахъ при Портѣ Оттоманской, доводя всѣ эти подробности до свѣдѣнія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сообщилъ, что, по его мнѣнію, нельзя положиться на изъявляемая теперь Сеферъ-беємъ чувства преданности нашему правительству и что вообще нѣтъ еще достаточнаго ручательства въ благонамѣренности этого князя¹⁾. Отвѣчая сыну Сеферъ-бей вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ и Л. М. Серебрякову. Изъявляя раскаяніе въ прежнихъ своихъ заблужденіяхъ, онъ просилъ исходатайствовать ему прощеніе правительства и дозволеніе возвратиться на родину.

Сближеніе Карабатыра съ русскимъ начальствомъ, поѣздка его съ Серебряковымъ въ Керчь, частыя посѣщенія Новороссійска и открыто объявленное имъ намѣреніе покориться русскому правительству взволновали нашихъ непріятелей. Враждебныя намъ старшины, духовенство и даже самъ Магометъ-Аминъ обращались къ Карабатырю съ увѣщаніями прекратить сношенія съ нами, устрашая бѣдствіями въ земной и погибелью въ будущей жизни; старшины обѣщали оказывать ему почетъ и признать права, принадлежащія роду его, если онъ возвратится въ землю шапсуговъ, а въ противномъ случаѣ угрожали, что будутъ считать его въ числѣ своихъ непріятелей. Достоинно замѣчанія, что Магометъ-Аминъ закончилъ свое письмо слѣдующими словами: „а впрочемъ дѣлай какъ знаешь, и русскіе суть тварь Божья“. Въ то же время Карабатырь получилъ письмо и отъ искреннихъ друзей своихъ. Они совѣтывали ему тѣснѣе сблизиться съ русскими и не ввѣряться льстивымъ и обманчивымъ обѣщаніямъ шапсуговъ, давая ему при этомъ почувствовать, что онъ не долженъ ожидать отъ нихъ ничего добраго. Но и безъ предостереженія друзей своихъ Карабатырь оставался при своемъ намѣреніи. Онъ передалъ Л. М. Серебрякову всѣ полученныя имъ письма и показалъ отвѣтъ свой, въ которомъ не только изъявлялъ непреклонную волю слѣдовать по избранному имъ

¹⁾ Письмо Министра Иностранныхъ Дѣлъ къ князю М. С. Воронцову отъ 2-го іюня 1832 года, № 2114.

пути, но увѣщеваль даже старшинъ покориться Россіи, выставя могущество ея и благодѣтельные виды ея на горцевъ.

Нѣтъ, конечно, надобности говорить о томъ насколько былъ бы полезенъ примѣръ покорности русскому правительству сына того человѣка, котораго горцы считали посланникомъ своимъ при Оттоманскомъ дворѣ и именемъ коего враги наши волновали народъ. Наружность Карабатыра говорила въ его пользу: онъ имѣлъ кроткій нравъ, но, судя по первымъ дѣйствіямъ, твердую волю. Въ отчѣтномъ письмѣ его къ старшинамъ на вызовъ ихъ возвратиться къ шапсугамъ видны были смѣлость и родовая гордость. Несмотря на то, что у закубанскихъ племенъ горцевъ князья и дворяне давно уже утратили свои права и они только въ тайнѣ замышляли о возстановленіи прежняго своего значенія, опасаясь внимательнаго наблюденія за ними и преслѣдованія со стороны средняго сословія тхвохотлей, Карабатырь, напротивъ, открыто обвинялъ старшинъ въ томъ, что они не признаютъ родовыхъ правъ его.

Такой образъ дѣйствій Карабатыра сильно располагалъ въ его пользу Л. М. Серебрякова, но, зная по опыту вѣроломный характеръ горцевъ и умѣніе ихъ скрывать дѣйствительныя свои чувства, онъ не рѣшался все-таки возбуждать ходатайство за Карабатыра до тѣхъ поръ, пока не убѣдится въ искренности его намѣреній. Гораздо важнѣе казалось Серебрякову привлеченіе на нашу сторону какъ можно скорѣе отца Карабатыра, князя Сеферъ-бея, тѣмъ болѣе, что самъ онъ изъявлялъ на это желаніе.

Сеферъ-бей былъ тогда уже дряхлый старецъ, преждевременно утратившій свои силы и энергію. Получая отъ турецкаго правительства достаточное содержаніе, онъ велъ въ Адрианополѣ безпорядочную жизнь, предался пагубной страсти неумѣреннаго употребленія вина и надѣлалъ тамъ много долговъ, изъ которыхъ не имѣлъ средствъ выпутаться. Пріѣзжавшіе по нашимъ заграничнымъ паспортамъ въ Константинополь закубанскіе черкесы, по торговымъ дѣламъ, посѣщали иногда Адрианополь, чтобы видѣться съ Сеферъ-беемъ, но всегда почти оставались недовольными, ближе ознакомившись съ нимъ и испытавъ на себѣ его привычку брать деньги въ займы, никогда не возвращая ихъ. Но недостатки Сеферъ-бея тща-

тельно скрывались отъ массы народа въ закубанскихъ племенахъ, чтобы не уронить въ ихъ глазахъ престижъ князя. По-видимому, въ то время онъ уже не пользовался уваженіемъ въ Турціи и былъ недоволенъ своимъ положеніемъ. Искупивъ свои заблужденія продолжительнымъ удаленіемъ отъ родины, лишеніями и утратою всѣхъ надеждъ, которыя давали ему въ молодости сначала благосклонное вниманіе къ нему русскаго правительства, а потомъ, послѣ побѣга въ Турцію, быстрое возвышеніе въ турецкой службѣ до чина полковника, онъ, видимо, искалъ лишь спокойной, безбѣдной жизни и сближенія съ родными. Даровать ему прощеніе, по мнѣнію Л. М. Серебрякова¹⁾, можно было бы на слѣдующихъ условіяхъ: онъ долженъ бы былъ письменно изъявить раскаяніе въ прошлыхъ своихъ заблужденіяхъ, присягнуть на вѣрноподданство Государю Императору, поселиться въ Керчи съ семействомъ своимъ, исключая Карабатыра, долженствующаго жить на родовыхъ земляхъ; затѣмъ отправляться по требованію начальника Черноморской береговой линіи въ Анапу, Новороссійскъ и другіе пункты, гдѣ будетъ надобность, для склоненія старшинъ при переговорахъ ихъ съ нами и для разсѣянія ихъ заблужденій на счетъ турецкой помощи; при томъ, по мнѣнію Серебрякова, необходимо было бы также обѣщать ему для содержанія съ семействомъ по тысячѣ рублей серебромъ въ годъ.

Князь М. С. Воронцовъ вполнѣ раздѣлялъ приведенныя выше соображенія вице-адмирала Серебрякова, а потому 9 декабря 1852 года Серебряковъ отправилъ Сеферъ-бею слѣдующее письмо:

„Старый знакомый мой, князь Сеферъ-бей Занъ-оглу! Поручаю васъ Творцу и искренно желаю вамъ здоровья и спокойной старости.

Письмо ваше я получилъ, старый знакомый мой, и очень радъ, что вы не только не препятствуете сыну своему Ибрагиму-бею, котораго здѣсь называютъ горцы Карабатыромъ, поселиться въ окрестностяхъ Анапы подъ покровительствомъ и верховною властью русскаго правительства на родовыхъ земляхъ съ своими подвластными, но и сами ходатайствуете объ ис-

¹⁾ Рапортъ вице-адмирала Серебрякова князю Воронцову отъ 5 августа 1852 г., № 790. Дѣло штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса по генеральному штабу, 3-го отдѣленія, 1852 года, по описи № 24.

прошеніи себѣ прощенія Всемиловѣйшаго Государя нашего и о дозволеніи возвратиться изъ Турціи.

Исполняя священный долгъ свой къ правительству, сынъ вашъ, Карабатыръ, отдался уже подъ наше покровительство. Съ Божіею помощію, съ дозволенія начальства и при содѣйствіи русскихъ онъ успѣлъ собрать нѣсколько десятковъ подвластныхъ ему семействъ и поселился недалеко отъ Анапы близъ того мѣста, гдѣ находятся развалины земляного укрѣпленія, построеннаго вашими предками. Я совершенно доволенъ Карабатыромъ. Принятая имъ рѣшимость, вопреки препятствіямъ и наущенію злонамѣренныхъ людей, отдаться подъ покровительство русскаго правительства, твердость его при исполненіи этого намѣренія и вообще все поведеніе его дѣлаютъ честь его уму и правиламъ. Изъ письма сына вашего вы увидите, что особенно шапсуги старались много ему препятствовать.

Теперь времена во многомъ уже перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ вы оставили свою родину. Русскіе войска изъ Анапы и Цемеса, гдѣ построенъ большой городъ, весьма часто и безъ всякаго препятствія со стороны жителей ходятъ по землѣ натухайцевъ. Жители благоразумно перестали дѣйствовать противъ насъ непріятельски, испытавъ всѣ бѣдствія войны, дорожатъ спокойствіемъ и занимаются торговлею, которая доставляетъ имъ всѣ способы къ богатой жизни. Желая устранить всякій поводъ къ нарушенію между нами добраго согласія, они недавно обязались выдавать намъ всѣхъ виновныхъ противъ насъ и избрали для того старшинъ, которымъ поручили власть наблюдать за порядкомъ и исполнять наши требованія о выдачѣ виновныхъ. Много разъ ходилъ я съ войсками изъ Цемеса, даже за главныя горы: въ Адагумъ, Кудако, Псифъ, Абинъ, Бугундыръ, Антхтыръ и другія мѣста. Черезъ горы проложены нами дороги, въ лѣсахъ сдѣланы широкія просѣки и вездѣ открытъ безпрепятственный путь войскамъ. По этимъ описаніямъ вы можете судить, что дѣйствительно все перемѣнилось со времени вашего отъѣзда изъ родины.

Обращаясь теперь къ изъявленному вами желанію испросить Всемиловѣйшее прощеніе Государя Императора, я готовъ дать вамъ полезныя совѣты. Вы знаете, что я всегда

принималъ участіе въ судьбѣ вашей, жалалъ вамъ всякаго добра и очень сожалѣлъ, что вы пошли по ложной дорогѣ къ своей гибели. Опытность, продолжительное изгнаніе и лѣта вразумили васъ. Вы сами видите теперь свои заблужденія и если съ истиннымъ раскаяніемъ изъявите готовность свою загладить прошлое поведеніе заслугами правительству, то я берусь за васъ ходатайствовать на слѣдующихъ условіяхъ: вы должны письменно изъявить свое раскаяніе въ прошлыхъ заблужденіяхъ, испрашивать Всемилостивѣйшаго прощенія и дать согласіе присягнуть на вѣрноподданство Государю Императору; въ случаѣ освобожденія изъ Турціи поселиться съ своимъ семействомъ на постоянное жительство въ Керчи, гдѣ и я живу постоянно, и предоставить Карабатырю управленіе имѣніемъ; отправляться въ Анапу, Новороссійскъ и въ другія наши укрѣпленія, построенныя на черкесской землѣ, только въ такихъ случаяхъ, когда начальство будетъ признавать это нужнымъ и свято исполнять всѣ порученія начальства. На этихъ условіяхъ я обѣщаю ходатайствовать объ освобожденіи васъ изъ Турціи и дарованіи отъ казны приличнаго денежнаго вознагражденія для безбѣдной жизни до тысячи рублей серебромъ въ годъ.

Изъ земель, принадлежащихъ вашему роду, я отдалъ вашему сыну столько, сколько ему нужно подъ населеніе возвратившихся къ нему крестьянъ. По мѣрѣ того, какъ число подвластныхъ и крестьянъ его будетъ увеличиваться, я буду прибавлять земли сколько возможно будетъ это исполнить по соглашенію съ тѣми жителями, которыя занимаютъ теперь родовыя земли вашихъ предковъ. Сынъ вашъ, Карабатырь, здоровъ, изъявляетъ вамъ сыновнюю преданность и посылаетъ поклонъ. Посылаю къ вамъ письмо его. Жду вашего отвѣта на мое письмо“.

Вотъ что отвѣтилъ Сеферъ-бей Л. М. Серебрякову въ письмѣ своемъ изъ Адрианополя отъ 29 джемадиульахыра 1270 года (27 марта, 1853 г.).

„Ваше превосходительство! Я имѣлъ честь получить любезнѣйшее письмо вашего превосходительства отъ 9 декабря 1852 г., и вполне понялъ содержаніе онаго, въ которомъ вамъ угодно было изложить, что испрашивая согласіе мое на посе-

ление вступившаго подъ покровительство Россійской Имперіи сына моего Ибрагимъ-Бея, извѣстнаго подъ именемъ Карабатыра, съ его подданными въ бывшихъ владѣніяхъ предковъ нашихъ, лежащихъ въ окрестностяхъ города Анапы, вы предлагаете исходатайствовать мнѣ всемилостивѣйшее прощенье Августѣйшаго Императора Всероссійскаго и дозволеніе пріѣхать въ ту сторону, — равно также о томъ, что вы довольны во всѣхъ отношеніяхъ службою моего сына, исполняемою имъ съ помощію Божіею и съ разрѣшенія россійскаго правительства; о томъ, что страна со времени моего оттуда отъѣзда во всемъ перемѣнилась; что россійскія войска, выходящія изъ Новороссійска и Анапы, ходятъ по натахайской землѣ, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія со стороны жителей и что, вслѣдствіе хорошаго обхожденія съ жителями этой страны и другихъ, никто изъ нихъ не дѣлаетъ никакого поступка, который бы могъ быть противенъ желаніямъ русскаго правительства; въ особенности же, что вашему превосходительству угодно было преподать мнѣ дружескіе совѣты и наставленія касательно исходатайствованія мнѣ прощенія у Императора Всероссійскаго и о предложеніи поселиться въ Керчи, городѣ вашего мѣсто-пребыванія, — наконецъ о томъ, что если я не сдѣлаю какого-либо проступка противъ вышеупомянутой державы, мнѣ будетъ назначено на содержаніе моего семейства 1000 руб. серебромъ въ годъ, и что сыну моему дано будетъ владѣніе гораздо болѣе, нежели было дано ему до сихъ поръ.

Какъ нельзя болѣе я былъ также доволенъ, что сынъ мой пользуется особеннымъ покровительствомъ и наилучшимъ съ нимъ обхожденіемъ и что жители ведутъ жизнь спокойную и занимаются торговлей.

Впрочемъ явственно и очевидно, что со времени заключенія мира между обѣими державами, я никогда не дѣлалъ зла Россійскому Императору. Такъ какъ жители странъ этихъ находились въ непріязненныхъ отношеніяхъ, въ особенности при заключеніи мира послѣ военныхъ дѣйствій, бывшихъ между обѣими державами, то я не переставалъ всегда совѣтывать жителямъ страны, что лучше дѣло покончить миромъ, чѣмъ вести непрерывную войну; но они поклялись до тѣхъ поръ мира не заключать, пока не узнаютъ и не поймутъ содержа-

ніе трактата, заключеннаго между обѣими державами въ Адрианополь; вслѣдствіе чего и нашли они приличнымъ отправить меня въ Константинополь съ порученіемъ развѣдать объ этомъ трактатѣ въ Портѣ и приобрести его копию.

По прибытіи моемъ въ Константинополь, я, согласно съ желаніемъ вышеупомянутыхъ жителей, изложилъ всѣ обстоятельства Портѣ и, получивъ копию вышесказаннаго трактата, равно какъ и фирманъ для выѣзда, готовъ уже былъ предпринять обратное путешествіе въ отечество, но злонамѣренные люди оклеветали меня предъ русскимъ правительствомъ, о чемъ и было написано, а Порты, по настоятельству Россіи, задержала меня здѣсь съ того времени по настоящее. Между тѣмъ какъ единственное мое намѣреніе было убѣдить жителей вышепоименованнымъ трактатомъ и успокоить ихъ такъ, чтобы не произошло никакого вреда ни одной изъ этихъ сторонъ. Но такъ угодно было Богу. Не успѣвъ до сихъ поръ никому вразумить моего намѣренія, я обязанъ былъ оставаться здѣсь. Несмотря однако на это я ничего не предпринималъ такого, чтобы могло нарушить миръ, существующій между обѣими державами.

Такъ какъ изъ вашихъ совѣтовъ и наставленій я вижу, что вы желаете мнѣ добра и уважаете мою старость, то прошу васъ быть увѣреннымъ и нисколько не сомнѣваться въ томъ, что я не только не имѣю какихъ-либо дурныхъ замысловъ противъ Императора, но, напротивъ, желаю и ищу хорошихъ отношеній и добраго сосѣдства.

Если же вашему превосходительству угодно будетъ оказать мнѣ благодѣяніе, то такъ какъ я предъ симъ выѣхалъ изъ отечества въ качествѣ посла, нужно ли говорить еще, сколько я прошу васъ исходатайствовать мнѣ дозволеніе возвратиться прямо на родину.

Люди, бѣжавшіе со времени моего здѣсь пребыванія изъ племенъ: шегаки, темиръ-кой, хатукай, махошъ, бесни, бзедохъ, керкенай, алтыкезекъ, карачай, новой-татаръ, кабарты и зенай собрались и поселились среди племенъ: ноткуаджъ, шапсугъ и абадзехъ, не признающихъ ни Турціи, ни Россіи и никого на свѣтѣ. Всѣ эти три племени вѣруютъ въ единаго Бога, но на слова ихъ полагаются невозможно и весьма очевидно, что они

вслѣдствіе этого не перестаютъ вредить какъ обѣимъ державамъ, такъ равно и вамъ. Въ случаѣ же, если бы я, такъ какъ угодно было вашему превосходительству написать мнѣ, поселился бы въ Керчи и сталъ бы получать ежегодное содержаніе въ 1000 р. серебромъ, то, нѣтъ сомнѣнія, что эти три племени будутъ говорить, что я соединился съ Россіей и, будучи чрезъ то еще болѣе раздражены, изъ мести ко мнѣ, стануть дѣлать мнѣ всевозможныя униженія, такъ что, наконецъ, и самъ Карабатыръ не будетъ въ состояніи съ ними справиться.

Если же, какъ и было уже сказано, я отправляюсь прямо въ мое отечество, то всѣ бѣглецы, одинъ за другимъ, начнутъ, со дня на день, возвращаться въ наши племена и тогда, если я имъ буду совѣтывать присоединиться къ ихъ соотечественникамъ, которые изъ числа 12 племенъ поступили уже въ русское подданство, то ни одинъ изъ нихъ не будетъ тому противиться.

По водвореніи такимъ образомъ полного согласія, если, въ чемъ и нѣтъ сомнѣнія, три горныхъ племени не прекратятъ все-таки своихъ грабительствъ и не перестанутъ дѣлать нападенія то на русскихъ, то на насъ, тогда соединились бы мы всѣ вмѣстѣ и, съ помощію Божіей и подъ покровительствомъ могущественной Россійской Имперіи, наказавъ этихъ разбойниковъ, стали-бы наслаждаться спокойствіемъ и заниматься торговлею.

Богъ свидѣтель, что и цѣль моей поѣздки въ Константинополь была эта самая. Снявъ даже копію съ трактата, даннаго мнѣ Портою и находящагося нынѣ въ моихъ рукахъ, я было отправилъ ее горцамъ черезъ посредство Хостанъ-оглу Ибрагима, дабы всѣ племена знали содержаніе трактата и прекратили бы свои непріязненности; но извѣстно, что люди намъ недоброжелательныя до сихъ поръ еще никому не показывали копію эту.

Чтобы дать вамъ прямой отвѣтъ, имѣю честь изложить нижеслѣдующее:

1) Ни въ какихъ случаяхъ я не сдѣлаю никакого проступка противъ вашего Императора.

2) Если мнѣ не будетъ разрѣшено возвратиться прямо въ мое отечество, такъ какъ я прибылъ сюда въ качествѣ

посла, то не только за 1000 руб. серебромъ въ годъ, составляющихъ 9 или 10 тысячъ піастровъ, но даже если мнѣ будутъ обѣщать и дадутъ 100,000 руб. серебромъ, я ни за что не соглашусь жить въ Керчи. Потому что теперь, находясь подъ тѣню покровительства всемилостивѣйшаго государя моего, убѣжища мира, е. в. султана, я получаю пожизненно 2500 піастровъ въ мѣсяць, да 325 еще отъ константинопольской таможи, что и составляетъ вмѣстѣ 2825 піастровъ въ мѣсяць. Съ этимъ содержаніемъ я весьма спокойно и достаточно проживаю въ Адрианополѣ.

Впрочемъ, если вашъ Императоръ, сообразно съ моею просьбою и въ уваженіе преклонныхъ лѣтъ моихъ, будетъ столь милостивъ, что даруетъ мнѣ прощеніе за всѣ мои проступки, то я обѣщаю употребить всѣ мои усилія, чтобы упрочить спокойствіе обѣихъ сторонъ, потому что когда еще въ Константинополѣ узналъ я о заключеніи мира, то всѣ племена, будучи какъ нельзя болѣе довольны условіями, при которыхъ я пожелалъ присоединиться къ Россіи, поклялись самымъ торжественнымъ образомъ слушаться меня во всемъ и безпрекословно мнѣ повиноваться. Основываясь именно на этомъ я и ручаюсь за спокойствіе обѣихъ сторонъ.

Если вашему превосходительству будетъ благоугодно содѣйствовать мнѣ въ достиженіи соизволенія на мою просьбу, то прошу васъ покорнѣйше исходатайствовать отъ Императора печатныя условія, которыя бы были вручены мнѣ, дабы, въ случаѣ назначенія другого сановника на занимаемое вами мѣсто, не могло быть нарушаемо спокойствіе обѣихъ сторонъ и было бы соблюдено между ними полное согласіе.

Если же позволеніе въ этомъ именно смыслѣ мнѣ даровано не будетъ, то никакъ невозможно мнѣ подвергнуться такому униженію передъ народами и племенами, и жить въ Керчи я не могу. Буде въ случаѣ по вышеизложенному обѣ стороны сойдутся, то не безызвѣстно вамъ, что вашими усиліями будетъ всюду водворено спокойствіе и возвеличится чрезъ то слава ваша!

Письмо сіе написано съ цѣлью изложить вамъ это и возобновить выраженіе отличной моей преданности.

По полученіи и уразумѣніи его, съ Божією помощію, не забудьте вашего друга и почитите его отвѣтомъ и извѣщеніемъ о вашемъ здоровьѣ“. Къ письму приложена печать съ именемъ Сеферъ-бея и съ девизомъ „Терпѣніе все превозмогаетъ!“

Л. М. Серебряковъ былъ совершенно разочарованъ такимъ отвѣтомъ Сеферъ-бея и 8 мая 1853 года отправилъ ему письмо слѣдующаго содержанія.

„Письмо ваше я получилъ и, радуясь нѣкоторымъ добрымъ намѣреніямъ вашимъ, къ сожалѣнію моему, также изъ него увидѣлъ, что вы приняли письмо мое не въ настоящемъ его смыслѣ. Цѣль моего письма состояла только въ томъ, что я желалъ предложить средства къ успокоенію вашей старости и къ сближенію съ родными, по старому моему знакомству съ вами и по принимаемому мною въ васъ участію. Но я вовсе не имѣлъ въ виду разсчитывать на то, чтобы извлечь изъ пребыванія вашего въ Керчи какую нибудь пользу для дѣлъ моихъ съ горцами и если упомянулъ въ письмѣ своемъ, что вы должны будете ѣздить въ Анапу, Цемесъ или другіе пункты для переговоровъ съ старшинами, то этимъ средствомъ желалъ я предоставить собственно вамъ оказать услуги русскому правительству и тѣмъ заслужить со временемъ полное прощеніе. Желаніе ваше возвратиться на родину въ качествѣ посла не соотвѣтствуетъ народнымъ правамъ. Имѣя у себя копію адрианопольскаго трактата, заключеннаго между Россією и Турцією въ 1829 году, вы должны были видѣть, что Турція уступила Россіи по праву своего владѣнія всю черкесскую землю и потому народъ черкесскій, какъ подвластный, не имѣетъ права на посольства. Въ томъ же письмѣ вы именуете себя подданнымъ турецкаго султана. но, принадлежа къ народу, подвластному Россіи, вы можете возвратиться на родину только на условіи признать власть законнаго своего Государя, Русскаго Императора.

Искренне сожалѣя, что желаніе мое успокоить вашу старость и сблизить васъ съ родными не исполнилось, прошу повѣрить, что я душевно желаю вамъ здоровья и спокойной старости“.

Въ то время, когда происходила вышеприведенная переписка между Сеферъ-беемъ, Карабатыромъ и вице-адмираломъ Серебряковымъ, управляющій генеральнымъ консульствомъ на-

шимъ въ Андрианополѣ сообщилъ повѣренному въ дѣлахъ нашихъ въ Константинополь Озерову¹⁾, что князь Сеферъ-бей при всякомъ случаѣ высказываетъ ему готовность служить нашему правительству и ручательство, если послѣдуетъ Высочайшая Государя Императора воля на возвращеніе его на родину, привести въ повиновеніе не только подвластныя ему племена шапсуговъ и абазинцевъ (?), но и всѣхъ горцевъ. Не смѣя довѣряться однимъ словамъ Сеферъ-бея, консулъ нашъ усилилъ наблюденіе за дѣйствіями князя и успѣлъ узнать, что онъ находится въ постоянной перепискѣ съ соотечественниками чрезъ своихъ агентовъ изъ грузинскихъ армянъ, проживающихъ по торговымъ дѣламъ въ Константинополь, Трапезундѣ и Сухумъ-Кале; письма его пересылались по почтѣ только между Адрианополемъ и столицей; все же остальное пространство они проходили чрезъ частныя руки. Такимъ образомъ недавно Сеферъ-бей получилъ письма изъ Сухумъ-Кале. Узнавши объ этомъ обстоятельствѣ, консулъ нашъ счелъ долгомъ воспользоваться праздникомъ байрама, чтобы посѣтить Сеферъ-бея и, въ видѣ привѣтствія, спросилъ не получалъ ли онъ заочныхъ поздравленій отъ своихъ. Князь отвѣтилъ утвердительно и, не смутившись, началъ рассказывать содержаніе полученнаго имъ письма, которое, какъ онъ увѣрялъ, было не отъ сына, а отъ друзей его, купцовъ турецко-подданныхъ, проживающихъ въ Сухумъ-Кале, кои, извѣстясь о намѣреніи князя Карабатыра вступить подъ покровительство Россіи и не предвидя ничего, кромѣ бѣдственныхъ послѣдствій, спѣшатъ увѣдомить о томъ Сеферъ-бея въ предположеніи, что вліяніе отца могло бы воспрепятствовать исполненію намѣреній его сына. Несмотря на это князь повторилъ, что, презирая личныя выгоды, для общаго блага родины онъ готовъ разрѣшить и благословить всѣ дѣйствія Карабатыра, лишь бы сей послѣдній сумѣлъ приковать къ своей волѣ всѣ стремленія подвластныхъ горцевъ и заставилъ бы ихъ нераздѣльно вкушать плоды счастливой тишины и мира.

Между тѣмъ Карабатыръ, поселившись съ разрѣшенія князя М. С. Воронцова на прежнемъ мѣстѣ жительства отца своего,

¹⁾ Донесеніе отъ 16 іюля 1852 года. Дѣло штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса по генеральному штабу, 3 отдѣленія, 1852 года, по описи № 24

въ 6 верстахъ отъ станицы Николаевской¹⁾), лѣтомъ 1852 года приступилъ къ устройству тамъ поселка и переселенію въ него подвластныхъ своему роду. Сближеніе съ нами Карабатыра, какъ уже говорено было выше, возбудило неудовольствіе на него Магометъ-Амина и старшинъ абадзехскихъ и шапсугскихъ; послѣдніе въ письмахъ своихъ старались уговорить его прекратить сношенія съ русскими и возвратиться на жительство къ шапсугамъ, угрожая въ противномъ случаѣ за слушаніе постояннымъ гоненіемъ. Но Карабатыръ не послѣдовалъ ихъ совѣтамъ и въ письменномъ отвѣтѣ старшинамъ положительно объявилъ, что твердо рѣшился не перемѣнять своего намѣренія навсегда предаться покровительству Государя Императора, и всю эту переписку предъявилъ начальству. Послѣ того князь Карабатыръ неоднократно подвергался опасности отъ преслѣдованій противниковъ, а 29 августа 1852 года подожженъ былъ врагами домъ его, выстроенный на отведенной ему землѣ. Несмотря на всѣ эти препятствія, число переселенцевъ въ поселкѣ его продолжало увеличиваться, и когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1853 года Магометъ-Аминъ явился къ ближнимъ натухайцамъ, въ поселкѣ уже состояло 247 душъ обою пола. По приближеніи же сильныхъ скопищъ возмутителя, Карабатыръ, предвидя невозможность обороняться противъ нихъ въ поселкѣ, перешелъ оттуда со всѣми своими подвластными подъ защиту Николаевской станицы. Въ то же время Магометъ-Аминъ письмомъ возобновилъ совѣты Карабатыру обратиться въ горы, на что онъ рѣшительно отозвался, что никогда и ни за что не измѣнитъ преданности своей русскому правительству. Послѣ такого отвѣта поселокъ Карабатыра былъ истребленъ непріателемъ до основанія. Столь примѣрная рѣшимость князя Карабатыра не поддаваться внушеніямъ возмутителя среди общаго волненія въ краѣ, по мнѣнію вице-адмирала Серебрякова, дѣлала его вполнѣ достойнымъ особаго поощренія со стороны правительства. Принимая къ тому же во вниманіе, что отца Карабатыра, князя Сеферъ-бея, народъ все-таки именуетъ своимъ посланникомъ при Портѣ Оттоманской и что именемъ его неблагонамѣренные люди про-

¹⁾ Станица Николаевская находилась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположена Анапская станица.

должаютъ обольщать народъ несбыточными надеждами, Л. М. Серебряковъ полагалъ весьма полезнымъ имѣть Карабатыра на нашей сторонѣ, какъ свидѣтеля лживыхъ увѣреній нашихъ враговъ¹⁾. Въ юнѣ мѣсяцѣ 1853 года, по ходатайству Л. М. Серебрякова, князь Карабатыръ Занъ произведенъ былъ въ поручики съ состояніемъ по кавалеріи и съ назначеніемъ ему пенсіона по 300 руб. въ годъ.

Въ это время Магометъ-Аминъ началъ снова усиливаться между закубанскими племенами. Находясь въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми горцами, проживавшими въ Турціи и даже съ Сеферъ-беемъ, сдѣлавшимся потомъ его соперникомъ, Магометъ-Аминъ ранѣе чѣмъ кто либо другой получилъ достоверныя извѣстія о подготовлявшемся разрывѣ дружественныхъ отношеній Россіи съ Портой. Онъ не преминулъ воспользоваться этимъ случаемъ для возстановленія своего вліянія на черкесскія племена и еще весною 1852 года на народномъ собраніи у абадзеховъ объявилъ, что имѣетъ положительныя свѣдѣнія изъ Турціи о подготовленіи ея къ войнѣ съ Россіею съ цѣлью освобожденія отъ нашей зависимости кавказскихъ мусульманъ, и что поэтому во имя единой религіи всѣ разрозненныя внутренними несогласіями горскія племена должны теперь соединиться вмѣстѣ, при чемъ предложилъ собравшимся абадзехамъ признать его власть съ тѣмъ, что если черезъ полгода не оправдаются полученныя имъ изъ Турціи извѣстія, то онъ откажется отъ всякихъ притязаній на власть, снизойдетъ на степень простого муллы, будетъ жить между ними покойно и даже, если народъ потребуетъ, то совсѣмъ удалится изъ ихъ края. Рѣчь эта произвела сильное впечатлѣніе на народъ и скоро сдѣлалась извѣстна во всемъ закубанскомъ краѣ. Ближайшимъ послѣдствіемъ рѣчи этой было признаніе абадзехами вновь власти надъ собою Магометъ-Амина. Потомъ онъ подчинилъ себѣ убыховъ, джигетовъ и нѣкоторыя мирныя племена, а ранней весною 1853 года отправился на восточный берегъ Чернаго моря для покоренія прибрежныхъ горцевъ. Побѣдоносно шествуя во владѣніяхъ прибрежныхъ шапсуговъ Магометъ-Аминъ низвергалъ повсюду возобновленные жителями кресты, которымъ они прежде поклонялись и были ниспро-

¹⁾ Репортъ вице-адмирала Серебрякова князю Воронцову отъ 13 мая 1853 г., № 67.

вергнуты имъ въ 1851 году, когда онъ въ первый разъ приводилъ къ покорности прибрежныхъ горцевъ. 2 Апрелья Магометъ-Аминъ перешелъ, близъ Геленджика, на сѣверный склонъ Кавказскаго хребта. Шапсуги и натухайцы выслали ему навстрѣчу депутацію съ изъявленіемъ покорности. Принявъ эту депутацію онъ сейчасъ-же приказалъ разстрѣлять шапсугскаго старшину Хоротокора Хамырзу Кобле за то, что въ 1851 году старшина этотъ возстановилъ противъ Магометъ-Амина своихъ соотечественниковъ, разогналъ мутазиговъ и сжегъ мягкеме на р. Антхырѣ. Возобновивъ это мягкеме Магометъ-Аминъ двинулся въ землю натухайцевъ и успѣлъ покорить ихъ почти въ виду нашего отряда, искусно избѣгая всюду встрѣчи съ войсками нашими. Увлеченныя общимъ движеніемъ мирныя общества въ окрестностяхъ Анапы, Новороссійска и другихъ нашихъ укрѣпленій, тоже начали постепенно переходить въ враждебное противъ насъ положеніе. Но Карабатырь все-таки оставался намъ вѣренъ и смѣло прервалъ связи съ своими соплеменниками, не утрущаясь ихъ угрозъ. Когда же послѣдовалъ разрывъ съ Турціей, то вице-адмиралъ Серебряковъ въ увѣренности, что Сеферъ-бей непременно возвратится на родину, вошелъ съ представленіемъ къ князю Воронцову, въ которомъ просилъ разрѣшенія объявить Карабатыру, что если онъ по долгу сыновнему сочтетъ необходимымъ оставить насъ и присоединиться къ своему отцу, то можетъ исполнить это безпрепятственно съ нашей стороны. Этимъ снисхожденіемъ Серебряковъ полагалъ предупредить враждебный побѣгъ отъ насъ Карабатыра и вселить въ немъ чувство признательности къ намъ. Онъ признавалъ вреднымъ удерживать у насъ Карабатыра въ видѣ заложника, потому что этимъ средствомъ нельзя было надѣяться воспрепятствовать Сеферъ-бею дѣйствовать противъ насъ враждебно, а между тѣмъ это могло бы подать ему поводъ обвинить насъ въ томъ, что мы не умѣемъ цѣнить никакую преданность.

Князь М. С. Воронцовъ согласился съ мнѣніемъ вице-адмирала Серебрякова, и послѣдній объявилъ Карабатыру о разрѣшеніи отправиться въ горы, когда онъ пожелаетъ. При этомъ однако же Серебряковъ просилъ Карабатыра заблаговременно предупредить о своемъ намѣреніи, не навлекая на

себя стыда тайнымъ побѣгомъ въ горы. Карабатырь не только не обнаруживалъ никакихъ признаковъ измѣны, но, напротивъ, выражалъ такія чувства преданности нашему правительству, которыя вполне исключали всякую возможность какихъ либо сомнѣній на счетъ его благонадежности. Такъ, вскорѣ послѣ объясненія съ вице-адмираломъ Серебряковымъ, Карабатырь 8 января 1854 года отправился въ Новороссійскъ и лично подалъ генераль-маіору Дебу, начальнику 1-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, помѣщаемую ниже докладную записку о принятіи на службу въ Собственный Его Величества конвой. „Предавъ себя вполне благодушію правительства, испытавъ на себѣ милости Всещедраго Государя Императора, главнѣйшимъ изъ желаній моихъ остается и будетъ всегда свято оправдать эти милости. Предъ смутными въ горахъ толками о близкомъ разрывѣ новаго моего отечества—Россіи съ Турціею, носились слухи, что будто отецъ мой, при сдачѣ Анапы бывшій въ чинѣ бимъ-баши въ оттоманской арміи, назначается въ наступательный отрядъ къ Гуріи отъ границъ Лазистана, отколь онъ долженъ былъ проникнуть въ здѣшній край и возмутить прибрежныхъ горцевъ; но слухи эти могли родиться только лишь въ безумныхъ замыслахъ Магометъ-Амина, какъ бы въ кару отъ неба явившагося въ здѣшній край. Предавшись разъ русскому правительству, я остаюсь, покуда живъ, вѣрноподаннымъ славному нашему Государю Императору, столько меня благодѣтельствовавшему; но чтобы лично предъ лицомъ Его Императорскаго Величества имѣть счастье доказать ту глубокую признательность, которую питаю я въ душѣ за Его высокія милости, я, оставляя здѣсь престарѣлую мать, сестру—предоставляя имъ все что имѣю,—осмѣливаюсь просить объ одномъ еще благодѣяніи начальства—представить мнѣ случай послужить въ Собственномъ Его Императорскаго Величества конвоѣ“. Подавши генералу Дебу эту записку Карабатырь отправился затѣмъ въ Анапу и просилъ капитана горской милиціи Абдурахманова сообщить родной матери Карабатыра о принятомъ имъ намѣреніи и склонить ее къ согласію на это. Миссія Абдурахманова увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что рѣшеніе Карабатыра въ данномъ случаѣ совершенно совпадало съ завѣтными желаніями его

матери, на опытѣ убѣдившейся, что возстановленіе утрачен-ныхъ правъ и значенія въ народѣ князей Занъ, а также мате-ріальное благосостояніе ихъ возможно лишь при условіи снисканія милости Царя и вниманія русскаго правительства. Генераль Дебу не успѣлъ еще представить вышеприведенную докладную записку Карабатыра вице-адмиралу Серебрякову, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, въ полночь съ 18 на 19 января прибѣжалъ къ воротамъ Анапской крѣпости старикъ русскій плѣнный, Иванъ Козловъ, давно уже проживавшій у князя Карабатыра и сообщилъ, что 18 января днемъ Карабатырь, распорядившись предварительно связать его, Козлова, и оцѣпить поселокъ, вѣроятно изъ опасенія, чтобы кто либо изъ жителей не далъ знать о его намѣреніи въ крѣпость, прика-залъ укладывать на арбы все свое имущество и передъ ве-черомъ тронулся съ цѣлымъ обозомъ по направленіи къ быв-шей Псехопсинской батареекъ. Въ разстояніи 8 верстъ отъ Анапы, когда рогатый скотъ, слѣдовавшій при обозѣ, сталъ расходиться въ разныя стороны и удаляться въ ближайшій лѣсъ, Карабатырь приказалъ развязать руки Козлову и велѣлъ ему помогать другимъ людямъ въ разысканіи скота. Восполь-зовавшись густотой кустарниковъ и наступившей темнотой но-чи Козловъ сначала скрылся, прилегши въ терновникъ, а по-томъ бѣжалъ въ Анапу. Въ то время загорѣлся поселокъ Ка-рабатыра, подоженный, вѣроятно, людьми, отправленными въ погоню за Козловымъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе анапскій комендантъ, подполковникъ Ознобишинъ, счелъ излишнимъ и бесполезнымъ посылать отрядъ для розыска Карабатыра, но назначилъ 150 человекъ 13 линейнаго баталіона, подъ коман-дой капитана Янчевскаго, для потушенія въ поселкѣ огня, уси-ливавшагося отъ вѣтра.—Янчевскій скоро прекратилъ пожаръ, но изъ всего поселка осталось только 6 небольшихъ сарай-чиковъ и часть плетня, служившаго оградой. Разобранный отъ оставшихся построекъ лѣсъ, Ознобишинъ рѣшилъ продать съ тѣмъ, чтобы вырученными за него деньгами удовлетворить хо-тя часть долговъ Карабатыра, ибо два его кредитора, изъ чис-ла всадниковъ Анапскаго горскаго полуэскадрона, неоднократ-но уже являлись къ Ознобишину съ жалобами на Карабатыра. Полагая, что Карабатырь зналъ, какъ нельзя лучше, всѣ

укрѣпленія и станицы Анапскаго округа, а также и тѣ мѣста въ нихъ, которыя не такъ сильно были вооружены и что, воспользовавшись незнаніемъ о его измѣнѣ, онъ легко могъ сдѣлать набѣгъ на наши поселенія, Ознобишинъ не замедлилъ сообщить объ измѣнническомъ побѣгѣ Карабатыра съ его крестьянами въ горы всѣмъ воинскимъ начальникамъ ввѣреннаго ему Анапскаго округа¹⁾). Нѣсколько времени спустя Карабатырь прислалъ къ ген.-маіору Дебу почтительное письмо съ изъявленіемъ благодарности за милости и гостепріимство, оказанныя ему нами, а самъ вступилъ въ ряды соплеменниковъ своихъ, уже ополчившихся противъ насъ.

Въ началѣ 1853 года, когда Турція, заключивъ союзъ съ Англіей и Фраціей противъ Россіи, отправила въ закубанскій край своихъ агентовъ съ цѣлью возстановленія противъ насъ всѣхъ черкесскихъ племенъ, натухайцы и шапсуги, довѣряя обѣщаніямъ турецкаго султана скорой помощи, прервали съ нами мирныя сношенія и вздумали было овладѣть какимъ либо нашимъ укрѣпленіемъ за Кубанью. 26 Іюля огромное скопище ихъ, простиравшееся до 10,000 человекъ, бросилось на Гостагаевское укрѣпленіе, но послѣ тоекратнаго ожесточеннаго штурма принуждено было отступить, потерявъ изъ среды своей до 800 человекъ убитыми и ранеными, изъ коихъ 4 раненыхъ и 78 тѣлъ остались въ нашихъ рукахъ. Гарнизонъ Гостагаевскаго укрѣпленія состоялъ въ это время изъ 4 офицеровъ и 381 человекъ нижнихъ чиновъ подъ начальствомъ поручика Вояковскаго. Штурмъ продолжался два часа и воодушевленіе гарнизона было необычайное. Въ отраженіи непріятеля принимали участіе не только всѣ строевыя и нестроевыя нижніе чины, но, подъ вліяніемъ настоятеля мѣстной церкви іеромонаха отца Наума, даже солдатскія жены съ форштадта и дѣти, руководимыя супругой пор. Булича. Императоръ Николай I щедро наградилъ участниковъ этой славной защиты. Поручикъ Вояковскій, кромѣ награжденія орденомъ Св. Георгія 4 степени, внѣ всякихъ правилъ, произведенъ былъ прямо въ капитаны; произведены также въ слѣдующіе чины и всѣ прочіе офицеры; іеромонаху Науму пожалованъ золотой наперстный крестъ на Георгіевской лентѣ; наиболѣе отличив-

¹⁾ Рапортъ подполковника Ознобишина ген.-маіору Дебу отъ 19 января 1854 г. № 246.

шимся нижнимъ чинамъ назначено 6 знаковъ отличія военнаго ордена и выдано всѣмъ по три руб. серебромъ, а солдатскимъ женамъ и дѣтямъ по одному руб. каждому. Жена поручика Булича награждена золотой медалью съ надписью: „за усердіе“ для ношенія на груди на Георгіевской лентѣ и пожизненнымъ пенсіономъ въ количествѣ годового оклада ея мужа. Послѣ неудачнаго штурма Гостагаевскаго укрѣпленія натухайцы и шапсуги въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не покушались болѣе на наши укрѣпленія, но не переставали дѣлать нападенія на наши колонны, высылаемыя въ лѣсъ за дровами и по другимъ надобностямъ.

При объявленіи войны Россіи съ Турціей, Англіей и Франціей положеніе наше на восточномъ берегу Чернаго моря представлялось далеко не обезпеченнымъ. Не большія по своимъ размѣрамъ укрѣпленія Черноморской береговой линіи, состоявшія изъ земляного бруствера слабой профили, усиленнаго палисадомъ, предназначены были только для защиты противъ горцевъ, не имѣвшихъ артиллеріи. Для обороны же противъ благоустроенныхъ войскъ союзниковъ, враговъ нашихъ, и сильнаго флота ихъ укрѣпленія эти представлялись совершенно непригодными. Геленджикъ и Новороссійскъ, ничѣмъ незащищенные со стороны моря, легко доступны были для непріятельскихъ нападеній и не могли выдержать продолжительной осады. Союзныя войска имѣли полную возможность разрушить своею артиллеріей съ судовъ всѣ наши береговыя укрѣпленія, потому что орудія, которыми вооружены были укрѣпленія эти ни по числу, ни по калибру своему не въ состояніи были нанести съ суши какой-либо вредъ непріятелю. Нельзя также было сомнѣваться въ томъ, что при появленіи союзнаго флота на морѣ горцы не останутся праздными зрителями и обрушатся массами на укрѣпленія наши съ суши. Хотя въ началѣ войны эскадра, назначенная для крейсированія вдоль восточнаго берега Чернаго моря была усилена нѣсколькими судами, но съ появленіемъ ранней весною 1854 г., на Босфорѣ союзнаго флота въ составѣ болѣе 100 судовъ, вооруженныхъ тремя тысячами орудій, весь нашъ малочисленный, по сравненію съ непріятельскимъ, Черноморскій флотъ поставленъ былъ въ необходимость укрыться подъ защиту приморскихъ батарей

въ Севастополѣ. При такомъ беззащитномъ положеніи Черноморской береговой линіи въ мартѣ мѣсяцѣ того же года всѣ укрѣпленія ея были сняты нами, за исключеніемъ Новороссійска и Анапы, потому что, располагая сухопутнымъ сообщеніемъ съ Черноморской кардонной линіей на Кубани, укрѣпленія эти, въ зависимости отъ положенія дѣлъ, могли быть очищены во всякое время. Для насъ же удержаніе за собой этихъ двухъ укрѣпленныхъ пунктовъ представлялось единственнымъ средствомъ къ возможному воспрепятствованію вторженія непріятеля во внутрь края. Защита береговъ Чернаго моря по Высочайшему повелѣнію возложена была на наказнаго атамана войска Донского генераль-адъютанта Хомутова, съ подчиненіемъ ему Черноморскаго казачьяго войска, береговой линіи и всѣхъ войскъ, находившихся за Кубанью. Небольшіе отряды союзныхъ судовъ начали показываться между Таманью и Новороссійскомъ въ среднихъ числахъ февраля 1855 г., и истребили нѣсколько нашихъ приморскихъ постовъ, а 28 числа вошла въ Новороссійскую бухту эскадра пяти пароходныхъ судовъ, вооруженныхъ 67 орудіями. Натухайцы, собравшись въ большомъ числѣ на морскомъ берегу близъ Новороссійска встрѣтили союзниковъ съ большой радостью и выразили готовность содѣйствовать ихъ предпріятію. Три дня сряду бомбардировали союзники Новороссійскъ, но не смотря на разрушеніе многихъ зданій и верковъ, не могли принудить гарнизонъ покинуть защищаемое имъ укрѣпленіе. Послѣ первыхъ двухъ дней безуспѣшной бомбардировки непріятельская эскадра 1 марта подошла къ берегу на самое близкое разстояніе и открыла по Новороссійску огонь изъ всѣхъ своихъ орудій, буквально осыпая градомъ ядеръ, гранатъ, бомбъ и картечи первую приморскую батарею, которая одна только могла отвѣчать, какъ ближайшая къ непріятелю. Батарея эта, вооруженная семью орудіями и тремя мортирами, не только устояла, но даже произвела въ непріятельскихъ судахъ серьезныя поврежденія, заставивъ союзниковъ удалиться отъ Новороссійска для починки своихъ судовъ. Во время этой адской бомбардировки вагенбургъ нашихъ войскъ, вмѣстѣ съ прикрытіемъ, выведенъ былъ для безопасности изъ укрѣпленія. Замѣтивши это, одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ, отдѣлив-

шись отъ эскадры, подошелъ къ противоположному берегу бухты, гдѣ находилось сборище натухайцевъ въ числѣ около 3000 человекъ и здѣсь союзники предложили горцамъ одно орудіе съ тѣмъ, чтобы они напали на прикрытіе вагенбурга и способствовали этимъ сдачѣ гарнизона. Однако, не взирая на убѣдительныя доводы союзниковъ, что гарнизонъ Новороссійска не въ состояніи будетъ удержаться, если горцы дружно бросятся на прикрытіе вагенбурга, они все-таки отказались отъ сдѣланнаго имъ предложенія, говоря, что русскіе непременно отобьютъ у нихъ это орудіе. Приведенный фактъ лучше всего показываетъ до какой степени твердо горцы убѣждены были въ несокрушимомъ мужествѣ нашихъ кавказскихъ войскъ. Крейсируя вдоль кавказскихъ береговъ Чернаго моря, небольшія эскадры союзнаго флота въ теченіе марта и апрѣля мѣсяцевъ безнаказано разрушали наши беззащитныя приморскіе посты.¹⁾

По удаленіи нашихъ войскъ изъ Абхазіи, весною 1854 года. Сеферъ-бей, по распоряженію турецкаго правительства, прибылъ въ Сухумъ съ порученіемъ соединить противъ насъ всѣ черкесскія племена и склонить на сторону Турціи владѣтеля Абхазіи. Напрасно ожидали его и звали къ себѣ натухайцы; онъ оставался въ Сухумѣ не желая, вѣроятно, явиться къ своимъ соплеменникамъ безъ обѣщанныхъ имъ войскъ. Насколько извѣстно, дѣятельность Сеферъ-бея въ Сухумѣ ограничивалась многократными воззваніями къ закубанскимъ племенамъ, въ которыхъ онъ требовалъ именемъ султана набрать ополченіе и прислать его въ Сухумъ, чтобы оттуда перевезти моремъ въ Кабулеты для присоединенія къ Батумскому корпусу. Въ секретныхъ же письмахъ къ своимъ знакомымъ онъ просилъ ласково принимать французовъ и англичанъ, но не довѣрять имъ. Прошелъ цѣлый годъ по прибытіи Сеферъ-бея въ Сухумъ, но воззванія его не имѣли успѣха. Закубанскія племена охотно признавали надъ собою власть турецкаго султана въ качествѣ главы своей религіи, но желали сохранить внутреннюю свою независимость и народный порядокъ. Требованіе набора ополченія съ тѣмъ, чтобы отправить его въ Кабулеты, показалось имъ началомъ рекрутской повинности. Привыкнувъ

¹⁾ Е. Васильевъ. Черноморская береговая линия. Военный Сборникъ 1874 г. № 9, ст. 5—27.

воевать въ своемъ краѣ, собираться на короткое время и расходиться по домамъ по своему произволу, горцы опасались отправиться моремъ въ отдаленный край, попасть въ полную зависимость турецкаго начальства и не имѣть возможности возвращаться домой когда пожелаютъ, а особливо отправлять въ домъ раненыхъ и тѣла убитыхъ. Еще болѣе устрасала ихъ мысль о томъ, что ополченіе ихъ можетъ быть обращено на укомплектованіе регулярныхъ турецкихъ войскъ и что во время отсутствія изъ края значительнаго числа вооруженныхъ людей край ихъ останется беззащитнымъ противъ нашихъ войскъ. Сверхъ того, при всей популярности въ народѣ имени Сеферъ-бея, тхвохотли имѣли къ нему нѣкоторое недовѣріе, опасаясь, что онъ станетъ ходатайствовать у турецкаго султана о возстановленіи древнихъ правъ князей и дворянъ. Обстоятельства эти объясняютъ непонятное съ перваго взгляда явленіе почему, за кубанскія племена, столь продолжительное время искавшія помощи отъ турокъ, оставались только зрителями въ теченіи цѣлаго года войны.

Въ это время Магометъ-Аминъ находился у убыховъ и, въ ожиданіи на восточный берегъ моря турецкихъ войскъ, дѣятельно занимался приготовленіемъ для нихъ запасовъ продовольствія. Онъ надѣялся, что турецкое правительство предоставитъ ему начальствованіе надъ черкесскими племенами, но прибытіе въ Сухумъ Сеферъ-бея съ званіемъ паши и съ порученіемъ соединить противъ насъ всѣхъ горцевъ разрушило планы Магометъ-Амина.

Надо было полагать, что Сеферъ-бей не уживется мирно съ Магометъ-Аминомъ и предположеніе это вскорѣ оправдалось на дѣлѣ. Эти люди представляли собой два различныя начала: одинъ аристократическаго происхожденія и власть, данную извнѣ турецкимъ султаномъ, а другой—духовное начало и власть, возникшую изъ среды народа. Невыполненіе требованія о высылкѣ народнаго ополченія закубанскими племенами подало поводъ Сеферъ-бею къ неудовольствіямъ на Магометъ-Амина. Сеферъ-бей обвинялъ Магометъ-Амина въ томъ, что онъ донесеніями своими Портѣ ввелъ ее въ заблужденіе, что Порта, повѣривъ его словамъ, полагала будто бы онъ дѣйствительно привелъ въ благоустройство черкесскія племена и за-

велъ у нихъ постоянныя войска, готовыя по первому требованію послѣдовать всюду, куда будетъ имъ приказано идти; но на дѣлѣ вышло, что войскъ этихъ не существовало и что народъ оказывалъ неповиновеніе повелѣніямъ султана. Магометъ Аминъ пріѣзжалъ оправдываться въ Сухумъ и говорилъ Сеферъ-бею, что до признанія закубанскими племенами власти его надъ собою, черкесы жили въ такой дружбѣ съ русскими, что во многихъ мѣстахъ пахали землю рядомъ съ ними и что онъ своими духовными наставленіями успѣлъ раздѣлить эти два народа и предупредить то сліяніе между ними, до котораго оставался уже небольшой переходъ. Далѣе онъ говорилъ, — что раздѣлилъ край на округа и устроилъ въ каждомъ изъ нихъ мягкеме и духовное училище, что народныя ополченія собираются по одному его слову и слѣдуютъ за нимъ повсюду и что если они затрудняются идти въ невѣдомый имъ край, то это происходитъ отъ неподготовленности ихъ къ такому предпріятію. Наконецъ, онъ увѣрялъ Сеферъ-бея, что горцы ждуть турокъ къ себѣ и что они въ собственномъ краѣ окажутъ имъ всякое содѣйствіе въ войнѣ съ русскими. Но доводы Магометъ-Амина не убѣдили Сеферъ-бея и потому онъ отправился оправдываться въ Константинополь, куда Сеферъ-бей послалъ противъ него обвиненія, вѣроятно для того, чтобы оправдать самого себя въ маломъ успѣхѣ своихъ дѣйствій. Магометъ-Аминъ былъ принятъ въ Константинополь хорошо и возведенъ въ званіе паши, но Порты не утвердила за нимъ власти надъ закубанскими племенами, а потому онъ, возвратясь на Кавказъ, удалился на первое время отъ всѣхъ дѣлъ. Въ это время абадзехи собирались отправить въ Сухумъ депутацію къ Мустафѣ-пашѣ, съ цѣлью просить о назначеніи къ нимъ начальникомъ Магометъ-Амина, но узнавъ о его возвращеніи изъ Константинополя и не понимая причинъ его бездѣйствія, они обратились къ нему за разъясненіемъ. Магометъ-Аминъ объявилъ абадзехамъ, что всѣ прежнія его дѣйствія клонились къ тому, чтобы приготовить горцевъ къ подданству турецкому султану и что такъ какъ цѣль эта теперь достигнута, то онъ считаетъ свое дѣло оконченнымъ и долженъ передать горцевъ другимъ начальникамъ, назначеннымъ отъ Порты. Абадзехи должны были удовольствоваться этимъ разъясненіемъ, но они не

довѣряли Сеферъ-бею, коему ихъ подчинили. Между тѣмъ, желаніе признать своимъ главою Магометъ-Амина не только не покидало абадзеховъ, но, напротивъ, возросло и распространялось на другія сосѣднія племена горцевъ. Сеферъ-бей въ это время проживалъ въ Сухумѣ въ совершенномъ бездѣйствіи. Непокорныя намъ горскія племена, оставаясь безъ общаго управленія и руководителя, предпринимали противъ насъ только частныя хищническія набѣги¹⁾).

Въ среднихъ числахъ мая 1855 г. лазутчики наши дали знать, что къ нутхайцамъ прибылъ Сеферъ-бей и вмѣстѣ съ нимъ Мустафа-паша съ довольно значительнымъ отрядомъ войскъ, имѣя намѣреніе овладѣть гор. Екатеринодаромъ. Принимая въ соображеніе, что при успѣхѣ подобной диверсіи англо-французы легко могли-бы ввести въ Кубань, черезъ Бугасъ, значительное число гребныхъ судовъ съ десантомъ и такимъ образомъ гарнизонамъ Анапы и Новороссійска былъ-бы отрѣзанъ путь къ отступленію, кавказское начальство признало нужнымъ оставить эти укрѣпленія. Поэтому 17 мая войска наши были выведены изъ Новороссійска, а 28 числа оставлена была и Анапа. Сеферъ-бей не замедлилъ воспользоваться этимъ и занялъ Анапу съ отрядомъ турецкихъ войскъ, прибывшихъ съ Мустафа-пашей.

Здѣсь онъ собралъ нѣсколько десятковъ горцевъ, которые составили его постоянный конвой и добыли, вѣроятно изъ Турціи, два бронзовыхъ орудія, калибра около 6 фунтовъ, на полевыхъ лафетахъ. Вліяніе Сеферъ-фея на горцевъ было сперва весьма ничтожное, но въ послѣдствіи, въ силу благопріятно сложившихся обстоятельствъ, оно значительно возросло. Лѣтомъ того же года французскіе, англійскіе и турецкіе офицеры пріѣзжали въ Анапу, чтобы возбудить горцевъ къ общему противу насъ дѣйствію. Офицеры эти, умышленно или по незнанію, относились къ Сеферъ-бею, какъ къ мѣстному начальнику. Это увеличило его значеніе. Слышно было, что онъ давалъ горцамъ подарки, на что, вѣроятно, получалъ нѣкоторыя средства отъ союзниковъ. Европейскіе офицеры ѣздили также къ Магометъ-Амину, но, не успѣвъ склонить его къ совокупному дѣйствію по ихъ плану, возвратились съ неудо-

¹⁾ Магометъ-Аминъ. Н. Карлгофъ. Кавказскій календарь на 1861 годъ. Тифлисъ, стр. 97.

вольствіемъ. Англичане, во время кратковременнаго пребыванія своего въ Анапѣ, предлагали горцамъ собрать двѣ тысячи конныхъ для дѣйствій противъ войскъ нашихъ съ тѣмъ, что содержаніе этой конницы они примутъ на себя, но горцы натрѣзъ отказали въ исполненіи предложенія этого¹⁾.

Дворянство, по словамъ Н. Карлгофа, „неосновательно возлагавшее надежду на Магометъ-Амина въ поддержаніи своихъ древнихъ правъ, особенно послѣ женитьбы наиба на дочери темиргоевскаго князя Болотокова, много разъ обращалось къ нему съ просьбами о разсмотрѣніи стараго ихъ спора съ тхвохотлями. Но, вынужденный сначала щадить всѣ партіи, Магометъ-Аминъ уклонялся отъ произнесенія положительнаго рѣшенія. Когда же онъ прочно утвердился въ народѣ, то объявилъ дворянству, что споръ ихъ съ тхвохотлями можетъ быть рѣшенъ только по шаріату. Это значило напередъ осудить ихъ дѣло, потому что шаріатъ устанавливаетъ равенство между мусульманами“. Прибытіе Сеферъ-бея къ натухайцамъ съ званіемъ начальника, поставленнаго отъ Порты оживило надежды дворянства. Однако Сеферъ-бей не оправдалъ ихъ ожиданій. Сознывая, что безъ содѣйствія многочисленнаго сословія тхвохотлей онъ не былъ бы въ состояніи удержаться въ краѣ, Сеферъ-бей отвергнулъ притязанія дворянства. Тѣмъ не менѣе натухайскій народъ подчинился Сеферъ-бею собственно съ той цѣлью, чтобы противопоставить его Магометъ-Амину, требованій котораго они не хотѣли исполнять. Абадзехи же, у коихъ дворянъ не было вовсе и существовалъ демократическій строй общества, съ недовѣріемъ отнеслись къ рѣшенію Сеферъ-бея и, не желая ему подчиняться, избрали своимъ главой Магометъ-Амина. Вслѣдствіе этого Сеферъ-бей сталъ обвинять Магометъ-Амина въ самозванствѣ и между ними возникла скрытая вражда. Каждый изъ нихъ сталъ дѣйствовать самостоятельно въ военныхъ предпріятіяхъ противъ насъ съ желаніемъ превзойти другъ друга во мнѣніи Порты.

Въ концѣ лѣта 1855 года Магометъ-Аминъ, издавна преслѣдуя мысль объ усиленіи между Закубанскими горцами исламизма, съ большою противъ прежняго настойчивостью сталъ

¹⁾ Рапортъ Начальника штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи генераль-маіора Капгера и. д. главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ генер-лейт князю Бебутову отъ 20 августа, 1855 года, № 2096.

клонить народныя дѣла къ уравненію правъ между дворянами и простолюдинами. Опасенія такого переворота и его послѣдствій заставило шапсуговъ тѣснѣе сблизиться съ натухайцами и наружно подчиниться Сеферъ-бею, ибо послѣдній по происхожденію своему во всякомъ случаѣ не могъ быть сторонникомъ демократическаго переворота въ ихъ краѣ.

При такихъ обстоятельствахъ англо-французскія войска сдѣлали высадку въ Тамани и вошли въ соглашеніе съ Сеферъ-беемъ относительно наступательныхъ движеній въ предѣлы Черноморскаго казачьяго войска. Согласно этимъ предположеніямъ горцы должны были переправиться черезъ Кубань противъ Джигинской¹⁾ батареи, соединиться съ союзниками на Таманскомъ полуостровѣ и, при содѣйствіи флота, атаковать темрюкскую позицію, а въ тоже время другая партія горцевъ, подъ предводительствомъ сына Сеферъ-бея, Карабатыра, человѣка храбраго и энергичнаго, должна была напасть на укрѣпленіе Варениковское, въ тылу темрюкской позиціи. Въ этомъ неудавшемся предпріятіи участвовали только шапсуги и натухайцы, которыхъ было до семи тысячъ. Послѣ того Сеферъ-бей долго жилъ у шапсуговъ на р. Бугундырѣ, имѣлъ при себѣ два орудія, назывался турецкимъ пашою и возбуждалъ горцевъ противъ насъ, дѣйствуя независимо отъ Магометъ-Амина, съ коимъ не имѣлъ никакихъ сношеній. Вниманіе послѣдняго было тогда обращено на Карачай, куда онъ замышлялъ проникнуть, чтобы волновать Кабарду и ближайшія къ тѣмъ мѣстамъ племена. Но осуществить этотъ планъ Магометъ-Амину удалось лишь отчасти. Въ августѣ мѣсяцѣ, явившись въ Карачай, онъ силою заставилъ жителей присягнуть ему; затѣмъ неожиданнымъ нападеніемъ ему удалось также истребить на Эшкаконтѣ²⁾ одинъ изъ нашихъ транспортовъ съ прикрытіемъ изъ 70 человѣкъ нижнихъ чиновъ; но ген.-лейт. Козловскій, быстро собравъ войска, разбилъ 25 августа скопища горцевъ, укрѣпившихся подъ предводительствомъ Магометъ-Амина на сильной позиціи при Кадыко³⁾

1) Батарейка эта находилась на правомъ берегу р. Джиги, въ 3 верстахъ къ сѣверу отъ Джигинскаго селенія (колоніи Михельсфельдъ) по дорогѣ въ г. Темрюкъ.

2) Въ верховьяхъ р. Аманколь, притокъ р. Кубани, въ Карачаѣ.

3) Урочище Кадыко въ Карачаѣ, на правой сторонѣ ушелья р. Худеса. Оно представляетъ собою плоскую возвышенность, ограниченную справа и слѣва глубокими обрывчатыми балками.

и выгналъ его изъ Карачая. Неудача этого предпріятія возбудила противъ Магометъ-Амина не мало неудовольствій, особливо между дворянами.

Между тѣмъ, послѣ высадки турецкихъ войскъ въ Сухумѣ, въ исходѣ 1855 года, Омеръ-паша потребовалъ къ себѣ Магометъ-Амина и именемъ Порты утвердилъ за нимъ званіе начальника абадзеховъ и сосѣдственныхъ съ ними племенъ. Туда же прибылъ и Карабатыръ, посланный изъ Анапы своимъ отцомъ, Сеферъ-беемъ. Оба эти горца возвратились облаканные и съ подарками. Омеръ-паша, какъ говорятъ, надѣлъ на Магометъ-Амина эполеты паши и послалъ такіе же Сеферъ-бею, объявивъ имъ, что въ знакъ преданности султану они обязаны собрать значительную милицію въ подвѣдомственныхъ имъ горскихъ племенахъ и соединиться съ арміею Омеръ-паши для дѣйствій въ Закавказскомъ краѣ. Возвратясь изъ этой поѣздки, Магометъ-Аминъ нашелъ, что число недовольныхъ имъ, особенно дворянъ и вліятельныхъ людей, значительно увеличилось. Вѣроятно, источникомъ этого неудовольствія была зависть къ полученнымъ имъ подаркамъ и значительное для горцевъ богатство, которое Магометъ-Аминъ, вообще жадный къ пріобрѣтенію, накопилъ сборами на общественныя потребности, штрафами и грабежемъ.

Въ видахъ упроченія своей власти Магометъ-Аминъ рѣшился довершить демократическій переворотъ, давно уже подготовленный имъ въ этомъ краѣ. Онъ возбудилъ народъ противъ дворянъ, объявивъ старинныя права сихъ послѣднихъ противными корану и на народномъ собраніи потребовалъ, чтобы дворяне принесли присягу въ томъ, что отказываются отъ своихъ правъ и впредь будутъ считаться всегда равными своимъ остальнымъ соплеменникамъ. У абадзеховъ этотъ переворотъ, издавна подготовленный, совершился безъ большихъ затрудненій. У бжедуховъ князья и дворяне явно воспротивились этому требованію, но Магометъ-Аминъ принудилъ ихъ къ тому силою, при чемъ многіе князья и дворяне были ограблены, а нѣкоторые другіе убиты и ранены. Такимъ образомъ поселилось враждебное расположеніе между простымъ народомъ и дворянами до того, что сіи послѣдніе, служившіе прежде вожаками горцевъ, какъ хорошо вооруженные и болѣе

другихъ воинственные и искусные въ хищнической тактикѣ, стали уклоняться отъ участія въ общихъ дѣлахъ, и послѣ каждой неудачи своихъ соплеменниковъ даже не скрывали своей радости.

Такой демократическій переворотъ почти не проникнулъ къ шапсугамъ и совершенно не коснулся натухайцевъ. Между этими двумя группами черкесскихъ племенъ не было большого согласія, а Сеферъ-бей Занъ, назвавшійся начальникомъ натухайцевъ и шапсуговъ, а также и анапскимъ пашею, старался еще болѣе раздѣлить ихъ. Когда Магометъ-Аминъ звалъ всѣхъ горцевъ для рѣшительнаго въ Черноморію вторженія, которое предполагалось начать разграбленіемъ Старокорсунской станицы, шапсуги и натухайцы не пошли, отговариваясь тѣмъ, что абадзехи и бжедухи тоже не содѣйствовали имъ въ осеннемъ предпріятіи противъ Таманскаго полуострова. Сверхъ того, натухайцы и шапсуги стали грозить, что не позволяютъ другимъ горцамъ пріѣзжать къ морскому берегу для покупки тамъ соли, пороха и разныхъ товаровъ прямо съ приходящихъ судовъ.

Раздраженный безуспѣшностью попытки сбора горскаго ополченія Магометъ-Аминъ отправилъ въ концѣ января 1856 года посланнаго къ Омеръ-пашѣ съ письмомъ. Излагая положеніе дѣлъ въ Закубанскомъ краѣ, Магометъ-Аминъ увѣдомлялъ Омеръ-пашу, что готовъ-бы немедленно прибыть къ нему съ десятью тысячами всадниковъ для дѣйствій въ Закавказскомъ краѣ или въ малой Азіи, но для этого нужно повѣсить около 150 горцевъ, противящихся всѣмъ его распоряженіямъ для пользы падишаха. Этихъ противниковъ онъ называлъ поименно: они были главныя вліятельныя лица между племенами, признававшими надъ собою власть Магометъ-Амина, большею частью князья и дворяне; въ числѣ ихъ былъ и самъ податель письма. Послѣдній очень скоро возвратился, не заставъ Омеръ-пашу въ Редутъ-кале и прямо явился въ мягкаме, гдѣ, собравъ старшинъ, отдалъ имъ распечатанное письмо Магометъ-Амина и сказалъ, что будто-бы получилъ письмо это отъ Омеръ-паши, отказавшагося содѣйствовать набу въ его кровавыхъ противъ горцевъ замыслахъ, противныхъ волѣ и желаніямъ султана. Чтеніе этого письма произвело

взрывъ общаго негодованія противъ Магометъ-Амина. Но онъ, кажется, предупрежденъ былъ о раскрытіи его замысловъ, потому что заблаговременно распорядился отправить куда-то съ армяниномъ нѣсколько тяжелыхъ мѣшковъ; такъ что, когда негодующая толпа бросилась къ дому Магометъ-Амина, то его уже тамъ не было. Тогда, пылая гнѣвомъ, горцы разграбили имущество Магометъ-Амина и разобрали по рукамъ его семейство. Вскорѣ послѣ этого они узнали, что Магометъ-Аминъ находится въ домѣ одного преданнаго ему горца, въ вершинахъ р. Пчаса. Народъ окружилъ этотъ домъ, но уважая права гостепріимства, не рѣшился силою принудить Магометъ-Амина выйти къ нимъ на расправу, а взявъ того потребовалъ цѣну крови за всѣхъ, кого онъ обрекалъ на смерть и, въ случаѣ отказа, грозилъ ему самому истребленіемъ. Такимъ образомъ Магометъ-Аминъ очутился въ положеніи арестованнаго и можно было предполагать, что онъ или погибнетъ въ этомъ волненіи, или, по крайней мѣрѣ, потеряетъ все свое вліяніе. Помощь ему явилась съ той стороны, откуда онъ вовсе не ожидалъ. Узнавъ о неурядицѣ, господствовавшей въ восточной половинѣ территоріи черкесскаго народа, Сеферъ-бей нашель это обстоятельство благопріятнымъ для распространенія своего вліянія и власти на племена, доселѣ не признававшія его. Съ этой цѣлью онъ прибылъ изъ Анапы на р. Бугундырь и созвалъ натахайцевъ и шапсуговъ. Съ нимъ было уже три полевыхъ орудія, до 150 турокъ и пушкарей, какъ кажется, всякаго сброда. На сборищѣ этомъ Сеферъ-бей объявилъ намѣреніе идти въ земли абадзеховъ и бжедуховъ для приведенія ихъ къ присягѣ султану и для низложенія Магометъ-Амина. Въ это время многіе князья и дворяне бжедухскіе и абадзехскіе тайно и поодинокѣ приходили къ Сеферъ-бею для склоненія его въ свою пользу. Послѣдній обнадеживалъ ихъ именемъ падишаха, что ихъ права, самовольно уничтоженныя Магометъ-Аминомъ, будутъ восстановлены. Простой народъ, составляющій огромное большинство племенъ этихъ, скоро узналъ о замыслахъ Сеферъ-бея и, опасаясь восстановленія утраченнаго господства своей аристократіи, освободилъ Магометъ-Амина, давъ ему присягу въ повиновеніи съ тѣмъ только, чтобы онъ велъ ихъ противъ Сеферъ-бея и обуздалъ дворянъ.

Тогда Магометъ-Аминъ сталъ собирать вооруженныхъ людей, потребовалъ къ себѣ князей и дворянъ и, наконецъ, привелъ свое сборище къ р. Супъ, составлявшей границу между шапсугами и бжедухами. Туда же прибылъ съ противной стороны и Сеферъ-бей съ сборищемъ шапсуговъ и натухайцевъ. Нѣсколько дней продолжались переговоры и взаимныя угрозы. Наконецъ, въ первыхъ числахъ мая 1856 года, дѣло дошло и до оружія. Между противниками поизошла перестрѣлка, продолжавшаяся 8 часовъ сряду. Съ той и другой стороны убито было по три человѣка и нѣсколько человѣкъ ранено.

Вскорѣ послѣ этого столкновенія враждующія партіи разошлись въ противоположныя стороны: Магометъ-Аминъ—на р. Шишь въ мягкаме, а Сеферъ-бей—на р. Иль, въ землю шапсуговъ. Тамъ онъ получилъ извѣстіе, что въ Анапу прибылъ сынъ его, Карабатырь, и 260 горцевъ, ѣздившихъ въ Константинополь просить султана о принятіи ихъ въ свое подданство. Съ этими депутатами прибылъ какой-то турокъ, котораго всѣ называли пашей, а нѣкоторые—Али-пашей. Сеферъ-бей возвратился въ Анапу около 15 мая и привезъ съ собою три своихъ полевыхъ орудія. Лазутчики говорили, что Али-паша посланъ былъ на Кавказъ подтвердить слова депутатовъ и увѣщевать горцевъ, чтобы они единодушно присягнули султану на подданство. Для выслушанія возвратившихся депутатовъ и для прочтенія привезенныхъ ими бумагъ назначенъ былъ большой сборъ на р. Афипсѣ, въ восточной части земли шапсуговъ, куда отправился и Сеферъ-бей и съ нимъ человѣкъ 200 турокъ съ полевыми орудіями и зарядными ящиками, какъ увѣряли два лазутчика, будто-бы видѣвшіе это своими глазами.

На сборищѣ депутаты сообщили своему народу, что они два раза представлялись султану. Въ первый разъ онъ объявилъ имъ, что ничего для нихъ сдѣлать не можетъ и что, по трактату, они признаны, по прежнему, подъ властью Русскаго Царя. Это крайне опечалило посланныхъ, но, черезъ гаремныя связи, имъ удалось добиться вторичной аудіенціи. Султанъ принялъ ихъ ласковѣе прежняго и объщалъ свое покровительство, если они примутъ присягу на подданство ему и станутъ повиноваться установленному надъ ними началь-

нику; что во всякомъ случаѣ суда турецкія, французскія и англійскія будутъ наблюдать въ Черномъ морѣ за русскими, войска которыхъ не будутъ уже имѣть права по своему произволу предпринимать противъ горцевъ военныхъ дѣйствій.

Можетъ быть ничего этого и не было и всѣ рассказы о представленіяхъ и рѣчахъ султана, а также о его фирманѣ на имя Сеферъ-бея были простой выдумкой Карабатыра и посланныхъ. Тѣмъ не менѣе горцы этому повѣрили и съ увлеченіемъ, шумно торжествовали свое избавленіе отъ русскихъ. Между тѣмъ около 24-го мая въ Анапу пришло 4 непріятельскихъ парохода, на кои погружены были орудія съ крѣпости и разный ломъ, брошенный при отступленіи нашихъ войскъ. На вооруженіе Анапы оставлено было только три орудія, а гарнизонъ крѣпости составили 200 человекъ турокъ подъ начальствомъ Сеферъ-бея, но европейцевъ тамъ не было. Въ то же время въ Анапѣ поселилось 74 семейства черкесовъ. Восточная часть крѣпости осталась почти не поврежденной; приморская-же и особенно южная были повреждены до такой степени, что повсюду черезъ ровъ и валъ свободно можно было въѣхать въ крѣпость на арбѣ¹⁾).

По заключеніи мира съ Турціей, Анапа, равно какъ и всѣ другія крѣпости, занятія союзными войсками должны были быть, въ силу Парижскаго трактата, возвращены намъ одновременно съ выводомъ войскъ нашихъ изъ Карсской области и крѣпости Карса. Государь Императоръ выразилъ личное желаніе немедленно занять Анапу, Новороссійскъ, Сухумъ, Гагры и другія наши прибрежныя укрѣпленія. Но изъ числа ихъ наибольшее значеніе придавалось Анапѣ, такъ какъ крѣпость эта располагала портомъ, могущимъ служить для снабженія отрядовъ нашихъ войскъ, предназначавшихся къ дѣйствію въ закубанскомъ краѣ и къ тому же отсюда мы успѣшно могли распространять свое вліяніе на горскіе народы. Какъ извѣстно уже изъ предыдущаго, въ описываемое время, т. е. въ маѣ мѣсяцѣ 1856 г., Анапу занималъ князь Сеферъ-бей Занъ, именовавшій себя „главнокомандующимъ всѣми горскими народами и начальникомъ турецкихъ силъ въ Анапѣ“. Онъ употреб-

¹⁾ Репортъ генерала Филипсона генер.-адъютанту Муравьеву отъ 11 іюня, 1856 года, № 1600.

лялъ всё усилия, чтобы поднять свое значеніе въ нашихъ глазахъ и всѣми мѣрами затягивалъ очищеніе Анапы. Генераль-адъютантъ Муравьевъ возбудилъ по этому ходатайство о томъ, чтобы занятіе Анапы отложено было до слѣдующаго года, въ виду того, что замедленіе въ передачѣ ея намъ могло лишить насъ возможности возобновить къ наступающей осени всѣ сдѣланныя непріателемъ поврежденія и произвести необходимыя работы по постройкѣ казармъ для гарнизона. На докладѣ этомъ Императоръ Николай Павловичъ сдѣлалъ надпись: „Анапа должна быть непремѣнно занята теперь же; но я, къ сожалѣнію, предвижу, что по оплошности генераль-адъютанта Муравьева, безъ боя дѣло не обойдется“¹⁾). Вслѣдствіе этого Муравьевъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1856 года, предложилъ наказному атаману Черноморскаго войска генералу Филипсону немедленно собрать отрядъ для занятія крѣпости Анапы и устройства сообщенія съ Черноморіей. Отрядъ этотъ въ составѣ пяти Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, двухъ легкихъ и одной горной батареи, ракетной команды, донскаго казачьяго полка и одного полуэскадрона²⁾ собрался окончательно 7-го іюля къ укрѣпленію Варениковскому, 8-го, выступивъ къ Анапѣ, ночевалъ близъ упраздненнаго укрѣпленія на Гостагаѣ, 9-го перешелъ къ оставленной станицѣ Витязевой, а 10-го занялъ Анапу. Узнавши о приближеніи нашихъ войскъ Сеферъ-бей 7 іюня покинулъ Анапу и отступилъ въ Новороссійскъ. Движеніе нашего отряда затруднено было только необходимостію возобновлять уничтоженные на дорогѣ мосты и разрабатывать переходы черезъ балки. Горцевъ было на виду отряда сотни полторы, но они не предпринимали никакихъ непріязненныхъ дѣйствій. Въ Витязевой станицѣ, предназначенной для склада провіанта и разныхъ матеріаловъ, которые должны были быть доставляемы водою по Кубани изъ Темрюка, оставлены были Черноморскій линейный № 3-й баталіонъ, полсотни донскихъ казаковъ, взводъ полевой и взводъ горной артиллеріи—подѣ

¹⁾ Адагунскій отрядъ. М. Рукевичъ. Кавказскій сборникъ. Томъ XVII. Тифлисъ 1896 г., стр. 262.

²⁾ Черноморскіе линейные баталіоны №№ 1, 2, 3, 4 и 8, донской казачій № 75 полкъ, Анапскій горскій полувэскадронъ изъ охотниковъ, 11 гарнизонной артиллерійской бригады роты №№ 2 и 3 (6 полевыхъ полупудовыхъ единороговъ, шесть 6-ти фунтовыхъ пушекъ и 8 десяти-фунтовыхъ горныхъ пушекъ) и 8-ми станковая конноракетная команда № 1-й Черноморскаго казачьяго войска Секретное дѣло штаба отдѣльн. Кавказскаго корпуса, по 2 му отдѣленію, 1856 года, № 25, часть 1.

начальствомъ подполковника Лыкова. Передъ пристанью устроено было укрѣпленіе, состоявшее изъ рва и стѣнки, сдѣланное изъ землѣбитнаго кирпича, взятаго изъ развалинъ оставленныхъ жилищъ. Укрѣпленіе вооружено было двумя орудіями и назначено для двухъ ротъ, на время пребыванія здѣсь отряда. По осмотрѣ Джиметейскихъ башенъ оказалось, что двѣ изъ нихъ были совершенно разрушены непріятельскою морскою артиллеріею, на третьей же сожжены только горючіе матеріалы и генераль Филипсонъ, признавъ ее бесполезной, рѣшилъ возобновить временно только среднюю главную башню, довольно удобно прикрывавшую перешеекъ; въ ней предположено было поставить полевое орудіе и оставить 30 человекъ гарнизона при одномъ офицерѣ. Работы по возобновленію башни поручены были инженеръ-есаулу Чернику и въ распоряженіе его назначены изъ находившихся въ Витязевской станицѣ одинъ взводъ роты Черноморскаго линейнаго № 3 баталіона, взводъ горной артиллеріи и 15 казаковъ. Работы начались 17 іюля. Занятіемъ Джиметейской косы открывалось сообщеніе Анапы съ Черноморіемъ черезъ Бугасъ.

Въ Анапѣ войска наши нашли груды развалинъ. Всѣ дома оказались сожженными или испорченными. Разрушеніе каменной православной церкви, перестроенной въ 1831 году изъ мечети, было предметомъ особенныхъ усилій турокъ и черкесъ; очевидно на этотъ разъ они перемогли даже азіатскую лѣнь. Крѣпостныя стѣны въ весьма многихъ мѣстахъ были уничтожены взрывами, образовавшими удобныя и обширныя бреши, а въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ подрыты и обвалились; мосты всѣ сожжены или разобраны: колодцы завалены или испорчены. Совершенное отсутствіе въ крѣпости прѣсной воды не позволяло расположить отрядъ лагеремъ близъ самой Анапы. Поэтому онъ отведенъ былъ къ бывшей станицѣ Александровской (въ 3-хъ верстахъ отъ Анапы) на мѣсто, соединявшее въ себѣ всѣ выгоды удобнаго расположенія. 11 іюля генераль Филипсонъ сдѣлалъ подробный осмотръ Анапы и утвердилъ предположенія объ устройствѣ обороны и помѣщеній для гарнизона. Изъ всей крѣпости менѣе разрушенной оказалась часть, прилегавшая къ русскимъ воротамъ; въ ней же уцѣлѣли и стѣны строеній, большею частію казенныхъ—двухъ-этажный госпиталь, артил-

лерійскія казармы и другія. Всѣ эти строенія были по возможности возобновлены и приспособлены для помѣщенія гарнизона. Такъ какъ обширное протяженіе крѣпостныхъ верковъ не допускало возможнымъ оборонять ее тѣмъ незначительнымъ гарнизономъ, какой опредѣленъ былъ для защиты ея, то рѣшено было воспользоваться и привести въ оборонительное положеніе только восточный отрѣзокъ крѣпости, прилежавшій къ русскимъ воротамъ.

Работы по исправленію крѣпости начались 12 іюля. Изъ отряда почти ежедневно посылались колонны со всѣми повозками и казачьими лошадьми для фуражировокъ. Въ окрестностяхъ найдены были запасы сѣна, которые постепенно перевозились въ отрядъ для довольствія строевыхъ лошадей. При всѣхъ движеніяхъ нашихъ колоннъ на фуражировки, кромѣ двухъ безвредныхъ ружейныхъ выстрѣловъ, горцы ничего враждебнаго не предпринимали. Сеферъ-бей-Занъ въ сношеніяхъ съ генераломъ Филипсономъ продолжалъ называть себя турецкимъ пашою и начальникомъ черкесскихъ племенъ отъ Анапы до Геленджика и Карачая. Его семейство находилось въ Новороссійскѣ, гдѣ поселилось также много торговцевъ, но турецкихъ солдатъ при немъ совсѣмъ не было. Самъ онъ предполагалъ приводить горцевъ къ присягѣ на подданство турецкому султану; ѣздилъ въ Туапсе, гдѣ разорилъ пристань, откуда снабжались товарами абадзехи и бжедухи, ему непокорные. Потомъ Сеферъ-бей отправился на Псекупсъ и здѣсь старался привлечь къ себѣ абадзеховъ и другія племена, признававшія власть Магометъ-Амина, но въ предпріятіи этомъ особеннаго успѣха не имѣлъ¹⁾.

17-го іюля Сеферъ-бей прислалъ генералу Филипсону въ лагерь одного шапсуга и двухъ натухайцевъ съ письмомъ отъ себя. Филипсонъ нарочно сказалъ посланнымъ, что не имѣетъ переводчика, желая изустно отъ нихъ узнать содержаніе письма и словесно-же изложить имъ свой отвѣтъ, чтобы они могли передать горцамъ сущность его; ибо въ противномъ случаѣ отвѣтъ Филипсона былъ-бы искаженъ по произволу Сеферъ-бея или по безграмотности переводчика. Вотъ что Сеферъ-

¹⁾ Репортъ генерала Филипсона генер.-адъютанту Муравьеву отъ 17 іюля, 1856 года, № 41. Арх. штаба Кавк. воен. окр. Дѣло главн. шт. Кавк. ар. по генер. шт. отд. 2, 1856 г., № 25

бей писалъ Филипсону. „Съ 69 по 72 годъ (1852—1855 г.), то-есть въ продолженіи трехъ лѣтъ, турецкое правительство вмѣстѣ съ прочими державами враждовало съ Россіей. Въ нынѣшнемъ-же году, съ согласія всѣхъ государствъ, заключенъ миръ. Нашъ-же черкесскій край по мирному трактату остался за Турціей. Это извѣстно всему миру, также какъ и вамъ. Я-же, съ согласія французовъ и англичанъ, назначенъ турецкимъ правительствомъ начальникомъ всего черкесскаго края отъ Карачая до Анапы и Геленджика. Всѣ черкесы приведены мною къ присягѣ на подданство турецкому султану и занимаются своими хозяйственными дѣлами. Поэтому я не знаю какія вы имѣете намѣренія, собравъ войска и явившись въ наши предѣлы. Если пришли осмотрѣть мѣстность, то мы стрѣлять не будемъ. Если-же вы явились драться, то я отправлю жалобу всѣмъ союзнымъ державамъ, что вы нарушаете мирныя условія. Вмѣстѣ съ тѣмъ по первому вашему выстрѣлу соберу для защиты весь черкесскій народъ отъ Карачая до Геленджика. Если-же вы пришли какъ другъ, то почему взяли съ собой орудія и много войскъ? Прошу разъяснить мнѣ это обстоятельство для чего и отправляю къ вамъ посланныхъ. Когда получу ваши объясненія, то доложу ихъ своему правительству.“ На письмо это генераль Филипсонъ въ тотъ-же день отправилъ Сеферъ-бею слѣдующій отвѣтъ. „Три горца привезли ко мнѣ сегодня отъ васъ письмо на турецкомъ языкѣ. Со мной теперь нѣтъ письменнаго переводчика и потому я не могъ прочесть вашего письма. Посланные вами горцы словесно объявили мнѣ, что вы спрашиваете меня: по какому праву русскій отрядъ пришелъ сюда и занимаетъ черкесскую землю, когда миръ заключенъ, а всѣ черкесы отъ Анапы до Сухума приведены вами къ присягѣ на подданство султану турецкому? Ваши посланные называютъ васъ турецкимъ пашой и въ прежней перепискѣ со мной вы давали себѣ такой-же титулъ. Нужнымъ считаю увѣдомить васъ, что я совсѣмъ не вѣрю тому, что вы имѣете дѣйствительное право на такой важный санъ въ службѣ султана турецкаго, потому что въ такомъ случаѣ вамъ вѣрно было-бы извѣстно, что по трактату, заключенному ¹⁸ 30 марта Россією съ иностранными державами, въ томъ числѣ и съ Турцією, кавказско-горскіе

племена остались, по прежнему, подъ властью Императора Всероссийскаго; съверовосточный берегъ Чернаго моря объявленъ въ блокадномъ положеніи и Россіи предоставлено право возобновить по берегу всѣ свои укрѣпленія, упраздненныя передъ начатиємъ войны. Вы называете себя начальникомъ всѣхъ черкесскихъ племень, назначеннымъ будто-бы турецкимъ султаномъ. Этого назначенія никогда не было и быть не могло, потому что противно трактату и волѣ султана. Употребляя во зло легковѣріе горцевъ, вы возбуждаете ихъ къ враждебнымъ противъ насъ дѣйствіямъ для своихъ личныхъ выгодъ. Передъ Богомъ вы будете отвѣчать за пролитую кровь и за всѣ бѣдствія, которыя кавказскія племена понесутъ отъ вашихъ недобросовѣстныхъ внушеній. Но я предупреждаю васъ, что и до того вы подвергнетесь со стороны турецкаго или нашего правительствъ тому наказанію, которое законы всѣхъ образованныхъ странъ назначаютъ самозванцу и возмутителю общественнаго спокойствія. Вамъ очень хорошо должно быть извѣстно, что присяга, данная теперь горцами турецкому султану, какъ противная трактату, не можетъ имѣть никакого значенія, равно какъ и принятый вами произвольно титулъ ихъ начальника. Вы знаете также, что можете еще нѣсколько времени волновать легкомысленныхъ черкесовъ, но пользы имъ никакой не сдѣлаете и, вѣроятно, кончите тѣмъ, что принуждены будете во второй разъ бѣжать въ Турцію и тамъ доживать свои преклонныя лѣта въ нищетѣ и забвеніи. Между тѣмъ какъ здѣсь вы можете пользоваться общимъ уваженіемъ по вашимъ лѣтамъ и происхожденію. Наше правительство съ своей стороны отдастъ справедливость вашимъ благонамѣреннымъ дѣйствіямъ на дѣйствительную пользу края. Искренно желая вамъ добра, я даю вамъ этотъ совѣтъ. Если-же вы хотите упорствовать въ начатомъ вамъ возбужденіи противъ насъ горцевъ, подъ предлогомъ ихъ мнимаго подданства султану, то прошу васъ прекратить со мной всякія сношенія¹⁾.

Такой отвѣтъ сильно не понравился Сеферъ-бею, но возымѣлъ на него, какъ увидимъ ниже, благотворное вліяніе, потому что въ послѣдующихъ сношеніяхъ своихъ съ Филипсо-

¹⁾ Рапортъ генерала Филипсона главнокомандующему Кавказской арміею отъ 19 іюля 1856 года, № 48 Центральный Владикавказскій архивъ, дѣло № 12497

номъ онъ уже не предъявлялъ болѣе несообразныхъ притязаній на представителя турецкой власти въ Закубанскомъ краѣ.

11 августа прибыла въ Анапу моремъ военно-рабочая № 19 рота, а 2 сентября—Черноморскіе пѣшій казачій № 4 баталіонъ и конный № 11 полкъ. При усиленіи отряда этими новыми строевыми частями работы по возобновленію крѣпости пошли гораздо успѣшнѣй, такъ что къ ноябрю мѣсяцу всѣ наиболѣе необходимыя постройки для помѣщенія гарнизона были уже окончены. Новороссійскъ рѣшено было не занимать въ этомъ году, потому что укрѣпленія города этого были совершенно разрушены непріателемъ и въ немъ нельзя было утвердиться, не поставивъ гарнизонъ въ трудное беззащитное положеніе. Главнокомандующій разрѣшилъ поэтому генералу Филипсону ограничиться только рекогносцировской Новороссійской бухты, чтобы выбрать тамъ мѣсто для постройки новаго форта въ будущемъ году. Кромѣ того признавалось необходимымъ вытѣснить изъ Новороссійска Сеферъ-бея, имѣвшаго неблагоприятное для насъ вліяніе на приверженныхъ ему горцевъ. Для большого обезпеченія успѣха предпринимаемаго движенія къ Новороссійску генераль Филипсонъ счелъ нужнымъ замаскировать свои намѣренія въ глазахъ непріятеля. Съ этой цѣлью 3 ноября, оставивъ въ Анапѣ баталіонъ крымскаго пѣхотнаго полка, военно-рабочую роту и четыре сотни казаковъ при 4-хъ орудіяхъ, генераль Филипсонъ со всѣми остальными войсками въ 6 часовъ утра выступилъ по направленію къ форту Раевскому. Но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Анапы изъ отряда выдѣлена была для слѣдованія въ Новороссійскъ легкая передовая колонна въ составѣ двухъ баталіоновъ пѣхоты, сотни казаковъ, полуэскадрона мирныхъ горцевъ и 4 полевыхъ орудій, подъ начальствомъ подполковника М. А. Цакни¹⁾. Слѣдуя по кратчайшей нижней дорогѣ, чрезъ топкій цемесскій лѣсъ, колонна эта къ 6 часамъ вечера достигла окрестностей Новороссійска. Приближеніе нашихъ войскъ вызвало среди непріятеля панику, о чемъ свидѣтельствовали пылавшія зданія и поспѣшно удалявшіеся къ Маркохтскому перевалу обозы и всадники. Вызванная подполк. Цакни изъ состава своей колон-

¹⁾ Впоследствии генераль-лейтенантъ, бывшій съ 1869 по 1873 г. начальникомъ Кубанской области и наказнымъ атаманомъ Кубанскаго войска.

ны команда охотниковъ, въ числѣ 250 человекъ подъ начальствомъ маіора Левашова, прорубая себѣ путь топорами и ножами сквозь чащу лѣсной заросли, напрямикъ бросились къ городу, оказавшемуся уже пустымъ. Сеферъ-бей, по словамъ лазутчиковъ, собирався оказать отчаянное сопротивленіе въ Новороссійскѣ, вызывалъ отъ натухайцевъ и шапсуговъ по одному всаднику съ дыма, роздалъ 3 пуда пороха, но самъ бѣжалъ одинъ изъ первыхъ и скрылся въ Неберджаевскомъ ущельѣ. Находившіеся при немъ турки и черкесы, разграбивъ все что можно, остальное предали огню. Стоявшіе на рейдѣ турецкія и греческія суда, вслѣдствіе противнаго южнаго вѣтра, не могли выйти въ открытое море и, въ видахъ большей безопасности, перешли на восточную сторону бухты. Въ добычу нашимъ охотникамъ досталась только одна кочерма, стоявшая на берегу. Вслѣдъ за охотничьей командой прибыла въ Новороссійскъ и передовая колонна подполковника Цакни. При вступленіи въ городъ обнаружилось, что городскія постройки давно уже были разрушены, а горцы жили въ лачугахъ и сакляхъ, сложенныхъ изъ мусора. Горѣли же деревянные лавки и склады кукурузы, тушить которыя признавалось бесполезнымъ. По приказанію подполковника Цакни, всѣ шкипера удалившихся судовъ явились къ нему на берегъ и были арестованы, а къ 11 часамъ ночи командами солдатъ, посланныхъ на шлюпкахъ, были захвачены 19 парусныхъ судовъ, между коими находился одинъ двухмачтовый бригъ и три двухмачтовыхъ трепанка. Отрядъ же генерала Филипсона къ часу дня достигъ форта Раевского и расположился около него на ночлегъ. На другой день, 3 ноября, оставивъ на мѣстѣ ночлега большую часть обоза подъ прикрытіемъ Черноморскаго пѣшаго № 4 баталіона и 6 горныхъ орудій, генераль Филипсонъ съ остальными войсками двинулся верхней дорогой къ Новороссійску, куда и прибылъ въ полдень того же числа. Здѣсь онъ соединился съ колонной подполковника Цакни и, послѣ осмотра развалинъ крѣпости, выбралъ для будущаго форта мѣсто на противоположномъ берегу бухты. Затѣмъ 5 ноября предпринято было обратное движеніе къ Анапѣ. Воспользовавшись пересѣченной мѣстностью, поросшей лѣсомъ и кустарниками горцы завязали перестрѣлку и преслѣдовали

отрядъ до Раевской поляны. Дальнѣйшее движеніе за Раевской поляной къ Анапѣ также совершенно было подѣ выстрѣлами параллельнаго преслѣдованія. За все время этой экспедиціи, со 2 по 7 ноября, наши потери выразились въ 1 штабъ-офицерѣ и 22 нижнихъ чинахъ ранеными и контуженными, а также 15 убитыхъ лошадейхъ. 8 ноября ген. Филипсонъ, оставивъ въ Анапѣ военно-рабочую № 18 роту и команду № 19, по дивизиону легкой, горной и артиллерійской гарнизонной № 11 бригады, а также Анапскій горскій полуэскадронъ, двинулся самъ съ остальными войсками къ Варениковскому укрѣпленію. На слѣдующій день отрядъ нашъ переправился на правый берегъ р. Кубани и былъ распущенъ по домамъ¹⁾. Въ Анапу назначенъ былъ комендантъ и крѣпость эта подчинена командующему войсками праваго фланга Кавказской линіи.

Между тѣмъ враждебныя дѣйствія закубанскихъ горцевъ противъ насъ не прекращались, чему отчасти способствовалъ турецкій флибустьеръ Магометъ-бей, агитировавшій въ пользу независимости черкесскаго народа.

Въ исходѣ 1856 года изъ Константинополя секретно получены были свѣдѣнія, что къ марту будущаго года тамъ готовится тайная экспедиція на восточный берегъ Чернаго моря подѣ начальствомъ нѣкоего Измаиль-паши, и что для экспедиціи этой будто-бы назначаются офицеры и нижніе чины англо-польскаго легіона, который не былъ распущенъ послѣ возстановленія мира съ Россіей. Начальникомъ этого легіона называли польскаго выходца Владислава Замойскаго, проживавшаго въ то время въ Константинополѣ. По тѣмъ же свѣдѣніямъ турецкому послу въ Парижѣ поручено было закупить оружіе, въ особенности штуцера, а великобританскій посоль лордъ Радклифъ обѣщаль будто-бы доставить турецкому правительству значительное количество огнестрѣльныхъ припасовъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года начальникъ главнаго штаба Кавказской арміи, ген.-маіоръ Д. А. Милютинъ, секретнымъ письмомъ извѣстилъ Г. И Филипсона, что вышеприведенныя свѣдѣнія о подготавливающейся экспедиціи подтверждаются вновь полученными извѣстіями изъ достовѣрныхъ

¹⁾ М. Рукевичъ.—Адагумскій отрядъ. Кавказскій сборникъ. Т. XVII. Тифлисъ, 1896 г., стр. 267—269.

источниковъ. Изъ Франціи было уже прислано въ Константинополь 500 литихскихъ штуцеровъ, въ число обѣщанныхъ 3000. Англія обязалась доставить 350 ракетъ и 6 легкихъ орудій, изготовленныхъ для черкесовъ еще во время войны по требованію Лонгворта. Начальствованіе отрядомъ, по новымъ свѣдѣніямъ, предположено было ввѣрить ренегату Фергадъ-пашѣ, знавшему военное дѣло и изучившему Кавказскій край, но человѣку, лишенному твердыхъ нравственныхъ правилъ и потому готовому на отступничество. Въ свиту Фергадъ-паши назначены были: полковникъ Махмудъ-бей, маіоръ Эминъ-ага, Решидъ-бей, Абдурманъ-ага, Искандеръ-ага, польскій выходець Лапинскій, бывшій нѣкогда въ австрійской артиллеріи юнкеромъ, а въ послѣднее время—въ турецкомъ казачьемъ полку графа Замойскаго, затѣмъ офицеры бывшаго англійскаго контингента: графъ Туръ, маіоръ Винклеръ, Османъ-ага и доста человѣкъ 2-го казачьяго полка, преимущественно изъ числа служившихъ въ артиллеріи и инженерномъ вѣдомствѣ. Въ Константинополь главнымъ покровителемъ черкесовъ былъ Исмаиль-паша, воспользовавшійся недавнимъ приключеніемъ съ турецкими судами въ Новороссійскѣ, чтобы подстрекнуть султана противъ насъ и выманить у него необходимую сумму на экспедицію. Начальникъ артиллеріи Ахметъ-Фети-паша обѣщаль служить средствами арсенала. Морской министръ Махметъ-Али-паша тоже помогаль такъ называемой черкесской партіи. Въ Константинополь былъ составленъ знаменитый фирманъ, съ коимъ Магометъ-Аминъ прибыль къ шапсугамъ въ званіи турецкаго паши. Его сопровождали адъютантъ и два чауша, одѣтые въ турецкіе мундиры. Почести, оказываемыя Магометъ-Амину возбудили зависть Сеферъ-бея; онъ протестоваль противъ фирмана и потребоваль отъ Порты объясненія¹⁾.

Свѣдѣнія, сообщенныя Д. А. Милутинымъ не были, однако, новостью для Г. И. Филипсона. Еще до полученія этого письма о замышляемой высадкѣ англо-польскаго легіона, Г. И. Филипсонъ узналь чрезъ весьма вѣрнаго лазутчика, что когда Магометъ-Аминъ возвращался изъ Константинополя на англійскомъ пароходѣ съ нимъ были два знатныхъ европейца съ

¹⁾ Секретное письмо Д. А. Милутина Г. И. Филипсону отъ 4 февраля, 1856 г., № 43.

большою свитою. Въ одномъ изъ сихъ европейцевъ лазутчикъ узналъ англійскаго офицера, начальствовавшаго надъ 5-ю пароходами. въ февралѣ 1855 года, при бомбардированіи Новороссійска. Лазутчикъ, человекъ весьма близкій къ Сеферъ-бею, былъ тогда на англійскомъ пароходѣ и говорилъ съ начальникомъ, а послѣ видѣлъ его у абадзеховъ въ большихъ эпюлетахъ. Магометъ-Аминъ привезъ бумагу, въ которой будто-бы сказано было, что султанъ отказывается отъ кавказскихъ горцевъ. но совѣтуетъ имъ признать власть Франціи или Англій, особенно послѣдней, доставлявшей имъ порохъ, свинецъ и оружіе и могущей всегда подать имъ помощь противъ русскихъ. Всѣ прибывшіе европейцы назывались въ этой бумагѣ генералами, уполномоченными для переговоровъ съ горцами о дѣйствіяхъ противъ насъ. Чтеніе этой бумаги произвело сильное волненіе. Многіе старшины съ негодованіемъ говорили, что султанъ хочетъ продать горцевъ франкамъ, а потому обратились за совѣтомъ къ Сеферъ-бею. Это обстоятельство дало ему возможность повредить своему сопернику, и въ собраніи, гдѣ было до 1000 старшинъ, разсуждали о томъ, что не будетъ ли полезнѣе истребить Магометъ-Амина со всѣми франками, кои при немъ находились и рѣшительно покориться Русскому Царю? Совѣщаніе это не привело однако ни къ какому положительному рѣшенію, но съ того времени Сеферъ-бей въ сношеніяхъ съ Г. И. Филипсономъ совсѣмъ перемѣнилъ тонъ и писалъ, что управляетъ горцами для ихъ собственной пользы, какъ природный горскій князь, а сынъ его, Карабатыръ, передалъ въ тоже время Г. И. Филипсону желаніе своего отца пріѣхать для свиданія и переговоровъ съ нимъ.

При такихъ обстоятельствахъ вражда между Сеферъ-беемъ и Магометъ-Аминомъ начала быстро разгораться. Первый изъ нихъ сталъ устраивать въ разныхъ мѣстахъ укрѣпленныя мягкемы, заготовлялъ запасы продовольствія, воспретилъ горцамъ хищничества въ нашихъ предѣлахъ и требовалъ отъ натухайцевъ и шапсуговъ по одному вооруженному всаднику съ cadaго двора для дѣйствій противъ Магометъ-Амина. Послѣдній же поручился народу, что русскіе весною оставятъ Анапу и, вообще, очистятъ Закубанскій край, вызывалъ къ себѣ для личныхъ объясненій Сеферъ-бея и собирався сдѣлать

вторженіе въ землю шапсуговъ. Одинъ изъ англійскихъ офицеровъ вездѣ ему сопутствовалъ, другой же возвратился въ Константинополь ¹⁾). Обострившіяся враждебныя отношенія между Сеферъ-беемъ и Магометъ-Аминомъ привели, наконецъ, ихъ къ открытому столкновенію, состоявшемуся въ послѣднихъ числахъ января, близъ ущелья Туапсе, причемъ съ обѣихъ сторонъ было 15 человекъ убитыхъ и до 40 человекъ раненыхъ. Карабатырь, сынъ Сеферъ-бея, стоявшій во главѣ своихъ сторонниковъ, одержалъ побѣду надъ Магометъ-Аминомъ, партія коего была менѣе сильна, хуже организована и не отличалась единомысліемъ. Послѣ этого Сеферъ-бей объявилъ народу, что получилъ отъ турецкаго султана двѣ бумаги. Въ одной изъ нихъ султанъ предлагалъ будто бы ему принять всѣ мѣры къ истребленію Магометъ-Амина и соединенію къ общему дѣйствию въ пользу Турціи всѣхъ разрозненныхъ горскихъ племенъ. Въ другой же бумагѣ заключалось извѣщеніе, что въ февралѣ мѣсяцѣ прибудетъ въ Суджукскую бухту (Новороссійскъ) на пароходахъ отрядъ въ 4 тысячи человекъ подъ командой Измаиль-паши, но цѣль прибытія этого отряда Сеферъ-бей содержалъ въ тайнѣ ²⁾). 22 января лазутчикъ нашъ извѣстилъ анапскаго коменданта, генераль-маіора Иващенко, что при большомъ сборѣ горцевъ въ Озерейскомъ ³⁾) мягкеме читана уже была бумага отъ Сеферъ-бея, въ которой онъ увѣдомлялъ старшинъ и народъ, что султанъ скоро пришлетъ ему турецкое войско и 4 тысячи человекъ, а потому, обязанный озаботиться продовольствіемъ ожидаемаго войска, онъ предлагалъ народу перемолоть на муку собранный имъ самимъ, въ видѣ подати, зерновой хлѣбъ. Въ послѣднихъ же числахъ февраля въ разныхъ мѣстахъ Черноморской кардонной линіи распространилось извѣстіе, что въ среду, 13 февраля, два большихъ парохода и два парусныхъ фрегата высадили при устьи р. Туапсе турецкія войска. Одинъ изъ нашихъ лазутчиковъ, Исхакъ Схобе.—молочный братъ Карабатыра и близкій Сеферъ-бею, человекъ заслуживавшій полного довѣрія, хотя и нерѣдко

¹⁾ Секретный рапортъ генерала Филипсона Командующему войсками праваго крыла Кавказской линіи генераль-лейтенанту Козловскому, отъ 24-го января, 1857 года, № 3.

²⁾ Секретный рапортъ генерала Филипсона генералу Козловскому, отъ 1 февраля, 1857 года, № 4.

³⁾ Въ ущельи р. Озерейкъ близъ Новороссійска, около озера Абрау.

преувеличивавшія факты,—сообщилъ Г. И. Филипсону, что онъ самъ былъ очевидцемъ высадки войскъ, коихъ при немъ вышло на берегъ до 3 тысячъ пѣхоты съ артиллеріею. Отрядъ этотъ расположился лагеремъ въ томъ томъ мѣстѣ, гдѣ было наше Вельяминовское укрѣпленіе. Съѣхавшіе на берегъ два паши вручили Исхаку Схобе пакетъ, адресованный на имя Сеферъ-бея и вмѣстѣ съ нимъ посланъ былъ адъютантъ одного изъ этихъ пашей въ чинѣ поручика. Послѣдній говорилъ Исхаку, что турецкихъ войскъ привезено 6 тысячъ человекъ подъ начальствомъ Измаиль-паши и что вслѣдъ за ними придутъ еще 3 англійскихъ парохода съ англійскими же войсками.

Такимъ образомъ высадка турецкихъ войскъ въ Туапсе казалась уже фактомъ, какъ-бы не подлежащимъ сомнѣнію, но провѣрить полученныя отъ Исхака Схобе свѣдѣнія Филипсонъ въ ту пору не имѣлъ возможности. Выборъ же этого мѣста можно было объяснить тѣмъ, что изъ Туапсе, по ущелью, гораздо удобнѣе, нежели какимъ-либо другимъ путемъ пройти черезъ главный хребетъ Кавказскихъ горъ на сѣверную сторону, не рискуя подвергнуться нападенію нашихъ войскъ, какъ это могло бы случиться, если бы высадка произведена была въ Новороссійскѣ или въ Геленджикѣ. Сеферъ-бей, получивъ пакетъ отъ Измаила-паши, отправился къ нему на свиданіе, сдѣлавъ предварительно распоряженіе у шапсуговъ, на рр. Убинѣ и Шебшѣ, о заготовленіи продовольствія для прибывшихъ изъ Турціи войскъ¹⁾. Все это давало поводъ предполагать возможность возобновленія войны съ Англіей или съ Турціей, а потому немедленно приняты были мѣры къ предупрежденію вторженія непріятели въ наши предѣлы. Явилась надобность нѣсколько видоизмѣнить предложенія Главнокомандующаго Кавказской арміей о военныхъ дѣйствіяхъ на западномъ Кавказѣ, уже удостоившіяся Высочайшаго утвержденія. Съ этою цѣлью командированы были въ Черноморію, въ вѣдѣніе генерала Филипсона, Брестскій и Литовскій пѣхотные и Тверской драгунскій полки, а Крымскій и Севастопольскій полки, находившіеся уже въ Черноморіи, снабжены были походнымъ обозомъ. Кромѣ того, изъ состоявшихъ въ распоряженіи Главно-

¹⁾ Секретное отношеніе генерала Г. И. Филипсона къ Начальнику глазнаго штаба Кавказской арміи генералу Д. А. Милютину отъ 23 февраля, 1857 года, № 8.

командующаго армією транспортныхъ судовъ, два судна отправлены были въ вѣдѣніе Филипсона. Въмѣстѣ съ тѣмъ приступлено было къ сформированію отряда, предназначавшагося для занятія долины р. Адагума и постройки тамъ укрѣпленія въ лѣтній періодъ дѣйствій войскъ нашихъ въ Закубанскомъ краѣ.

Въ то время когда дѣлались всѣ эти подготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ, Главнокомандующій Кавказской арміей получилъ изъ Петербурга извѣстіе, что нашъ посланникъ въ Константинополь, Бутеневъ, имѣя положительныя свѣдѣнія о томъ, что въ константинопольской гавани стояли два судна (одинъ англійскій пороходъ „Кенгуру“ и другое турецкое судно „Асланъ“), нагруженныя военными запасами и 6 полевыми орудіями, готовыми отплыть къ черкесскимъ берегамъ, требовалъ отъ турецкаго правительства остановить это дерзкое и противозаконное предпріятіе. По этому поводу онъ имѣлъ личныя объясненія съ верховнымъ визиремъ и входилъ въ сношенія съ другими министрами. Они показали видъ совершеннаго невѣдѣнія и обѣщали нашему посланнику произвести строгое дознаніе. Но пока собирались они исполнить это обѣщаніе, пароходы ушли со всѣми предназначенными для черкесовъ военными припасами и шайкой авантюристовъ изъ разныхъ націй: поляковъ, венгерцевъ и другихъ ренегатовъ. Турецкое правительство, въ оправданіе себя, увѣряло, что всѣ эти участники разбойничьяго предпріятія не состоятъ на дѣйствительной турецкой службѣ, а только носятъ чины, будто бы оставленныя имъ послѣ войны, въ которой они участвовали волонтерами. Несмотря на всѣ эти отговорки, Бутеневъ считалъ дѣло это настолько серіознымъ, что испросилъ личную аудіенцію у султана. Внимательно выслушавъ объясненія нашего посланника, султанъ выразилъ полное свое неудовольствіе и отдалъ строгое приказаніе открыть виновныхъ, наказать ихъ и на будущее время принять мѣры къ предупрежденію подобныхъ случаевъ. Даже на просьбу посланника, чтобы объявлено было фирманомъ неодобреніе непріязненныхъ дѣйствій со стороны черкесовъ противъ русскихъ властей и чтобы отозваны были въ Константинополь Сеферъ-бей, Магометъ-Аминъ съ ихъ соучастниками, султанъ обѣщалъ тотчасъ исполнить все и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявилъ желаніе поддержать

наилучшія отношенія къ Россіи. Однако же до отправленія послѣдней депеши Бутенева, отъ 11 февраля, ничего изъ обѣщаннаго не было еще исполнено. Тѣмъ не менѣе положеніе, принятое въ этомъ дѣлѣ турецкимъ правительствомъ, показывало, что въ то время оно не искало войны и не готовилось къ ней¹⁾.

Между тѣмъ прибывшій 20 марта въ Сухумъ джигетъ Якубъ Цамбаевъ объявилъ положительно, что десантъ въ Туапсе состоитъ только изъ 140 венгерцевъ, которые и расположились въ бывшемъ укрѣпленіи, пославъ о своемъ прибытіи извѣстіе къ Сеферъ-бею и Магометъ-Амину; но послѣдній, какъ слышно было, совершенно отказался отъ услугъ этихъ пришельцевъ. Въ то же время владѣтель Абхазіи, генераль-адъютантъ князь Михаилъ Шервашидзе, сообщилъ, что по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ въ Туапсе высажено не болѣе сотни ренегатовъ разныхъ націй и. въ томъ числѣ, англичанъ. Наконецъ, нѣсколько позже сдѣлалось извѣстно, что десантъ въ дѣйствительности состоялъ изъ 190 человекъ, въ числѣ коихъ, главнымъ образомъ, преобладали поляки, имѣвшіе при себѣ нѣсколько сотъ возмутительныхъ воззваній, назначенныхъ для распространенія среди русскихъ войскъ, между польскими уроженцами, съ цѣлью привлеченія ихъ на сторону непріятелей нашихъ.

Приводимъ содержаніе одного изъ такихъ воззваній, доставленнаго 23 мая анапскому коменданту лазутчикомъ Исхакомъ Схобе. „Любезный соотечественникъ! Слыша отъ людей, достойныхъ вѣры, что интересъ польскаго отечества имѣеть въ тебѣ вѣрнаго сына, поспѣшаю донести, что отрядъ польскаго войска, подъ моимъ начальствомъ, находится на Кавказѣ, гдѣ отъ народа съ сердечной радостью мы приняты. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы добыть массу давнишнихъ дезертировъ, находящихся у горцевъ, сформировать изъ нихъ значительный отрядъ польскаго войска и поторговаться снова съ Москвой объ нашихъ правахъ. Отрядъ этотъ, я глубоко увѣренъ, посредствомъ перехода поляковъ изъ русскаго войска, вскорости возростеть до размѣровъ, которые дозволятъ мнѣ начать наступательныя дѣйствія. Помощь въ мундирахъ,

¹⁾ Секретное письмо Начальника главнаго штаба Кавказской арміи генерала Д. А. Миклидзе генералу Г. И. Филипсону отъ 12 марта, 1857 года, № 72.

оружіи, амуниции и жалованіи я имѣю обезпеченную изъ Европы, а продовольствіе край этотъ изобильно доставляетъ мнѣ. Вѣроятно тебѣ извѣстно, что мы нѣсколько разъ встрѣчались съ врагомъ и что онъ узналъ мѣткость нашихъ орудій. Теперь, любезный соотечественникъ, знаешь то, что въ краткости написать было можно; поэтому посчитайся съ твоею совѣстью и средствами и служи интересу отечества, какъ пристойно правому поляку. Самъ лучше оцѣнить можешь, какъ полезнѣе дѣйствовать, или переходя къ намъ, гдѣ тебя ожидаетъ братское привѣтствіе, или оставайся еще нѣкоторое время въ службѣ врага, гдѣ можешь съ другими офицерами-патріотами имѣть сношенія, могущія быть вредными русскимъ. Увѣдомь меня послѣднее о себѣ. Не нужно тебѣ, вѣроятно, учить осторожности. Да благословитъ тебя Господь Богъ, если вѣра твоя польская. Лапинскій—полковникъ.“ Къ чести поляковъ, служившихъ въ рядахъ Кавказской арміи, надо сказать, что воззванія Лапинскаго не оказывали на нихъ никакого вліянія. За исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ дезертировъ-поляковъ изъ нижнихъ чиновъ, находившихся ранѣе у черкесовъ, никто другой не присоединился къ отряду Лапинскаго. Генералъ Филипсонъ, представляя вышеприведенное воззваніе Главнокомандующему Кавказской арміей испрашивалъ инструкціи относительно того, какъ слѣдуетъ поступать съ флибустьерами, если кто-либо изъ нихъ попадетъ въ наши руки и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ разрѣшенія оцѣнить ихъ головы, приблизительно до 500 руб. за наиболѣе важныхъ изъ числа ихъ. Но князь А. И. Барятинскій не изъявилъ своего согласія на примѣненіе столь суровой мѣры, а предоставилъ генералу Филипсону право обѣщать и выдавать горцамъ большія суммы за тѣхъ флибустьеровъ, которые приведены будутъ къ нему живыми; въ случаѣ же поимки самого Лапинскаго разрѣшилъ выдать награду до трехъ тысячъ рублей; съ плѣнными же флибустьерами приказалъ поступать какъ съ шпіонами, возмутителями и разбойниками, т. е., предавать ихъ военному суду и немедленно же на мѣстѣ приводить въ исполненіе приговоры т. е. вѣшать ихъ¹⁾). Распоряженіе это было объявлено всѣмъ воин-

¹⁾ Отношеніе Начальника главнаго штаба Кавказской арміи генерала Д. А. Милютина генералу Г. И. Филипсону отъ 17 іюня, 1857 года, № 163.

скимъ начальникамъ и командирамъ строевыхъ частей, но приводить его въ исполненіе никому, однако, не пришлось, потому что флибустьеры держали себя въ высшей степени осторожно и не довѣрялись черкесамъ, въ преданности коихъ они имѣли основанія сильно сомнѣваться.

Въ первое время высадки польско-венгерскаго отряда Лапинскаго въ Туапсе свѣдѣнія объ организациі, численности и самыхъ намѣреніяхъ его были, какъ видно изъ предыдущаго, въ высшей степени разнорѣчивы и сбивчивы. Уже въ послѣдствіи выяснилось, что одновременно съ первыми извѣстіями, полученными отъ нашего посланника въ Константинополь о подготавливающейся тамъ экспедиціи въ 58 номерѣ газеты „Independance Belge“ напечатано было, что изъ Константинополя будто-бы „отправленъ на англійскихъ судахъ легіонъ польскихъ воиновъ, въ числѣ 400 человекъ, для вспомоществованія кавказскимъ горцамъ въ борьбѣ ихъ съ Россіей“. Въ томъ же номерѣ газеты, въ телеграммѣ изъ Марселя отъ 26 февраля, сообщалось также, что „Магометъ-бей, родомъ венгерець, вступилъ въ управленіе свободными черкесами и что четыреста старыхъ польскихъ легіонеровъ прибыли въ Черкесію на англійскихъ судахъ, буксировавшихъ корабли съ оружіемъ и запасами“. Оказалось также, что нашъ посланникъ, Бутеневъ, первоначальныя свѣдѣнія о предпріятіи этомъ получилъ отъ того самаго Фергадъ-паши (барона Штейна), котораго предполагали начальникомъ экспедиціи. Въ письмѣ къ министру иностранныхъ дѣлъ, князю Горчакову, Бутеневъ, между прочимъ, рекомендовалъ этого Фергадъ-пашу какъ человека, преисполненнаго въ отношеніи нашихъ интересовъ безкорыстной преданностью и уже успѣвшаго оказать ему нѣкоторыя услуги, свидѣтельствовавшія о его искреннемъ расположеніи къ Россіи. По сообщенію Фергадъ-паши, въ константинопольскомъ портѣ находилось въ то время судно „Асланъ“, подъ оттоманскимъ флагомъ „капитанъ Костанди Кобадини“, нагруженное въ арсеналѣ всякаго рода боевыми припасами и приготовленное къ отправленію къ черкесскимъ берегамъ; на суднѣ этомъ было около 1600 центнеровъ пуль, 40 ящиковъ съ оружіемъ и 5—6 орудій малаго калибра. Дабы скрыть этотъ грузъ, на тоже судно, кромѣ сказаннаго, нагружено было 2000

килограммовъ соли. На томъ же суднѣ предположено было отправить двухъ иностранныхъ офицеровъ: Махметъ-бея (онъ же венгерскій ренегатъ Банія) и оттоманскаго казачьяго полка маіора Лапинскаго, по опредѣленіи ихъ предварительно на службу турецкаго правительства. Кромѣ судна „Асланъ“, приготовлялись къ отправленію для той же цѣли еще два судна съ боевыми припасами. По заявленію Бутенева объ этихъ фактахъ верховному визирю Решидъ-пашѣ, послѣдній обѣщаль произвести самое строгое разслѣдованіе, обыскать судно и наказать виновныхъ. Затѣмъ изъ объясненій нашего перваго драгомана въ Константинополь, Аргиропулло, съ адмираломъ Махмедъ-Али-пашей выяснилось, что онъ самъ причастенъ къ предпринимавшейся экспедиціи и ему извѣстно было о существованіи судна, нагруженнаго боевыми припасами и стоявшаго въ то время на якорѣ передъ домомъ главноуправляющаго почтами, Измаила-паши; кромѣ того онъ сознался также, что присутствіе пороха было обнаружено имъ еще въ трехъ или четырехъ судахъ, стоявшихъ въ портѣ, но, по его словамъ, одно изъ этихъ судовъ предназначалось въ Бейрутъ, а другія въ Албанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Магомедъ-Али-паша сообщилъ Аргиропулло о сформированіи въ Константинополь одного полка и одного казачьяго польскаго эскадрона, предположенныхъ къ отправленію на границу Греціи и о томъ, что въ Лондонѣ существуютъ два тайныхъ общества—одно въ пользу Италіи, а другое въ пользу черкесовъ, но послѣднее въ ту пору не достигло еще предѣловъ Турціи. По поводу же приписываемаго Рашидъ-пашѣ покровительства полякамъ, находившимся въ Константинополь, онъ объяснилъ Аргиропулло, въ бесѣдѣ съ нимъ, что большая часть ихъ, дѣйствительно, являлась къ нему съ просьбами дозволить имъ колонизировать его имѣнія въ Эпирѣ и что онъ сперва колебался, но когда большинство этихъ эмигрантовъ поступило въ полкъ, то онъ отобралъ изъ числа ихъ 80 человекъ и отправилъ въ свои помѣстья. Но дабы устранить себя отъ всякихъ подозрѣній во враждебныхъ проискахъ противъ Россіи, Решидъ паша счелъ нужнымъ доложить султану объ экспедиціи, подготовлявшейся къ отправленію къ черкесскимъ берегамъ, и турецкій султанъ приказалъ немедленно разослать во всѣ приморскіе порты указы о предупрежденіи

всякихъ подобныхъ предпріятій. Однако же еще до отправленія этихъ приказовъ Фергадъ-паша (баронъ Штейнъ) извѣстилъ нашего посланника, что изъ Константинополя, 6 февраля, уже отплылъ къ черкесскимъ берегамъ англійскій пароходъ „Кенгуру“, нагруженный боевыми снарядами. На другой день, по порученію Бутенева, Аргиропулло сообщилъ объ этомъ великому визирю Решидъ-пашѣ и главнокомандующему Риза-пашѣ, коему вмѣстѣ съ тѣмъ вручены были также подробныя свѣдѣнія, собранныя русскимъ посланникомъ объ экспедиціи этой. Внимательно разсмотрѣвъ ихъ, Риза-паша, нисколько не стѣсняясь, объявилъ Аргиропулло, что все это вѣрно, но что турецкое правительство нисколько непричастно къ данному предпріятію. Относительно же Махметъ-бея (Банія), Али-бея и Османъ-аги (Келлеръ), находившихся въ составѣ экспедиціи Риза-паша заявилъ, что они никогда не числились въ кадрахъ оттоманской арміи и хотя служили въ турецкихъ войскахъ во время войны, но получили лишь титулы, а не военные чины. Вообще изъ объясненій нашего посланника и перваго драгомана съ турецкими министрами и представителями власти обнаружилось, что всѣ они слагали отвѣтственность другъ на друга, но фактически ничего не дѣлали въ пользу нашихъ интересовъ. Такимъ образомъ, всѣ мѣры и предупрежденія Бутенева не могли воспрепятствовать отправленію къ черкесскимъ берегамъ пароходовъ „Аслана“ и „Кенгуру“ съ отрядомъ польскихъ легіонеровъ и боевыми снарядами. Но при этомъ съ полною очевидностью выяснилось, что интриги эмиссаровъ и сторонниковъ независимости черкесовъ, вопреки желаніямъ слабаго султана, были укрываемы и поощряемы первыми государственнымнми людьми Турціи. Выяснилось также, что тайные агенты англійскаго посольства способствуютъ проiscaмъ противъ насъ, пользуясь присутствіемъ своего флота въ Босфорѣ и на Черномъ морѣ. Общность дѣйствій въ этомъ случаѣ турокъ и англичанъ не подлежала никакому сомнѣнію. Бутеневъ, въ своемъ донесеніи министру иностранныхъ дѣлъ, отвергалъ участіе въ этомъ предпріятіи Фергадъ-паши, въ которомъ онъ видѣлъ усерднаго и доброжелательнаго нашего слугу. Но это было большимъ заблужденіемъ со стороны Бутенева, такъ какъ изъ свѣдѣній, добытыхъ Риза-пашей и изъ

показаній Махмедъ-бея (Банія), данныхъ во время пребыванія его въ Черкесіи эмигрантскому совѣту, 3 января 1858 года, въ Адербіи, близъ Геленджика, оказалось, что планъ экспедиціи былъ начертанъ самимъ Фергадъ-пашей вмѣстѣ съ Тюреромъ и Махмудъ-беемъ и что средства для осуществленія этого предпріятія они получали отъ Исмаиль-паши, главноуправляющаго почтами оттоманской имперіи¹⁾.

Согласно этому плану, Фергадъ-паша и Махметъ-бей (Банія) становясь во главѣ управленія Черкесіей, принимали на себя обязательство: 1) „утвердить во владѣніяхъ горцевъ туземнаго князя, который исподволь привелъ-бы край къ повиновенію; 2) обнаружить черкесамъ ихъ дѣйствительное положеніе, внѣ посторонней помощи и указать имъ невозможность пользоваться ею со стороны султана; 3) деморализировать горцевъ вѣрно разсчитанными пораженіями, и 4) заставить ихъ признать Русскаго Царя своимъ номинальнымъ протекторомъ, не обязываясь платить ему подати и содержать его гарнизоны въ странѣ“. Во весь періодъ осуществленія этой программы русскія войска должны были помогать Фергадъ-пашѣ и Махметъ-бею въ тѣхъ случаяхъ, когда черкесы оказали бы сопротивленіе въ воспріятіи проектируемыхъ ими мѣръ. При этомъ имѣлось въ виду допустить въ странѣ черкесовъ свободную торговлю, устроить у нихъ фабрики и заводы и водворять въ землѣ ихъ отставныхъ русскихъ солдатъ. Такимъ образомъ, по проекту Фергадъ-паши, миръ, торговля сношенія, Высочайшія милости и деньги могли бы сдѣлать въ 12—15 лѣтъ все остальное для приведенія страны черкесовъ въ то состояніе, въ которомъ находится Грузія. Инициаторамъ этой программы казалось, что такимъ путемъ война съ горцами можетъ быть окончена при условіяхъ, соотвѣтствующихъ выгодамъ и достоинствамъ Россіи. Изъ показаній Махметъ-бея (Банія) видно также, что рѣшено было сформировать легионъ изъ поляковъ, оставшихся въ Скутари отъ отряда графа Замойскаго, какъ элемента болѣе другихъ способнаго противустоять русскому вліянію и на вѣрность коего можно положиться. Начальство надъ этимъ отрядомъ предположено

¹⁾ Кавказскій Сборникъ. Томъ XI. Тифлисъ 1887 г. Высадка 1857 году на черкесскій берегъ польско-англійскаго десанта, стр. 575—521.

было ввѣрить Лапинскому, отличившемуся въ Венгріи. Для закупки же оружія, ракетъ, машинъ и всего прочаго имѣлось въ виду послать въ Англію Тюрера. Но скупость Исмаиль-паши задержала осуществленіе всѣхъ этихъ предположеній. Лапинскій требовалъ полную обмундировку на 700 человекъ, впередъ за полгода содержаніе и освобожденіе дезертировъ и плѣнныхъ, находившихся у горцевъ въ рабствѣ; съ своей же стороны обязывался ввести въ Черкесію 200 человекъ съ необходимымъ числомъ офицеровъ. Исмаиль-паша, послѣ долгихъ препирательствъ, выдалъ полякамъ только шинели, сюртуки и панталоны на 120 человекъ, да содержаніе на три мѣсяца. Когда организація отряда приходила уже къ концу, между инициаторами экспедиціи произошелъ разладъ. Среди черкесовъ распространился слухъ о непріязненныхъ намѣреніяхъ Фергадъ-паши. Поэтому первоначальный планъ былъ измѣненъ. Фергадъ-паша долженъ былъ остаться въ Константинополѣ и препятствовать вліятельнымъ черкесамъ въ искательствахъ помощи у турецкаго правительства, а экспедицію въ Черкесію рѣшено было отправить съ Махметъ-беемъ, такъ какъ онъ зналъ положеніе страны и былъ въ дружбѣ съ Сеферъ-беемъ и другими знатными горцами. 18 февраля Махметъ-бей съ польскимъ отрядомъ, подъ начальствомъ Лапинскаго, и съ нѣкоторыми молодыми черкесами-волонтерами, сѣлъ на англійское судно „Кенгуру“ и двинулся въ Черное море. По прибытіи въ Туапсе, онъ тотчасъ-же извѣстилъ письмами Сеферъ-бея и Магометъ-Амина, что присланъ его величествомъ турецкимъ султаномъ начальствовать надъ Черкесіей. Первый изъ нихъ не замедлилъ явиться къ нему съ большой свитой народныхъ старшинъ, но Магометъ-Аминъ самъ не прибылъ, а прислалъ только посольство отъ себя. Въ это время Махметъ-бей нуждался уже въ средствахъ, такъ какъ полученныя имъ отъ Исмаила-паши 10 тысячъ піастровъ на потребности отряда были уже на исходѣ, а другихъ источниковъ впереди не предвидѣлось. Находясь въ такомъ положеніи, Махметъ-бей принужденъ былъ послѣдовать за Сеферъ-беемъ, рассчитывая на матеріальную поддержку съ его стороны, безъ которой осуществленіе проэктированнаго имъ плана дѣйствій представлялось невозможнымъ. На первыхъ порахъ Махметъ-бею уда-

лось подчинить себѣ Сеферъ-бея и Лапинскаго и они дѣйствовали подъ его руководствомъ, но потомъ между Махметъ-беемъ и Лапинскимъ возникли крупныя несогласія, превратившіяся въ открытую вражду. Пользуясь своимъ вліяніемъ на Сеферъ-бея, Махметъ-бей хотѣлъ было совсѣмъ удалить Лапинскаго съ театра военныхъ дѣйствій, но это ему не удалось. Состоя при Сеферъ-бей въ качествѣ военнаго начальника въ Черкесіи, Махметъ-бей всѣми мѣрами старался открыть себѣ свободу дѣйствій и устранить всѣхъ, кто препятствовалъ выполненію его замысловъ. Онъ рѣшилъ даже тайно предложить свои услуги Магометъ-Амину въ предположеніи, что вслѣдствіе постоянныхъ распрей между этими двумя представителями черкесскаго народа онъ будетъ необходимъ для нихъ обоихъ и, слѣдовательно, станетъ управлять ими. Такова была цѣль экспедиціи и властолюбивыя замыслы Махметъ-бея (Банія), но имъ, однако, не суждено было осуществиться. Хотя Махметъ-бей опровергаетъ во многомъ вышеприведенныя показанія свои, записанныя Лапинскимъ, но факты его дѣятельности во время пребыванія у горцевъ, извѣстныя изъ другихъ источниковъ, подтверждаютъ справедливость изложеннаго. Разладъ свой съ Лапинскимъ Махметъ-бей объясняетъ интригами противъ него партій Чарторыжскихъ. „Мой планъ относительно Черкесіи вполне противоположенъ плану этихъ господъ“, заявляетъ онъ въ собственоручной припискѣ къ показанію, записанному Лапинскимъ.

„Я сражался противъ Россіи для того, чтобы показать силу и значеніе черкесовъ и, наконецъ, достигнуть примиренія на разумныхъ основаніяхъ; тогда какъ эти господа хотятъ, чтобы Черкесія находилась въ постоянномъ волненіи. Эти господа желаютъ сдѣлать изъ Черкесіи военный складъ для будущей революціи въ Польшѣ, ввести туда іезуитовъ и римско-католическую пропаганду, которая столько-же враждебна исламу, сколько и католичество Россіи. Они желаютъ чеканить монету съ изображеніемъ князя Адама Чарторыжскаго, какъ польскаго короля; они хотятъ дѣйствовать при помощи національныхъ традицій на черноморскихъ казаковъ; наконецъ, ихъ цѣль состоитъ въ томъ, чтобы устранить вліяніе Турціи и Рос-

сії. Понятно, что, будучи турецкимъ офицеромъ, я не могъ сочувствовать ихъ планамъ¹⁾“.

Слѣдственная комиссія, наряженная по дѣлу объ отправленіи „Кенгуру“, открыла соучастіе въ этомъ предпріятіи Фергадъ-паши, а потому онъ былъ тогда же арестованъ; одновременно съ этимъ обнародованъ былъ и султанскій фирманъ, воспрещающій всякія сношенія турецкихъ подданныхъ съ кавказскими горцами. Такъ какъ Исмаиль-паша и Фергадъ-паша оказались нарушителями этого фирмана, то они сосланы были во внутрь Анатолиі.

Не лишены также интереса свѣдѣнія объ экспедиціи, заключающіяся въ донесеніи управлявшаго нашимъ консульствомъ въ Галацѣ въ азіатскій департаментъ, отъ 11 марта 1857 года. Изъ донесенія этого видно, что въ составленіи экспедиціи къ черкесамъ весьма дѣятельное и единодушное участіе принимали: англійскій посланникъ въ Константинополь лордъ Радклифъ, великій визирь Турціи Решидъ-паша и австрійскій интернунцій Прекошь-Остенъ. Исполнительная часть возложена была на польскаго графа Замойскаго, и за содѣйствіе его въ этомъ дѣлѣ англійское правительство пожаловало ему пожизненную пенсію 14000 фунтовъ стерлинговъ, какъ генералъ-лейтенанту англійской службы. Отрядъ, предназначенный къ отправленію въ Черкесію, состоялъ изъ 190 человекъ; въ числѣ ихъ 84 поляка, большею частью эмигранты 1848 года; остальная же часть состояла изъ сброда всѣхъ націй, скопившагося въ Константинополь и частью русскихъ дезертировъ. Каждый рядовой получилъ по пяти фунтовъ стерлинговъ на руки, а офицеры награждены смотря по способностямъ и познаніямъ. Передъ отправленіемъ отряда совершена была литургія, по окончаніи которой Замойскій произнесъ напутственную рѣчь волонтерамъ и вручилъ имъ польское знамя 1831 года.

Изъ показаній же фельдфебеля Королева извѣстно, что иностранный легіонъ, прибывшій къ устью р. Туапсе на англійскомъ пароходѣ „Кенгуру“, состоялъ только изъ 79 человекъ сброда разныхъ націй, но большею частью дезертировъ изъ союзной и русской армій, дѣйствовавшихъ въ Крыму. Во

¹⁾ Кавказскій сборникъ т. XI, 1887 г. Тифлисъ. Стр. 573--621.

главѣ иностранцевъ находился Магометъ-бей (Банія), носившій громкій титулъ главнокомандующаго европейскими войсками и ставшій называть себя пашою. Въ легіонѣ, подъ начальствомъ полковника Лапинскаго, состояли: маіоръ Османъ-бей (венгерець), капитанъ Станкевичъ, поручикъ Араковскій, подпоручики: Гришкевичъ, Высоцкій и Моравскій, аптекаръ Браунъ (венгерець) и механики—англичане Истервельсъ и Ромеръ. Молва о прибытіи европейскаго войска быстро разнеслась въ горахъ и привлекла въ Туапсе множество старшинъ и вліятельныхъ лицъ черкесскаго народа. Магометъ-бей предложилъ имъ собраться въ теченіе мѣсяца въ ущельи Адерби всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ солдатъ, находившихся у горцевъ въ прибрежной части западнаго Кавказа. Проведя семь дней въ постоянныхъ переговорахъ съ старшинами, Магометъ-бей двинулся затѣмъ къ верховьямъ рѣки Джубги. Здѣсь легіонъ Лапинскаго получилъ окончательную свою организацію, былъ обмундированъ и пополненъ многими русскими плѣнными и бѣглыми, которые распредѣлены были на отдѣльные команды, по роду оружія. Въ числѣ плѣнныхъ былъ и фельдфебель Королевъ. Организація легіона и другія дѣла задержали Махметъ-бея на Джубгѣ довольно долго. Въ мартѣ мѣсяцѣ онъ отправился въ Адерби вмѣстѣ съ легіономъ Лапинскаго и въ сопровожденіи большой свиты горскихъ старшинъ. По просьбѣ Джубгскаго князя и по особымъ своимъ соображеніямъ, Магометъ-бей оставилъ на Джубгѣ два орудія¹⁾. Въ Адерби Карабатырь устроилъ иностранцамъ торжественную встрѣчу, собравъ для этого огромную толпу горцевъ не только изъ ближайшихъ окрестностей, но даже и изъ отдаленныхъ мѣстъ натухайской земли. Здѣсь Магометъ-бею представили плѣнныхъ и бѣглыхъ солдатъ нашихъ, собранныхъ въ окрестностяхъ Адерби, Геленджика, Новороссійска и Анапы. Лапинскій распредѣлилъ ихъ по командамъ, обращая особое вниманіе на тѣхъ, которые служили въ артиллеріи. Нѣсколько дней спустя послѣ этого Магометъ-бей съ нѣкоторыми своими офицерами и командой поѣхалъ на свиданіе къ Сеферъ-бею. Лапинскій-же, оставшись въ ущельи Адерби, занялся устройствомъ помѣщеній для своего легіона.

¹⁾ Орудія эти взяты были въ 1863 году летучимъ отрядомъ Леваилова.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1857 года войска дѣйствующаго отряда, предназначеннаго въ экспедицію на Адагумъ, собраны были къ Андреевскому посту,¹⁾ но не могли двинуться по причинѣ совершеннаго недостатка подножнаго корма за Кубанью. Свирѣпствовавшіе здѣсь постоянно, болѣе мѣсяца, сѣверовосточные вѣтры и засуха препятствовали развитію растительности. Невзирая на это, генераль Филипсонъ признавалъ все таки необходимымъ выступить за Кубань не позже 18 апрѣля, чтобы сдѣлать основательную рекогносцировку долины Адагума и мѣста, гдѣ предполагалось строить укрѣпленіе, а также провести прямѣйшія дороги оттуда къ Кубани на посты Новокопыльскій, Ерковскій или Славянскій²⁾.

Въ это время отъ лазутчиковъ получены были свѣдѣнія, что натухайцы составили весьма большой сборъ съ 5-ю орудіями въ ущельи р. Псифъ, подъ начальствомъ Сеферъ-бея, и что при нихъ находилось 160 европейцевъ, занимавшихся обученіемъ горцевъ тактикѣ и артиллерійскому дѣлу. По увѣреніямъ лазутчиковъ, европейцы (меджеръ) прибыли изъ Геленджика, а туда будто бы высажены были другіе, находившіеся до тѣхъ поръ въ Туапсе.—Сефей-бей продолжалъ увѣрять о скоромъ прибытіи къ нимъ турецкихъ и англійскихъ войскъ, а собранную имъ въ разныхъ мѣстахъ муку приказалъ отправлять въ Геленджикъ и Туапсе, но между горцами распространилось подозрѣніе, что мука эта продается въ Турцію³⁾.

Чтобы воспрепятствовать движенію отряда генерала Филипсона, шапсуги сожгли камышъ и прошлогоднюю траву на пути вѣроятнаго слѣдованія войскъ нашихъ. Такимъ образомъ движеніе отряда по мѣстности, лишенной подножнаго корма для кавалеріи, представлялось уже крайне рискованнымъ, а потому генераль Филипсонъ избралъ другой путь, чрезъ Каракубанскій островъ. Рекогносцировка внизъ по Кубани показала, что наиболѣе удобное для переправы мѣсто

¹⁾ Постъ этотъ находился на правомъ берегу рѣки Кубани противъ Варениковской переправы, около нынѣшней Варениковской станицы.

²⁾ Новокопыльскій постъ—на правомъ берегу р. Кубани, въ 10 верстахъ къ юго-западу отъ Славянской станицы; Ерковскій постъ—на правомъ берегу р. Протоки, противъ Славянской станицы; Славянскій постъ—на правомъ берегу р. Кубани въ углу, образуемомъ отпаденіемъ отъ нея р. Протоки.

³⁾ Секретное отношеніе Наказнаго атамана Черноморскаго казачьяго войска генерала Филипсона и. д. начальника Главнаго Штаба войскъ на Кавказѣ расположенныхъ С. Е. В. ген.-маіору Милютину отъ 14-го апрѣля, 1857 года, № 47—Центр. Владикавк. архивъ дѣло № 12678.

находилось въ 1¹/₂ верстахъ выше Новоерковскаго поста ¹⁾). Высланная впередъ колонна устроила здѣсь понтонный мостъ чрезъ Кубань, а на другомъ берегу—предмостное укрѣпленіе для охраны этой переправы. 25 апрѣля отрядъ въ полномъ составѣ переправился по вновь устроенному мосту на лѣвый берегъ Кубани и, пройдя 22 версты, остановился на ночлегъ у р. Пшець, впадающей въ Адагумъ. На другой день войска наши прибыли къ излучинѣ р. Адагума. Въ этомъ мѣстѣ генераль Филипсонъ рѣшилъ устроить Нижне-Адагумское укрѣпленіе. Здѣсь отрядъ расположился лагеремъ и въ теченіи цѣлаго мѣсяца занятъ былъ вырубкой лѣса вокругъ предполагаемаго укрѣпленія, устройствомъ моста чрезъ р. Адагумъ и предмостнаго люнета, проложеніемъ дороги къ Кубани и подготовленіемъ матеріаловъ для построекъ.

Въ послѣдней половинѣ апрѣля вѣрные лазутчики дали знать генералу Филипсону, что въ Геленджикъ прибыли двѣ кочермы, на коихъ привезено 6 орудій, большой запасъ пороха, свинца, снарядовъ и пріѣхало нѣсколько человѣкъ новыхъ флибустьеровъ. Отъ шкипера одной изъ этихъ кочермъ лазутчики узнали также, что весь грузъ изъ Константинополя былъ доставленъ въ Трапезондъ на двухъ большихъ судахъ; тамъ нашъ консулъ хотѣлъ было осмотрѣть суда, но шкипера, узнавъ объ этомъ, ночью перегрузили все на кочермы и отправились къ черкесскому берегу. Въ первыхъ числахъ мая пришла въ Геленджикъ еще одна кочерма съ боевыми припасами.

Главный складъ боевыхъ запасовъ учрежденъ былъ въ долинѣ Адерби (въ 8 верстахъ отъ Геленджика), откуда постепенно перевозили его на урочище Шапсугуръ, между бывшими укрѣпленіями Абинскимъ и Николаевскимъ. Изъ этого же склада пополнялись и заряды, выпускаемые въ войска наши. До этого времени горцы дѣйствовали противъ насъ изъ 9 орудій разныхъ калибровъ; но одно орудіе у нихъ разорвало, при чемъ одинъ человѣкъ былъ убитъ и два ранены. Четыре орудія были на полевыхъ лафетахъ и возились лошадыми; прислуга-же при всѣхъ орудіяхъ состояла изъ флибустьеровъ. Иногда они стрѣляли и гранатами; но послѣднія раз-

¹⁾ Новоерковскій постъ—на правомъ берегу р. Кубани, въ 11 верстахъ къ югу отъ Славянской станицы.

рывались, не долетая до нашего лагеря; по черепку одной изъ гранатъ можно было заключить, что она была $\frac{1}{4}$ пудовая; ядра же 6 и $5\frac{1}{2}$ фунтоваго калибра. Горцы стрѣляли преимущественно ночью и иногда дѣлали до 100 выстрѣловъ съ разныхъ сторонъ. Судя по этому и вообще по частой безполезной стрѣльбѣ изъ ружей, можно было полагать, что имъ доставлялись боевые припасы въ значительномъ количествѣ. Контрабандныя турецкія суда приставали къ черкесскому берегу повсюду безпрепятственно; особенно много приходило ихъ къ Туапсе, Пшадѣ, Геленджику и Новороссійску. Главныя статьи привоза составляли: соль и мануфактурные товары, а вывоза: хлѣбъ въ зернѣ, кукуруза, кожи, но преимущественно женщины и дѣти. Въ началѣ мая въ Новороссійскѣ было два двухмачтовыхъ судна и 27 кочермъ; въ Геленджикѣ и Пшадѣ— почти столько же.

Желая сколько нибудь стѣснить этотъ вредный для насъ торгъ, особливо въ сѣверной части, откуда весьма удобно оружіе и запасы перевозились въ Закубанскій край, къ театру нашихъ военныхъ дѣйствій, генераль Филипонъ отправился изъ Анапы къ черкесскому берегу на пароходъ „Эльбрусъ“, взявъ съ собою 4-ю стрѣлковую роту Крымскаго полка, а на буксирь—3 азовскихъ баркаса.

На разсвѣтѣ, 25 мая, пароходъ, войдя въ Геленджикскую бухту, нашелъ тамъ одну только кочерму на якорѣ и другую на берегу. Видно было, что остальные суда недавно ушли, сбросивъ товары на берегъ, откуда горцы на вьюкахъ и арбами торопливо перевозили ихъ во внутрь края. На берегу видно было около сотни горцевъ между развалинами бывшаго нашего укрѣпленія и въ землянкахъ, устроенныхъ ими для склада товаровъ.

Кочерма, стоявшая на якорѣ, взята была азовскими баркасами безъ сопротивленія и приведена къ пароходу. На ней было 7 турокъ; изъ нихъ шкиперъ Мустафа-Кейсъ былъ матросомъ на одномъ изъ судовъ, взятыхъ въ Новороссійскѣ 2-го ноября прошлаго года и зашедшихъ въ Трапезондъ. Билетъ этой кочермы засвидѣтельствованъ нашимъ консуломъ, но не въ Геленджикѣ, а въ Анапу. Шкиперъ и матросы объявили, что они вошли въ Геленджикскую бухту спасаясь отъ

бури, но генераль Филипсонъ призналъ такое оправданіе несправедливымъ, потому что они вошли туда за нѣсколько часовъ до прибытія нашего парохода, а въ это время море было совершенно спокойно и дулъ легкій зюйдъ-остъ, попутный въ Анапу. На суднѣ этомъ найденъ полный грузъ соли и часть мануфактурныхъ товаровъ, требуемыхъ черкесами.

Между тѣмъ горцы сбѣжались въ развалины Геленджикскаго укрѣпленія. Не желая терять людей при высадкѣ между каменными развалинами, генераль Филипсонъ приказалъ разбить другую кочерму ядрами и гранатами и, когда это было исполнено, пароходъ нашъ отправился въ Суджукскую бухту, гдѣ найдены были только двѣ кочермы, готовыя къ отходу. На берегу же, между устьемъ Цемеса и бывшимъ укрѣпленіемъ Константиновскимъ, выстроены были большія зданія, изъ коихъ два каменныхъ. Это были склады товаровъ. Видя приближеніе парохода, горцы бросились грабить и увозить товары. На берегу поднялась большая суета и видно было въ кустахъ и между строеніями до 150 человекъ горцевъ. Подойдя на карточный выстрѣлъ, пароходъ сталъ на якорь и открылъ огонь по строеніямъ и горцамъ. Одновременно съ этимъ, генераль Филипсонъ поручилъ состоявшему при немъ подполковнику Цакни сдѣлать десантъ, взять кочермы и истребить на берегу всѣ заведенія. Подполковникъ Цакни исполнилъ это на трехъ азовскихъ баркасахъ и гребныхъ судахъ парохода съ быстротою и распорядительностью, которыя всегда отличали этого заслужоннаго штабъ-офицера. Горцы, занятые уносомъ награбленныхъ ими товаровъ и удаляемые отъ берега огнемъ орудій, оказали слабое сопротивленіе. Стрѣлковая рота быстро заняла ближайшіе кусты; въ то же время были взяты и подведены къ пароходу кочермы, а всѣ строенія зажжены. Въ нихъ сгорѣло много товаровъ, изъ коихъ большая часть принадлежала къ предметамъ роскоши. Такъ, на примѣръ, найдено 7 новыхъ самоваровъ, много шелковыхъ и полушелковыхъ матерій и т. п.

Обратное движеніе войскъ и посадка ихъ на гребныя суда совершены въ полномъ порядкѣ при незначительной перестрѣлкѣ и безъ потери съ нашей стороны.

Въ 9 часовъ вечера пароходъ „Эльбрусъ“ бросилъ якорь на Анапскомъ рейдѣ, куда привелъ на буксирѣ три турецкія кочермы и три азовскія лодки.

На двухъ кочермахъ, взятыхъ въ Новороссійскѣ, людей не было, а грузъ состоялъ преимущественно изъ кукурузы. Генералъ Филипсонъ предписалъ Анапскому воинскому начальнику составить немедленно комиссію для приведенія въ извѣстность всего находящагося въ этихъ двухъ кочермахъ и потомъ какъ самыя суда, такъ и товары продать съ аукціоннаго торга. Кочерму же, взятую съ матросами въ Геленджикѣ, приказалъ выгрузить въ Анапѣ въ присутствіи комиссіи, соль продать съ аукціона, а другіе товары опять погрузить на кочерму и ввести ее въ Бугасское гирло, а потомъ по Кубани доставить въ Екатеринодаръ, куда отправлены за карауломъ и 7 взятыхъ турокъ. Къ этому онъ вынужденъ былъ тѣмъ, что крайне тѣсная анапская пристань до такой степени занята была пятью кочермами, взятыми еще въ ноябрѣ прошлаго года, что на ней едва оставалось достаточно мѣста для вытягиванія азовскихъ баркасовъ ¹⁾).

Послѣ этой экспедиціи ген. Филипсонъ отправился къ мѣсту расположенія Адагумскаго отряда. Здѣсь, въ его присутствіи, произведена была закладка новаго укрѣпленія, сопровождавшаяся торжественнымъ молебствіемъ и окропленіемъ святой водой всего мѣста. Надо замѣтить, что отвлекаемый другими важными дѣлами по управленію краемъ, генералъ Филипсонъ не могъ постоянно находиться при отрядѣ. Еще 20 апрѣля, уѣжая въ Екатеринодаръ, онъ передалъ командованіе войсками начальнику своего штаба, полковнику П. Д. Бабычу, а самъ пріѣзжалъ на Адагумъ въ такихъ лишь случаяхъ, когда по ходу дѣлъ требовалось личное его присутствіе. Въ виду этого вся послѣдующая дѣятельность Адагумскаго отряда въ Закубанскомъ краѣ до расформированія его совершалась уже подъ руководствомъ П. Д. Бабыча, стяжавшаго себѣ славу опытнаго и гуманнаго военачальника, важныя заслуги котораго на пользу края ставятъ его на ряду наиболѣ выдающихся дѣятелей Кавказской войны. На другой день послѣ за-

¹⁾ Отношеніе ген.-адъют. князя Барятинскаго къ Всеннму Министру ген.-адъют. Сухо-занету отъ 20 іюня, 1857 года, № 49.

кладки укрѣпленія, начались земляныя работы, на которыя ежедневно назначалось до тысячи человекъ изъ строевыхъ частей, помимо военно-рабочихъ ротъ. Пока окружающая мѣстность не была очищена отъ лѣса и камыша на орудійный выстрѣлъ, горцы всячески старались препятствовать успѣху нашихъ работъ и, незамѣтно подкрадываясь къ мѣсту расположенія отряда, своими мѣткими выстрѣлами нерѣдко выводили людей изъ строя. Располагая нѣсколькими орудіями, доставленными имъ флибустьерами, черкесы вывозили ихъ на опушку лѣса, противъ юго-западнаго фаса строившагося укрѣпленія, и выпускали въ лагерь нашихъ войскъ иногда до 60-ти снарядовъ въ день, не причинявшихъ, впрочемъ, никакого вреда. Изъ двухъ имѣвшихся у нихъ нарѣзныхъ фальконетовъ, горцы стрѣляли коваными желѣзными коническими снарядами, отличавшимися крайнею невѣрностью полета. 11 мая они вздумали испытать новый видъ гранатъ, начиненныхъ пороховою мякотью и свинцовыми цилиндрами, вѣсомъ въ 23 золотника каждый. Но снаряды эти не оправдали возлагавшихся на нихъ ожиданій: описывая крутую троекторію, они падали далеко впереди нашей цѣпи и не разрывались. Черкесскою артиллерією завѣдывали разные проходимцы, нанимавшіеся подъ именемъ иностранныхъ флибустьеровъ. Недовольные ихъ дѣйствіями, горцы въ концѣ мая прогнали ихъ отъ себя, и обязанности артиллерійской прислуги стали исполнять сами шапсуги и натухайцы, соединившіеся для общихъ предпріятій противъ нашего отряда. Считая себя достаточно подготовленными къ артиллерійскому дѣлу и желая придать наибольшую дальность снаряду горцы однажды набили орудіе до половины порохомъ и туго заколотили ядро. Очевидно, импровизированные артиллеристы не понимали, что стѣны чугунаго орудія не въ состояніи выдержать чрезмѣрнаго напора пороховыхъ газовъ и жестоко поплатились за это. При выстрѣлѣ орудіе разорвало на части, при чемъ убито было на повалѣ три именитыхъ горца и 8 ранено. Такъ какъ идея подобнаго выстрѣла принадлежала шапсугамъ, а натухайцы были только исполнителями ея, то между ними возникли споры и неудовольствія, окончившіеся отложеніемъ шапсуговъ и удаленіемъ ихъ въ горы. Оставшись одни и не рассчитывая на свои силы, натухайцы

тоже разошлись по домамъ, побуждаемые къ этому отчасти наступленіемъ полевыхъ работъ. Обстоятельство это послужило намъ въ пользу, предоставивъ возможность спокойно продолжать постройку Нижне-Адагумскаго укрѣпленія.

Совершенно инымъ образомъ фактъ этотъ отразился на Сеферъ-беѣ. Отложеніе шапсуговъ разрушало его планы въ борьбѣ съ нами, и онъ возымѣлъ намѣреніе принудить ихъ къ союзу силою оружія, опираясь на помощь преданныхъ ему натухайцевъ. Собравъ многочисленную партію, Сеферъ-бей, вмѣстѣ съ Карабатыромъ, въ первыхъ числахъ іюля двинулся въ землю шапсуговъ. Въ глубинѣ горъ между этими родственными племенами произошло нѣсколько кровавыхъ стычекъ, повлекшихъ за собою еще большія несогласія между ними. Къ Сеферъ-бею примкнуло лишь нѣсколько отдѣльныхъ партій шапсугскаго народа, тогда какъ большинство, по прежнему, отказывалось отъ союза, ссылаясь на то, что при постройкѣ въ ихъ землѣ Абинскаго и Николаевскаго укрѣпленій натухайцы тоже не явились къ нимъ на помощь, въ которой они такъ сильно нуждались въ то время.

Встревоженные успѣхомъ поиска генерала Филипсона, произведеннаго 25 мая въ Новороссійской и Геленджикской бухтахъ, Магометъ-бей, Лапинскій и другіе иностранцы, вмѣстѣ съ горскими старшинами, начали обсуждать вопросъ о томъ, что имъ слѣдуетъ теперь предпринять: атаковать-ли расположенный въ то время на Адагумѣ отрядъ нашъ или-же удалиться подальше въ горы? Долго они разсуждали и не могли придумать ничего другаго, какъ только переловить всѣхъ лазутчиковъ, которые ходили въ русскіе отряды, Анапу и другія наши укрѣпленія и держать ихъ въ тюрьмѣ, устроенной при адербійскомъ мягкеме (судилище), употребляя на тяжкія работы.

Вскорѣ затѣмъ лазутчики извѣстили генерала Филипсона, что послѣ нашего десанта, 25 мая въ Новороссійскѣ, шкиперы турецкихъ кочермъ рѣшительно отказывались ходить туда, такъ что турки чрезвычайно затруднялись перевозомъ оттуда въ Геленджикъ части товаровъ, спасенныхъ ими отъ истребленія. Горцы, получивъ какое-то убѣжденіе, что мы скоро займемъ Новороссійскъ, стали разрушать оставшіяся тамъ

стѣны каменныхъ зданій и начали переселяться изъ окрестностей. Въ это-же время въ Геленджикъ пришла кочерма, нагруженная орудіями и боевыми припасами, и на ней было нѣсколько человекъ новыхъ флибустьеровъ.

11 юня выбѣжалъ въ Анапу горець Хако Гутапса, служившій прежде всадникомъ въ Анапскомъ горскомъ полускадронѣ. Онъ сообщилъ воинскому начальнику, что послѣ нашего посѣщенія Геленджика, 25 мая, турки не хотѣли приставать къ этой бухтѣ и что Лапинскій, коего горцы называютъ миралаемъ, т. е. полковникомъ, для успокоенія турокъ, приказалъ построить въ Геленджикской бухтѣ приморскую батарею, вооружилъ ее 6-ю орудіями, вырылъ на берегу моря траншеи и далъ слово, что впередъ непуститъ русскія суда въ эту бухту.

Изъ привезенныхъ въ Геленджикъ боевыхъ припасовъ, часть на 50 арбахъ отправлена была въ склады на Адерби и Шапсугуръ; остальное помѣщено въ большомъ пороховомъ погребѣ, устроенномъ въ Геленджикѣ; самъ Лапинскій остался тамъ же и при немъ, кромѣ горцевъ, 15 флибустьеровъ для управленія орудіями и для постройки лафетовъ. Въ то время когда Лапинскій занятъ былъ укрѣпленіемъ Геленджика, Магометъ-бей съ большой свитой отправился въ землю натухайцевъ, а затѣмъ къ шапсугамъ и бжедухамъ для привлеченія ихъ на свою сторону. Достигнувъ возвышенности, на которой находится въ настоящее время Энемскій аулъ, Магометъ-бей долго разсматривалъ въ подозрную трубу виднѣющійся оттуда Екатеринодаръ и обѣщалъ горцамъ, при помощи иностранныхъ войскъ, завоевать этотъ городъ. Затѣмъ онъ отправился на р. Псекупсъ, гдѣ въ то время, на мѣстѣ нынѣшней Бакинской станицы, расположенъ былъ лагерь Магометъ-Амина, съ многочисленнымъ сборищемъ адигскаго народа, въ средѣ коего преобладали абадзехи. Разсчитывая, при содѣйствіи Магометъ-Амина, найти въ воинственныхъ абадзехахъ поддержку въ осуществленіи своихъ плановъ, Магометъ-бей вызвалъ его на свиданіе. Однако, при объясненіи, Магометъ-Аминъ категорически заявилъ Магометъ-бею, что не допуститъ его говорить съ народомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ не являться болѣе за р. Псекупсъ съ какими бы то ни было цѣ-

лями, угрожая въ противномъ случаѣ плѣнѣніемъ и даже еще худшими послѣдствіями. Потерпѣвъ неудачу, Магометъ-бей возвратился къ натухайцамъ и сталъ уже заискивать расположенія Сеферъ-бея. Между тѣмъ турки, полагаясь на защиту Лапинскаго и вѣруя въ несокрушимость его фортификаціонныхъ сооруженій, возобновили контрабандную торговлю съ горцами, такъ что 11 іюня въ Геленджикской бухтѣ было уже 3 турецкихъ кочермы и одинъ двухмачтовый бригъ, готовый къ отходу. Получивъ объ этомъ донесеніе отъ Анапскаго воинскаго начальника, генераль Филипонъ рѣшилъ предпринять поискъ въ Геленджикъ, чтобы не допустить учрежденія склада товаровъ въ этомъ мѣстѣ, отъ котораго пролегала хорошая дорога въ долины рр. Абина и Кубани, устроенная еще въ 30-хъ годахъ генераломъ Вельяминовымъ.

19 іюня генер. Филипонъ прибылъ въ Анапу и взялъ съ собой на пароходъ того же имени двѣ роты Крымскаго пѣхотнаго полка (всего 273 штыка), 30 пѣшихъ всадниковъ Анапскаго горскаго полуэскадрона и три азовскихъ баркаса съ командами изъ этого войска. Пароходъ снялся съ якоря 20 іюня съ такимъ расчетомъ, чтобы около полуночи быть на траверзѣ Геленджика. Погода была тихая. Войска посажены на баркасы и подведены на бакштовѣ ко входу въ Геленджикскую бухту. Въ это время заходящая луна скрылась въ облакахъ. Командиръ 4-го баталіона Крымскаго полка маіоръ Левашовъ, коему поручено начальство десантомъ, отдалъ бакштову въ 11 $\frac{1}{2}$ часовъ вечера и въ совершенной тишинѣ поплылъ въ Геленджикскую бухту, гдѣ все было тихо и спокойно. Мѣсто высадки назначено въ 2 $\frac{1}{2}$ вер. отъ крѣпости тамъ, гдѣ въ 1837 году Императоръ Николай Павловичъ изволилъ смотрѣть отрядъ генер. Вельяминова. Въ ожиданіи разсвѣта и начала дѣла, пароходъ крейсировалъ противъ входа въ бухту.

Несмотря на то, что всѣ нижніе чины не могли быть посажены на баркасы, сіи послѣдніе, имѣя по 60 и болѣе вооруженныхъ пассажировъ, слѣдовали очень медленно, такъ что уже совсѣмъ почти разсвѣтало, когда десантъ вышелъ на берегъ. Маіоръ Левашовъ тотчасъ же быстро двинулся къ укрѣпленію, направивъ туда же три баркаса, которые должны были прикрывать его правый флангъ дѣйствіемъ изъ 18 фунто-

выхъ каронадъ, по одной на носу каждого баркаса. Въ это же время пароходъ сталъ входить въ бухту.

У непріятеля сдѣлалась тревога, но первые его выстрѣлы изъ орудій были обращены противъ парохода. Можно полагать, что горцы увидѣли десантъ тогда лишь, когда раздались выстрѣлы съ баркасовъ. Тогда непріятель открылъ спѣшный артиллерійскій огонь ядрами и гранатами противъ нашихъ войскъ, быстро приближавшихся къ крѣпости, гдѣ видно было человекъ 150 или 200 горцевъ. На разстояніи $\frac{3}{4}$ версты, когда наши войска вышли уже на открытое мѣсто, непріятель встрѣтилъ ихъ картечью и ружейнымъ огнемъ. Маіоръ Левашовъ съ 13-й ротой Крымскаго полка и пѣшими всадниками Анапскаго горскаго полуэскадрона бросился бѣгомъ на укрѣпленіе при дружномъ крикѣ „ура“ всего отряда. Въ это время и пароходъ открылъ артиллерійскій огонь по непріятельской позиціи. Въ одно мгновеніе взяты были крѣпость съ ея каменными развалинами и батарея изъ 6 орудій. Одно изъ нихъ, горный единорогъ на исправномъ легкомъ лафетѣ, горцы хотѣли увезти, но бросили въ 50 саженьяхъ отъ укрѣпленія.

Маіоръ Левашовъ, занявъ крѣпость и двѣ полуразрушенныя каменныя башни съ лѣвой стороны и впереди крѣпости, тотчасъ осмотрѣлъ заведенія, брошенныя непріятелемъ, и, къ счастью, во время. Большой пороховой погребець найденъ былъ зажженнымъ и потушенъ безъ особенныхъ усилій. Въ немъ было пудовъ 150 пороху, до 200 артиллерійскихъ зарядовъ, изъ коихъ до 500 готовыхъ гранатъ и два огромные сундука съ ружейными патронами. Порохъ былъ вообще полированный, очень хорошаго качества. Взятые у непріятеля орудія были слѣдующихъ калибровъ: три чугунныхъ каронады калибра нѣсколько менѣе 12 фунтоваго, мѣдная 5 фунтовая пушка (отливки 1850 года, съ вензелемъ Турецкаго султана), всѣ четыре на деревянныхъ крѣпостныхъ лафетахъ; нашъ 3 фунтовый горный единорогъ на исправномъ горномъ лафетѣ и французская гаубица болѣе полупудоваго калибра на исправномъ подвижномъ лафетѣ произвольнаго устройства.

На берегу находились три турецкихъ кочермы, нагруженныя хлѣбомъ въ зернѣ, коровьимъ масломъ и разными туземными произведеніями. Шкиперы и матросы бѣжали въ горы.

Изъ этихъ кочермъ двѣ были повреждены ядрами; одна изъ нихъ зажжена на берегу, другая подведена къ пароходу и, выведенная изъ бухты, потонула; третья-же, совершенно исправная, взята на бакштовъ.

На берегу найдена палатка Лапинскаго, оставленная съ такой поспѣшностью, что въ ней была на столѣ горящая свѣча. Между его вещами оказался патентъ на чинъ полковника, данный ему на пароходъ „Кенгуру“, 15 февраля того года, Магометъ-беемъ, называвшимъ себя главнокомандующимъ черкесскими арміями. Найдено также много официальныхъ и частныхъ бумагъ, изъ коихъ большая часть, къ сожалѣнію, истреблена солдатами.

Спускъ и отправленіе кочермъ, но особенно истребленіе всѣхъ запасовъ потребывало до 6 часовъ. Въ продолженіи всего этого времени горцы по одиночкѣ и толпами бѣжали и скакали къ Геленджику, такъ что въ 9 часовъ утра ихъ собралось не менѣе полуторы тысячи человекъ. Перестрѣлка продолжалась вяло; очевидно, непріятель ожидалъ отступленія для рѣшительныхъ дѣйствій.

Крайнее стѣсненіе на баркасахъ заставило маіора Левашова предварительно отправить часть нижнихъ чиновъ на пароходъ, чтобы удобнѣе произвести посадку остальныхъ на суда. Эта операція, всегда трудная, теперь могла сдѣлаться гибельною, въ виду сильнаго непріятеля, расположеннаго между каменными развалинами.

Въ 9 часовъ утра наши войска начали отходить съ передовыхъ позицій, которыя тотчасъ же были заняты горцами. Артиллерія съ парохода и съ баркасовъ могла прикрывать только фланги нашего отряда. Главная масса горцевъ безнаказанно напирала на него спереди. Живая перестрѣлка горѣла. Оставляемая нашими войсками развалины въ ту же минуту наполнялись горцами. Такимъ образомъ, нашъ отрядъ дошелъ до мѣста нагрузки съ правой, западной стороны крѣпости, подлѣ непріятельской батареи. Но скоро маіоръ Левашовъ убѣдился, что здѣсь посадка войскъ на баркасы невозможна, пока непріятель въ большихъ силахъ занимаетъ развалины на разстояніи близкаго ружейнаго выстрѣла отъ берега. Выбить его оттуда было почти невозможно, но отъ этого зави-

сѣло спасеніе отряда, въ которомъ было едва ли 140 человекъ. Рѣшившись на этотъ подвигъ, маіоръ Левашовъ мгновенно обратилъ на непріятеля отступавшія войска и съ дружнымъ „ура“ бросился на развалины, гдѣ кишели толпы горцевъ. Неожиданность и быстрота удара рѣшили дѣло.

Непріятель, вдесятеро сильнѣйшій, дрогнулъ передъ горстью храбрецовъ и постепенно оставилъ развалины Геленджика, облитыя его кровью. Наши храбрецы заняли опять наружный валъ крѣпости. Горцы, отступая густыми массами, попали подъ выстрѣлы артиллеріи и понесли новую потерю. Все время передъ ними вертѣлся какой то европеецъ въ курткѣ и соломенной шляпѣ; онъ старался возвратить бѣгущихъ, но не могъ и самъ былъ убитъ.

Въ 9¹ 2 часовъ утра маіоръ Левашовъ опять началъ движеніе къ берегу; непріятель не осмѣлился его снова атаковать и занялъ прибрежныя траншеи только въ то время, когда войска, сѣвъ на баркасы, отплыли отъ берега. Въ 10 час. утра пароходъ вышелъ изъ Геленджика, а въ 8 час. вечера, бросилъ якорь на Анапскомъ рейдѣ.

Описывая это дѣло въ приведенномъ здѣсь рапортѣ командующему войсками праваго крыла Кавказской линіи,¹⁾ генераль Филипсонъ заканчиваетъ его слѣдующей характеристикой участниковъ боя: „считаю себя счастливымъ, что могу донести Вашему Превосходительству о такомъ блистательномъ подвигѣ, возможномъ только для старыхъ кавказскихъ героев. Неравнодушный зритель, я могъ видѣть съ парохода всѣ движенія каждаго солдата и горца. Когда, передъ отступленіемъ, горсть храбрецовъ нашихъ бросилась въ штыки на непріятеля, въ десятеро сильнѣйшаго и занимавшаго очень выгодную позицію, не нашлось на пароходѣ ни одного кочегара, который бы, увлеченный восторгомъ, не крикнулъ „ура“. Не смѣю назвать никого особенно отличившагося: всѣ одинаково покрыли славою себя и русское оружіе; но душою всего этого подвига былъ, конечно, маіоръ Левашовъ, всѣми любимый и уважаемый за примѣрную храбрость и благородный характеръ. Онъ своей кровью заплатилъ за побѣду: къ общему сожалѣнію, онъ раненъ при отступленіи пулею въ голову.

¹⁾ Отъ 26 іюня, 1857 года, № 159.

Сверхъ того, у насъ ранено восемь нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ двое въ тотъ же день умерли; двое сильно контужены.

Взятая у непріятеля три мѣдныя орудія доставлены въ Анапу, а чугунныя—совершенно испорчены. Приведенную въ Анапу кочерму я приказалъ описать и продать съ публичнаго торгоу.

За этотъ подвигъ маіоръ Левашовъ удостоенъ былъ награжденіемъ ордена св. Георгія 4-й степени. Такой же орденъ получилъ и капитанъ Маняти, наиболѣе отличившійся изъ числа другихъ офицеровъ, находившихся въ составѣ десантнаго отряда.

Когда въ Геленджикѣ завязалась перестрѣлка между нашими войсками и горцами, одинъ изъ сподвижниковъ Лапинскаго, Османъ-бей, находившійся въ это время въ укрѣпленіи, устроенномъ эмиссарами въ Азербійскомъ ущельѣ, увидѣлъ всадника, мчавшагося на лошади со стороны Геленджика. Оказалось, что это былъ самъ Лапинскій, прискакавшій съ поля битвы на артиллерійской упряжной лошади безъ сѣдла и въ одной рубахѣ. Горцы, собравшіеся послѣ этого дѣла въ Азербіи открыто уличали Лапинскаго въ трусости, потому что многіе изъ нихъ видѣли, что, послѣ первыхъ орудійныхъ выстрѣловъ съ судовъ, прибывшихъ съ нашимъ десантомъ, онъ исчезъ и во все продолженіе дѣла нигдѣ уже болѣе не показывался. Вскорѣ прибыли на Азербѣ Сеферъ-бей и Магометъ-бей. Послѣдній выразилъ Лапинскому полное свое негодованіе за его постыдный образъ дѣйствій, но все-таки оставилъ его въ Азербѣ¹⁾.

Воспользовавшись раздорами между шапсугами и натухайцами, о коихъ говорено было выше, начальникъ 3-го отдѣленія Черноморской кордонной линіи, съ разрѣшенія генерала Филипсона, уничтожилъ 4 іюля нѣсколько ауловъ въ верховьяхъ р. Псебепса, въ урочищѣ Хацунъ-Хабль. Неудачи, постигнувшія натухайцевъ въ этомъ дѣлѣ и при нападеніи ихъ на нашу колонну въ долину р. Гонхатль, близъ Анапы, принудили ихъ смириться на нѣкоторое время.

¹⁾ „Кубанскія Областныя Вѣдомости“ 1874 г. №№ 17—24. Абцедерій.—Искатели приключеній въ средѣ населенія западнаго Кавказа.

Въ эту пору генераль Филипсонъ получилъ достовѣрныя извѣстія, что изъ Трапезонда вышло значительное число турецкихъ кочермъ, направившихся къ сѣверовосточному берегу Чернаго моря для запрещенной торговли съ враждебными намъ племенами горцевъ. Желая имѣть точныя свѣдѣнія къ какимъ именно пунктамъ пристанутъ означенныя суда, онъ призналъ нужнымъ произвести осмотръ черкесскаго берега. Съ этой цѣлью состоявшему при немъ для особыхъ порученій подполковнику Цакни въ первыхъ числахъ іюля предложено было отправиться въ Керчь и, взявши на пароходъ „Анапу“, въ укрѣпленіи того же имени, 30 человекъ нижнихъ чиновъ, а на бакштовъ азовскій баркасъ, итти съ ними вдоль берега включительно до Туапсе и, если окажутся гдѣ либо контрабандныя суда, то захватить ихъ и привести въ Анапу. Погода не благопріятствовала предпріятію этому. Пароходъ, на которомъ слѣдовалъ подполковникъ Цакни съ своей командой, выйдя изъ Анапы рано утромъ, только вечеромъ прибылъ въ Суджукскую бухту, но здѣсь не оказалось ни одной кочермы. Въ Геленджикскую бухту пароходъ не заходилъ вовсе, такъ какъ подполковнику Цакни сдѣлалось извѣстно, что 26 или 27 іюня туда пристало 7 кочермъ, на коихъ, сверхъ другихъ товаровъ, привезено было много пороху, снарядовъ для орудій и 160 штуцеровъ. Все это немедленно выгружено было на берегъ и отправлено на черкесскихъ арбахъ въ Адерби. На этихъ же кочермахъ прибыло нѣсколько новыхъ иностранцевъ. Послѣ пораженія, понесеннаго Лапинскимъ 21 іюня, онъ привезъ изъ Адерби въ Геленджикъ два орудія и началъ было возобновлять укрѣпленіе, но въ это время произошли раздоры между нутхайцами и шапсугами; обстоятельство это заставило первыхъ снять орудія и увезти ихъ на сѣверную покатость хребта. Слѣдуя далѣе вдоль берега, подполковникъ Цакни видѣлъ 2 турецкихъ кочермы въ устьѣ р. Пшады, 10—въ устьяхъ р. Джубы, 2—въ одной безымянной балкѣ между р.р. Шапсухо и Туапсе и, наконецъ, 7—въ самомъ Туапсе, гдѣ уже построено было много лавокъ и находилось въ сборѣ около 300 человекъ горцевъ. Не долго, однако, пользовались горцы выгодами воспрещенной торговли. Въ послѣднихъ числахъ августа генераль Филипсонъ прибылъ въ Анапу и, вытребовавъ изъ Керчи два парохода

„Бомборы“ и „Анапу“, предпринялъ поискъ для истребленія турецкихъ лавокъ въ Туапсе. 30 августа десантныя войска посажены были на пароходы. Войска эти, подъ командой храбраго майора Левашева, состояли изъ 13, 15 и 16 ротъ Крымскаго пѣхотнаго полка, въ каждой по 100 человекъ отборныхъ стрѣлковъ и 100 человекъ Анапскаго горскаго полускадрона съ прикомандированными къ нимъ мирными и покорными намъ горцами. Пароходы имѣли на бакштовѣ семь азовскихъ баркасовъ съ ихъ экипажами. Въ 5 часовъ утра 31 августа оба парохода снялись съ якоря. Погода была хорошая, при легкомъ нордъ-остѣ. Пароходы держались близко берега, на которомъ видны были кочермы: при устьѣ Мезыба три, при устьѣ Пшады 9, изъ коихъ въ самой рѣкѣ 5, въ 1¹/₂ верст. отъ берега при устьѣ Вулана (Чюэпсинъ) 4 и въ нѣкоторыхъ промежуточныхъ балкахъ по одной и по 2. Устья Джубгы и Шапсухо пароходы проходили въ темнотѣ и лазутчики говорили, что въ первой было 17, а въ другой три кочермы. Впрочемъ, дувшіе въ послѣдніе дни сильныя сѣверо-восточныя вѣтры способствовали отходу кочермъ съ черноморскаго берега, и потому число ихъ должно было весьма уменьшиться.

Въ ночь на 1 сентября поднялся сильный нордъ-остъ при восточной зыби; горы покрылись облаками и туманомъ, не позволявшими распознавать мѣстность на берегу. Положено было пройти Туапсе и до часу полуночи держаться подъ малыми парами. Передъ разсвѣтомъ вѣтеръ стихъ. Десантныя войска посажены были на азовскіе баркасы, а пароходы направились прямо на рейдъ Туапсе.

Солнце еще не показывалось изъ за горъ, когда пароходы, приблизясь на 400 саж. къ берегу, отдали бакштовы и заняли позицію по флангамъ между баркасами, которые дружно направились къ берегу, гдѣ происходила уже тревога и страшная суета. Увидѣвъ приближеніе двухъ пароходовъ съ семью баркасами, наполненными войсками, горцы, турки и сбродъ разныхъ націй бросились грабить лавки, построенныя на берегу и кочермы, еще не разгруженныя. Сотни полторы людей поспѣшно таскали сундуки и связки разныхъ товаровъ и вещей въ балку, огибающую бывшее укрѣпленіе съ восточной

стороны. Когда баркасы наши подошли къ берегу, горцы открыли по нимъ ружейный огонь изъ-за лавокъ, но нѣсколькими гранатами и картечными выстрѣлами съ баркасовъ были прогнаны. Высадка произведена безпрепятственно противъ ряда лавокъ, при устьѣ балки. Съ лѣвой стороны вся эта мѣстность была командуема каменными развалинами укр. Вельяминовскаго, находящагося на довольно значительной возвышенности; въ такомъ же разстояніи, съ правой стороны, находилось русло р. Туапсе, а на 250 или 300 саж. далѣе все это мѣсто окружено послѣдними отрогами горъ, покрытыми лѣсомъ и оканчивающимися низменностями, изрытыми рвами и во многихъ мѣстахъ заросшее кустами. Маіоръ Левашовъ тотчасъ же послалъ капитана Руднева съ 13-ю ротой Крымскаго полка и всадниками горскаго полуэскадрона для занятія развалины укрѣпленія. Это сдѣлано съ быстротою, не дозволившею горцамъ противопоставить сопротивленіе. Остальныя двѣ роты Крымскаго полка заняли и прикрыли цѣпью стрѣлковъ все пространство до р. Туапсе. Лавки были выстроены въ четыре ряда вдоль берега. Ихъ было 19 каменныхъ, длиною отъ 4 до 5 саж. и болѣе двадцати деревянныхъ, крытыхъ досками или холстомъ, намазаннымъ непроницаемымъ составомъ. Кромѣ множества красныхъ товаровъ турецкаго и англійскаго произведенія, въ лавкахъ найдены въ довольно значительномъ количествѣ: желѣзо, сталь, свинець въ пуляхъ, сѣра, камфора и селитра. Запасы зернового хлѣба и соли были даже огромны для здѣшняго края. Соли оказались въ пяти амбарахъ до 20 тыс. пудовъ. На берегу стояло 9 кочермъ. Изъ нихъ четыре при спускѣ зарылись въ песокъ и были сожжены, а изъ пяти остальныхъ, по выводѣ въ море, три оказались съ пробоинами и были потоплены, а двѣ приведены къ пароходу и взяты на бакштовъ.

Истребленіе лавокъ съ запасами и спускъ кочермъ требовали около четырехъ часовъ. Въ продолженіе этого времени горцы сбѣгались съ трехъ сторонъ толпами пѣшіе и конные. Большая часть ихъ пробиралась въ глубокую балку, къ которой обращенъ восточный фасъ укрѣпленія. Эта балка покрыта была густымъ молодымъ лѣсомъ и кустарникомъ и, по своему направленію, не могла быть обстрѣливаема съ моря. Все время

тамъ продолжалась и постепенно усиливалась перестрѣлка. Горцевъ было тамъ не менѣе тысячи человекъ. Убѣдясь въ своемъ огромномъ численномъ превосходствѣ, горцы съ гикомъ и съ шашками въ рукахъ бросились на развалины. Капитанъ Рудневъ подпустилъ ихъ на тридцать шаговъ и, когда открылъ сильный ружейный огонь, пять или шесть черкесскихъ тѣлъ остались на мѣстѣ, а вся толпа бросилась назадъ. Съ этого времени болѣе часу продолжался споръ за убитыхъ. Горцы хотѣли во что бы то ни стало взять тѣла своихъ соотечественниковъ и, дѣлая отчаянные натиски, уносили ихъ, но оставляли новыя тѣла. Наконецъ сдѣлалось невозможно удерживать порывъ нашихъ войскъ: отбивъ одинъ изъ такихъ натисковъ, рота и всадники Анапскаго полуэскадрона бросились преслѣдовать бѣгущаго непріятеля и, достигнувъ дна балки, открыли тамъ въ кустахъ большую кучу разныхъ товаровъ, перенесенныхъ туда изъ лавокъ горцами и турками при приближеніи нашихъ пароходовъ. Товары эти были немедленно разобраны или уничтожены, а войска возвратились снова въ развалины укрѣпленія. Горцы отступили отъ этого мѣста и начали собираться противъ центра нашей позиціи, занятаго ротами капитана Маняги и штабсъ-капитана Жвана. Новыя толпы увеличили число непріятеля до 150 пѣшихъ. Воспользовавшись пересѣченною мѣстностью, горцы подошли на ружейный выстрѣлъ и открыли сильный огонь. Въ это время присланная на берегъ команды матросовъ, подъ начальствомъ мичмановъ Куперова и Гумберта, кончили спускъ или истребленіе кочермъ и присоединились къ десантному отряду, а азовскіе баркасы, ставъ по бокамъ горящихъ лавокъ, обстрѣливали фланги отряда изъ 18 фунтовыхъ каронадъ. Натискъ непріятеля въ это время былъ не удаченъ. Маіоръ Левашовъ такъ умѣло расположилъ прикрытіе, что резервы его были укрыты отъ выстрѣловъ и внезапно явились только въ ту минуту, когда горцы бросились въ шашки. Отбитые и здѣсь, они еще хотѣли попытаться противъ нашего праваго фланга, но попали подъ выстрѣлы баркасовъ и парохода „Бомборы“, а потому ограничились пустою перестрѣлкою.

Отступление и обратное посаженіе войскъ на баркасы было произведено съ тѣмъ хладнокровіемъ и распорядительно-

стію, которые отличали всегда маіора Левашова и его достойныхъ помощниковъ. Нагруженные баркасы стали на позицію, по флангамъ, а остальные войска быстро отступили къ горящимъ лавкамъ. Пароходы обстрѣливали фланги и не позволяли непріятелю приближаться. Когда всѣ войска были посажены на 7 баркасовъ, вся стройная линія ихъ отошла отъ берега производя картечный огонь по горцамъ, стремившимся занимать обгорѣлыя развалины лавокъ или береговыя траншеи. Когда баркасы были уже внѣ выстрѣловъ съ берега, тамъ показалось густое облако пыли, и вслѣдъ затѣмъ прискакала толпа до 600 всадниковъ, вѣроятно, не подоспѣвшихъ къ дѣлу изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ. Въ 10 часовъ утра десантныя войска возвратились на пароходы. Погода начинала портиться, барометръ падалъ. По многимъ признакамъ можно было ожидать начало равноденственныхъ бурь, которыя осенью на Черномъ морѣ бываютъ вообще гибельны. Поэтому генераль Филипонъ рѣшился идти прямо въ Анапу, куда прибылъ 2-го сентября на разсвѣтѣ, и вслѣдъ затѣмъ поднялся жестокой зюйдъ, разведшій сильное волненіе. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ состояла изъ 3 убитыхъ и 12 раненыхъ; контужены 2 оберъ-офицера и 2 нижнихъ чина. Офицеры и нижніе чины соревновали другъ передъ другомъ въ этомъ жаркомъ и вполне удачномъ дѣлѣ. Особенно же отличились маіоръ Левашовъ, капитанъ Маняни и Рудневъ, прапорщикъ князь Чавчавадзе, и штабсъ капитанъ Жванъ. Къ сожалѣнію, этотъ новый подвигъ нашихъ войскъ неожиданно завершился несчастіемъ, обратившимъ торжество въ горестъ. Когда баркасы возвращались къ пароходамъ и были уже въ 200 саженьяхъ отъ берега, на одномъ баркасѣ (№ 1) произошелъ взрывъ пороха и зарядовъ. Перенесло ли свѣжимъ береговымъ вѣтромъ, послѣ выстрѣла изъ орудія, трубку или искру въ крѣйткамерный ящикъ, неудовлетворительно устроенный или же виною взрыва была какая нибудь неосторожность, но въ одно мгновеніе баркасъ разорвало въ куски, и пространство около него покрылось тѣлами, обломками и плавающими людьми, оставшимися въ живыхъ. Всѣ остальные баркасы и гребныя суда пароходовъ устремились къ этому мѣсту и успѣли спасти 32 человекъ; остальные же: 1 штабъ, 2 оберъ-офицера и 36 нижнихъ чиновъ

разныхъ командъ сдѣлались жертвою этого бѣдственнаго случая. Въ числѣ погибшихъ офицеровъ были: майоръ Докшукинъ, командовавшій Анапскимъ горскимъ полуэскадрономъ; есаулъ Назаровъ, начальникъ азовскихъ командъ и Крымскаго полка прапорщикъ Масютинъ, всѣ трое отличные офицеры, одинаково любимые ихъ начальниками и товарищами¹⁾.

Между тѣмъ работы по сооруженію Нижне-Адагумскаго укрѣпленія медленно подвигались впередъ, потому что послѣ сильныхъ дождей, перепадавшихъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, съ первыхъ чиселъ іюля наступила страшная жара, способствовавшая распространенію болотныхъ испареній и развитію лихорадокъ въ рядахъ нашихъ войскъ. Къ 1-му августа въ отрядѣ было 2112 человекъ больныхъ, а къ концу этого мѣсяца ихъ насчитывалось уже до трехъ тысячъ и замѣтно увеличился процентъ смертности. Особенно страдали находившееся въ составѣ отряда полки 13 пѣхотной дивизіи, прибывшіе на Кавказъ изъ Россіи въ началѣ войны съ Турціею. Но съ прекращеніемъ лѣтней жары, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, санитарное состояніе войскъ стало быстро улучшаться и въ октябрѣ больныхъ оставалось не болѣе тысячи человекъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда постройка укрѣпленія приходила уже къ концу, полковникъ П. Д. Бабычъ приступилъ къ уничтоженію запасовъ продовольствія въ ближайшихъ аулахъ, а 10 числа произвелъ рекогносцировку путей къ мѣсту, гдѣ предположено было заложить центральное Адагумское укрѣпленіе. Кромѣ того время отъ времени посылались отдѣльныя колонны на дальнія фуражировки, сопровождавшіяся сожженіемъ горскихъ жилищъ. При всѣхъ такихъ движеніяхъ въ землѣ натухайцевъ войсками нашими уничтожено было 8 ауловъ, заключавшихъ въ себѣ около 3500 дворовъ, сожжено громадное количество сѣна и хлѣбныхъ запасовъ и прорублена просѣка шириною въ 800 сажень, черезъ Бжекомезскій лѣсъ отъ Нижне-Адагумскаго къ будущему центральному укрѣпленію. Въ послѣднихъ числахъ ноября постройка Нижне-Адагумскаго укрѣпленія была совершенно закончена. Выполнивъ свою задачу, отрядъ 1 декабря выступилъ къ Кубани, выдѣливъ изъ себя строевыя части, назначенныя въ гар-

¹⁾ Рапортъ генерала Филипсона Командующему войсками праваго фланга отъ 14 сентября, 1857 г. № 323. Дѣло Центрального Владикавказскаго ар.лива № 12598, стр. 43—52

низонъ новаго укрѣпленія, а 5 числа войска переправились на правый берегъ р. Кубани и были распущены на зимнія квартиры. Такова, въ обшихъ чертахъ, была въ 1857 году дѣятельность Адагумскаго отряда, препятствовавшая до нѣкоторой степени распространенію вліянія Сеферъ-бея на враждебныя намъ племена горцевъ.

Выше уже говорено было, что Сеферъ-бей еще въ январѣ мѣсяцѣ обнадежилъ горцевъ, что въ скоромъ времени придутъ къ нимъ на помощь европейскія войска. Но время шло, а о войскахъ этихъ не было никакихъ извѣстій. Утомленные долгими ожиданіями обѣщаной помощи, натухайскія старшины вынуждены были, наконецъ, обратиться къ Сеферъ-бею за разрѣшеніемъ этого вопроса. Разумѣется, Сеферъ-бей не могъ удовлетворить ихъ желаніямъ, потому что и самъ онъ не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Между тѣмъ, 3 іюня къ воинскому начальнику Анапы, маіору Левашову, явился лазутчикъ Мустафа Анцокъ съ письмомъ отъ имени венгерскаго полковника, называемаго горцами мерелаемъ, и просилъ отвѣта. Такъ какъ письмо это, написанное по нѣмецки, было безъ адреса и не имѣло подписи и въ виду того, что маіоръ Левашовъ не былъ снабженъ никакой инструкціей и полномочіями какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ, то онъ благоразумно уклонился отъ прямого отвѣта и, ссылаясь на то, что письмо безъ адреса, возвратилъ его обратно, снявши предварительно копію, представленную затѣмъ генералу Филипсону. Приводимъ содержаніе этого письма. „Не было ли бы согласно съ интересами Россіи водворить миръ въ Черкесіи? Быть можетъ возможно покорить равнины при чрезвычайныхъ усиліяхъ и на короткое время, но горы, эти естественныя крѣпости, никогда не будутъ завоеваны. Русскія орудія утратили свою магическую силу и орудія черкесскія впослѣдствіи сумѣютъ отвѣчать имъ съ успѣхомъ. Черкесы теперь не тѣ, какими были пять лѣтъ тому назадъ. Поддерживаемые маленькой регулярной арміей они дерутся такъ же хорошо, какъ и русскія войска, а за свою вѣру и независимость будутъ драться до послѣдняго человѣка. Не лучше ли было бы даровать имъ хотя призракъ этой независимости; поставить надъ ними природнаго князя, а его взять подъ по-

кровительство русскаго Государя? Однимъ словомъ, сдѣлать изъ Черкесіи вторую Грузію. При искреннемъ союзѣ черкесовъ съ Россіей, для сей послѣдней открывається путь въ Анатолію или Индію. Для разумнаго достаточно сказано. Объ этомъ можно условиться. Можно обдумать и дать отвѣтъ“.

Генераль Филипсонъ догадался, что авторомъ этого письма былъ Магометъ-бей (Банія) и не придавалъ ему никакого серьезнаго значенія. Прошелъ мѣсяць, въ теченіе котораго не было никакихъ извѣстій о дѣятельности Магометъ-бея среди горцевъ. Но въ ночь съ 5 на 6 іюля въ Анапу снова явился лазутчикъ Анцокъ Мустафа и заявилъ маіору Левашову, что его прислали Сеферъ-бей, Карабатырь, Магометъ-бей (Банія) и Хаджи Исмаиль (турокъ) съ письменнымъ предложеніемъ возобновить переговоры о признаніи Россіею самостоятельности натухайцевъ подъ управленіемъ наслѣдственнаго князя изъ туземцевъ и подъ верховнымъ владычествомъ Императора Всероссійскаго. Письмо написано было Магометъ-беемъ (Банія), который приказалъ Анцоку спросить начальника въ Анапѣ — понялъ ли онъ содержаніе написаннаго и желаетъ ли начать переговоры на этихъ основаніяхъ? Въ случаѣ согласія, Магометъ-бей выразилъ готовность написать обо всемъ подробно и за своею подписью. Маіоръ Левашовъ поступилъ въ данномъ случаѣ точно такъ же, какъ и раньше, т. е., не давъ никакого положительнаго отвѣта, возвратилъ письмо обратно. Въ этомъ новомъ предложеніи рѣчь уже шла не о всемъ черкесскомъ народѣ, а только объ однихъ натухайцахъ. Объясняется это тѣмъ, что въ послѣднихъ числахъ іюня Карабатырь получилъ грубый отказъ на требованіе отъ шапсуговъ хлѣбнаго сбора, лошадей и быковъ для возки орудій и зарядныхъ ящиковъ. Изъ-за этого въ долину Абина произошла ссора и драка, во время которой подъ Карабатыромъ убита была лошадь и нѣсколько человекъ его свиты. Вслѣдъ затѣмъ Сеферъ-бей съ большимъ сборищемъ натухайцевъ двинулся въ землю шапсуговъ и ограбилъ нѣсколько ауловъ, жители коихъ, по его мнѣнію, были главными виновниками возмущенія противъ его власти. Столкновеніе это поселило въ шапсугахъ сильное неудовольствіе на Сеферъ-бея и, послѣ отъѣзда Магометъ-Амина, они стали сближаться съ абадзехами. Магометъ-бей, не получая на свои ано-

нимныя письма никакого отвѣта, понявъ, наконецъ, что сношенія съ русскими властями въ подобной формѣ не могутъ имѣть никакихъ результатовъ. Поэтому въ августѣ мѣсяцѣ, воспользовавшись пребываніемъ въ Анапѣ генерала Филиппсона, отправилъ ему съ Мустафой Анцокомъ письмо за своею подписью слѣдующаго содержания.

„Податель перваго моего письма передалъ мнѣ отвѣтъ, что письмо мое не могло быть принято во вниманіе, потому что было безъ подписи. Потому нынѣ я рѣшаюсь, несмотря на опасность, что враги мои могли бы отрывки изъ переписки моей употребить какъ орудіе противъ меня, отложить анонимъ, и теперь, пока еще время, проложить путь къ замиренію, равно выгодному для земли черкесовъ (Черкесіи) и для Россіи. Въ теченіе прошедшей осени и зимы, какъ мнѣ извѣстно, капитанъ Франкини, состоящій при россійскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, имѣлъ нѣсколько разговоровъ о Черкесіи съ турецкимъ бригаднымъ генераломъ барономъ Штейномъ (Фергадь-Паша); также, по увѣренію капитана Франкини, объ этомъ предметѣ былъ отправленъ, путемъ россійскаго посольства въ Константинополѣ, меморандумъ правительству въ С-Петербургъ. Не знаю, былъ ли на это отвѣтъ. Я отправился въ Черкесію и съ тѣхъ поръ нахожусь здѣсь. Во всякомъ случаѣ правительству извѣстны основанія, на которыхъ могло бы быть возможнымъ замиреніе Черкесіи. Но, спрашивается, не считаетъ ли вообще Россія не стоющимъ труда вступать въ какіе-либо переговоры съ такой, повидимому, маленькой страной, какъ Черкесія? Если будетъ унижительнымъ для собственнаго достоинства приобрѣсти Черкесію мирнымъ путемъ, но прочно и съ выгодой для будущихъ плановъ Россіи, то мнѣ не остается ничего болѣе сказать. Пусть снова бесполезно льются потоки крови, пусть еще много лѣтъ газета „Инвалидъ“, для безпокойства европейской дипломатіи и нѣмецкихъ колпаковъ, наполняетъ столбцы свои доносеніями о кавказскихъ побѣдахъ, но я предсказываю: первый противный вѣтеръ опять снесетъ, какъ кучу песка, всѣ съ усиліями и дорогой цѣной добытые результаты! Я знаю страну и людей въ Черкесіи. Россія можетъ овладѣть равнинами; но еще года протекуть, пока она завладѣетъ горами, этими Богомъ воздвигнутыми крѣпостями. И когда, наконецъ,

Россія достигнетъ этого результата, что выиграетъ она? Могильный холмъ, клочекъ страны, лишенный населенія, или, самое большее, небольшую часть народа, лишеннаго нравственнаго достоинства, который чрезъ долгое сосѣдство русскихъ крѣпостей возросъ въ шпіонствѣ и воровствѣ и до сихъ поръ жилъ выгодами отъ измѣны отечеству. Что выиграетъ Россія отъ сброда, въ карманѣ котораго еще не успѣла нагрѣться пара рублей, полученныхъ въ награду за шпіонство, какъ уже онъ разряжаетъ ружье свое по первому русскому солдату, котораго встрѣтитъ за крѣпостной стѣной? Не можетъ же быть, чтобы Россія дорожила пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ аршинъ земли къ своей неизмѣримой территоріи?! Россія нуждается въ людяхъ и именно въ такихъ людяхъ, какъ черкесы, которые множатся какъ саранча и рождаются воинами. Но такая Черкесія, какая нужна Россіи, можетъ быть скорѣе истреблена до основанія, нежели пріобрѣтена силою оружія. Черкесія можетъ быть отдана, но этого можно достигнуть лишь мирнымъ путемъ. Черкесія должна сначала быть внутренне организована и подчинена власти одного вождя. Россія должна только поддерживать и сдѣлать его своимъ должникомъ—остальное тогда сдѣлается само собой. Я могу высказать эту мысль безъ запинки, ибо я говорю не для себя. Я никогда не могу быть этимъ вождемъ, да и не хочу. Это мѣсто долженъ непременно занять туземецъ. Но я полагаю себя въ правѣ утверждать, что только тотъ можетъ быть вождемъ этимъ, кого я захочу и что я, пользуясь достаточнымъ вліяніемъ и довѣріемъ, чтобы привести въ исполненіе свои идеи. Впрочемъ, Россія имѣетъ довольно слугъ въ Черкесіи, чтобы легко убѣдиться въ томъ, что я не слишкомъ притязателенъ и нескроменъ въ моихъ утвержденіяхъ. Если теперь сочтутъ достойнымъ труда войти со мною въ сношенія—путь открыть и я всегда готовъ войти въ дальнѣйшія подробности. Магометъ-паша, Адагумъ, 7 августа, 1857 года.“¹⁾

Генераль Филипсонъ, считая неприличнымъ для себя входить въ какія либо сношенія съ флибустьеромъ, ограничился выдачею посланному простой росписки въ полученіи

¹⁾ Дѣло Главнаго штаба Кавказской арміи, по генеральному штабу, 2-го отдѣленія, по описи № 25, 1857 года.

вышеприведеннаго письма, оставивъ его безъ отвѣта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, отправилъ натухайцамъ и шапсугамъ письменное объявленіе, приглашая ихъ выслать къ 20 сентября на Адагумъ, къ мѣсту расположенія нашего отряда, депутатовъ, если они имѣютъ надобность говорить съ нимъ о своихъ нуждахъ; но предупреждалъ, что бесполезно будетъ заводить переговоры, въ случаѣ они намѣрены обратиться къ нему съ предложеніями, несомвѣстными съ достоинствомъ нашего правительства. Депутаты не явились, однако, въ назначенный срокъ, а въ первыхъ числахъ октября, передъ самымъ отъѣздомъ Филипсона изъ Адагумскаго отряда, горцы привезли ему пакетъ съ письмомъ отъ Магометъ-паши на французскомъ языкѣ, въ которомъ онъ писалъ слѣдующее: „Его свѣтлость князь Занъ-оглу Сеферъ-жерезъ (бей) поручилъ мнѣ передать вамъ при семъ прилагаемый конвертъ и просить послать его по возможности скорѣе Его Величеству Вашему Государю Императору. Этотъ конвертъ заключаетъ меморандумъ Государю и подобнаго рода меморандумы получили государи главныхъ европейскихъ государствъ. Если это зависитъ отъ васъ, то его свѣтлость князь Сеферъ просить у васъ перемирія до полученія отвѣта Его Величества. Не благоугодно ли будетъ вамъ отвѣтить черезъ подателя этого письма.“ Горецъ, доставившій это письмо, снабженъ былъ паспортомъ съ подписью: „По приказу его сіятельства князя Сеферъ-паши, адъютантъ и капитанъ артиллеріи Станкевичъ“. При письмѣ Магометъ-паша приложилъ меморандумъ Сеферъ-бея на турецкомъ языкѣ, который приводимъ здѣсь полностью.

„Великій Самодержецъ Императоръ!

„Послѣ происходившей войны между двумя великими державами былъ сдѣланъ мирный трактатъ, заключившій въ себѣ нѣсколько условныхъ пунктовъ, въ числѣ которыхъ было: снятіе крѣпостей на Черноморской береговой линіи, чтобы оставить тѣ мѣста свободными; кромѣ того—не дѣлать одинъ противъ другого никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, и чтобы былъ водворенъ порядокъ и спокойствіе между подданными обѣихъ державъ съ тѣмъ, чтобы каждая изъ нихъ, не принимая подъ свое покровительство подданныхъ другой державы, передавала бы въ свое государство, для чего назначены кон-

сулы блюсти за этимъ порядкомъ. Генералы Вашего Величества, несмотря на это, дѣйствуютъ противъ правилъ. Наши купеческія суда съ товарами и порохомъ плавали для продажи по берегу Чернаго моря, но одинъ изъ вашихъ генераловъ, съ отрядомъ, напалъ на нихъ и открылъ огонь. Беззащитные пассажиры, предвидя явную гибель, сдались. Генералъ, не довольствуясь тѣмъ, предалъ товары ихъ огню, завладѣлъ порохомъ и уничтожилъ суда; потомъ отправился въ Анапу, гдѣ строить крѣпость, называемую Адагумомъ и вооружаетъ ее военными снарядами; кромѣ того стѣсняютъ черкесовъ безпощадно, отнимаютъ ихъ мѣста и разоряютъ жилища.

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, во время царствованія султана Махмудъ-Хана, подданные турецкому правительству христіане, хотя вносили дань, по желанію Русскаго Царя, которому угодно было покровительствовать имъ, были освобождены изъ подъ власти турецкаго правительства и были предоставлены имъ свои права и образъ правленія.

Во время мирнаго трактата между державами было оставлено дѣло о черкесахъ, не знаю по какому случаю не объясненнымъ, а нынѣ черкесы, какъ мусульмане, всѣ вообще отъ мала до велика единодушно признали подданство турецкаго правительства и прибѣгли подъ покровительство его, говоря: покуда изъ среды насъ будетъ существовать хоть одна душа, то не будемъ покоряться христіанскому правительству.

Отдѣленіе черкесовъ по сіе время отъ турецкаго правительства было причиною устройства крѣпостей русскихъ на Черноморской береговой линіи, которыя совершенно отчуждали ихъ отъ своего царя; почему, съ упраздненіемъ оныхъ, они просятъ меня обратиться къ Вашему Величеству съ просьбою объ оставленіи ихъ на своихъ мѣстахъ, которымъ желаетъ покровительствовать турецкое правительство.

Великій Государь! Вашему Императорскому Величеству извѣстно, что черкесское племя противъ обширной Россійской Имперіи есть точно тоже, что капля въ морѣ; потому покорнѣйше прошу Высочайшей особы повелите оставить черкесовъ, которые приняли подданство турецкому правительству съ обязательствомъ, что они не будутъ жить послѣ этого, какъ жили прежде дикарями, а будутъ признавать надъ собою власть

султана и повиноваться державнымъ законамъ. При чемъ, хотя они не составляютъ собою большую массу, какъ прочія державы, но желаютъ учредить у себя военное и духовное правленіе и безусловно повиноваться оному; затѣмъ какому государству угодно будетъ послать къ намъ довѣренное лицо отъ себя, въ родѣ консула, наблюдать за ихъ дѣйствіями, то примутъ его, какъ принимаютъ прочія государства консуловъ. Если Высочайшей особѣ Вашей не угодно будетъ обратить на мою покорнѣйшую просьбу вниманіе, то я принужденъ буду обратиться къ австрійскому, англійскому и французскому двора́мъ“.

Кромѣ вышеприведеннаго меморандума, адресованнаго Государю Императору, генераль Филипсонъ получилъ и другую бумагу слѣдующаго содержанія.

„Командующій № 2 Кубанскимъ полкомъ и многіе другіе русскіе начальники писали ко мнѣ, что по миру, заключенному между Россіей и Турціей, ни мы, ни русскіе подданные не должны вредить другъ другу. На всѣ эти посланія, я, отъ лица всѣхъ моихъ подданныхъ, отвѣчалъ согласіемъ. Вскорѣ послѣ этого было отправлено мною въ Турцію посольство въ числѣ 250 человекъ съ тѣмъ, чтобы узнать, какія права даны моимъ владѣніямъ, и отъ консуловъ Франціи и Англій узнали мы, что намъ дано право независимости и что всѣ крѣпости, находящіяся по берегу Чернаго моря, должны быть сняты. На этомъ основаніи мы разрушили укрѣпленія Анапу и Суфуджукъ (Новороссійскъ), далеко вошедшіе во внутренность нашихъ владѣній. До сихъ поръ все было тихо и спокойно но русскіе подданные, не сдержавъ своихъ словъ, начали дѣлать внезапныя нападенія со стороны натухайцевъ и Псебая, силою забирали наши имущества и брали въ плѣнъ малолѣтнихъ дѣтей нашихъ. Вслѣдъ за тѣмъ, однажды ночью, нѣскольکو тысячъ войскъ съ артиллеріей, вошедши въ разоренное и сожженное укрѣпленіе Анапу, силою завладѣли всѣми пастбищами, принадлежащими нашимъ бѣднымъ черкесамъ и всѣми ихъ посѣвами, находящимися внѣ стѣнъ этой крѣпости на протяженіи 8 часовой ѣзды въ окружности. Потомъ нѣсколько тысячъ русскихъ, подошедши съ сухого пути въ гавани Суфуджукъ, взяли въ плѣнъ всѣхъ купцовъ, вмѣстѣ съ 19 боль-

шими и малыми ихъ судами и, сжегши всѣ хлѣбные магазины, возвратились въ Анапу, а въ настоящее время, возобновивъ сіе укрѣпленіе, построили сильныя батареи. За 40 дней до этого нѣсколько тысячъ русскихъ, въ сопровожденіи артиллеріи, сдѣлали сильное нападеніе со стороны Адагума. Извѣстившись объ этомъ, мы собрали всѣ наши регулярныя войска и не дозволили имъ войти внутрь нашихъ владѣній. Во время сраженія, они укрѣпили свою позицію. Утромъ, 15 числа, благословеннаго мѣсяца Шувава, повторено было нападеніе. Одинъ англійскій пароходъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ мелкихъ судовъ, вошедъ въ лиманъ Суфуджука и окруживъ всѣ бывшія такъ тамъ купеческія суда, началъ бросать въ нихъ бомбы и ракеты. Купцы, не желая попасть въ плѣнъ, бросили всѣ свои товары съ описями оныхъ и многіе другіе вещи и, сжегши всѣ съѣстные припасы, спаслись бѣгствомъ на трехъ небольшихъ судахъ въ Керчь и Анапу. До сего времени обвиняли нашихъ черкесовъ въ этихъ разбояхъ и грабежахъ. Но надобно сказать, что черкесы теперь научились этому отъ русскихъ. Подобными обнаружившимися разбоями и грабежами не только что властители, но даже и ихъ подданные не могутъ быть довольны.

Повергаю на разсмотрѣніе Императора отношенія нашихъ жителей черкесъ къ Его подданнымъ.

Теперь все племена наши, соединившись вмѣстѣ, дали торжественную клятву постоянно сражаться съ христіанами, точно такъ же, какъ жители Мореи 36 лѣтъ тому назадъ, бывъ данниками великой Порты, сражались съ султаномъ Махмудомъ Ханъ-Газіемъ и, какъ извѣстно всѣмъ, Греція получила независимость по заключенному миру и по ходатайству христіанскихъ державъ. Неужели же мы, желая получить независимость, отвергнемъ покровительство великой Порты и сдѣлаемся христіанами? Со времени крымскихъ хановъ до настоящаго времени мы, бывъ подъ покровительствомъ турецкаго султана, не признавали надъ собою власти ни одной державы и со времени покоренія Россією Крыма постоянно ведемъ съ нею войну. Будучи масульманами, мы никогда не признаемъ надъ собою власти христіанъ. Вотъ уже 30 лѣтъ какъ мы окружены съ суши и съ моря, но, видя свою гибель, мы едино-

душно поклялись предъ священнымъ кораномъ не признавать власти христіанъ, пока хотя одинъ черкесь останется въ нашей землѣ.

Находясь подъ покровительствомъ великой Порты, мы будемъ умолять ее представить наше положеніе державамъ: Австріи, Англіи и Франціи и исходатайствовать отъ нихъ намъ правъ независимости, подобно какъ они исходатайствовали оное для жителей Мореи. Враги наши, за неимѣніемъ у насъ закона и порядка, сравниваютъ насъ съ дикою птицею, говоря, что всякъ, кто поймаетъ эту птицу можетъ располагать ею по своему произволу; тогда какъ мы до сихъ поръ, признавая только покровительство великой Порты, не подчинялись ни одной державѣ. Желая устроить законъ и порядокъ въ нашихъ владѣніяхъ, всѣ подданные единодушно согласились признать надъ собою нашу власть, повиноваться нашимъ приказаніямъ, давать подати и десятинный сборъ, которые разложены на сроки, и во всемъ нашемъ владѣніи дѣла наши должны рѣшаться по достохвальному нашему шаріату.

Всѣ племена, признавая мою власть, поклялись никогда не выходить изъ повиновенія; я же съ своей стороны употреблю всѣ мои старанія утвердить неприкосновенность нашей священной религіи и нашихъ обычаевъ, устроить и образовать пѣхоту, конницу и артиллерію и, если Императоръ признаетъ независимость нашу, то мы примемъ иностранныхъ консуловъ для веденія торговыхъ сношеній съ Россією и другими державами; въ противномъ случаѣ мы не признаемъ надъ собою власти христіанъ, пока до послѣдняго будемъ истреблены¹⁾.

Подъ этимъ документомъ находилась надпись „Глава Черкесіи“ и приложена печать съ именемъ Сеферъ-бея и съ девизомъ „Терпѣніе все перевозмогаетъ“.

На всѣ эти многорѣчивыя посланія генералъ Филипсонъ не далъ никакого отвѣта и перемирія не устанавливалъ. Впрочемъ и со стороны самихъ горцевъ не было ни малѣйшаго желанія прекращать враждебныхъ дѣйствій, потому что вскорѣ послѣ полученія бумагъ этихъ, они опять привезли на Адагумъ два своихъ орудія и начали стрѣлять въ нашъ лагерь.

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло Главнаго штаба Кавказской арміи, по генеральному штабу; 2 отдѣленія, по описи № 25, 1857 года.

Затѣмъ въ окрестностяхъ Анапы собралось многочисленное скопище черкесовъ для рѣшительныхъ дѣйствій противъ этой крѣпости, но вслѣдствіе несогласій между отдѣльными партіями предпріятіе это несостоялось. Сеферъ-бей розпустилъ сборищъ, приказавъ натухайцамъ и шапсугамъ собраться на Адагумъ поголовно тотчасъ же, какъ только отрядъ нашъ двинется съ настоящаго мѣста для дѣйствій внутри края. Между натухайцами и шапсугами установилось въ это время нѣкоторое согласіе. Значеніе Сеферъ-бея въ народѣ, какъ видно изъ всего сказаннаго выше, главнымъ образомъ зиждилось на убѣжденіе черкесовъ въ томъ, что онъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ турецкимъ султаномъ и, слѣдовательно, можетъ выпросить для нихъ защиту противъ насъ отъ Порты и европейскихъ державъ, а, въ случаѣ надобности, и присылку войскъ. Въ письмахъ же Магометъ-бея явно обнаруживался замыселъ его сдѣлать Сеферъ-бея, при содѣйствіи Россіи, чѣмъ-то въ родѣ владѣтельнаго князя и устроить тѣмъ собственное свое положеніе. Но этими сношеніями воспользовался Лапинскій, давно уже находившійся въ открытой враждѣ съ Магометъ-беемъ, чтобы обвинить его въ измѣнѣ. Происками его объясняются также неудачи во всѣхъ предпріятіяхъ противъ насъ сына Сеферъ-бея, Карабатыра и Магометъ-бея, а также бѣгство изъ европейскаго легіона многихъ флибустьеровъ изъ венгерцевъ¹⁾. Въ первыхъ числахъ декабря Магометъ-бей былъ схваченъ и посаженъ въ заключеніе въ яму въ Адербіи за измѣнническія сношенія съ русскими.

3 января 1858 года въ Адербіи изъ офицеровъ польскаго легіона собранъ былъ военный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Лапинскаго, для сужденія Махмедъ-бея. Членами этого суда состояли: капитанъ артиллеріи Петръ Станкевичъ, поручикъ артиллеріи Іосифъ Мареки, поручикъ пѣхоты Іосифъ Марановскій, подпоручикъ пѣхоты Францъ Чтохъ, сержанты пѣхоты Оттонъ Линовскій, унтеръ-офицеръ артиллеріи Иванъ Зломлицкій, капралъ кавалеріи Семень Мутарскій и артиллеристъ Лейсеръ Завадскій. Сущность показаній Махметъ-бея, данныхъ этому совѣту извѣстна уже изъ предыдущаго и повторяютъ ихъ

¹⁾ Письмо Главнокомандующаго Кавказской арміею князя Барятинскаго дѣйстви. тайн. совѣтн. Бутеневу отъ 19 мая, 1858 года № 794. Дѣло Главнаго штаба Кавказской арміи во генеральному штабу, по описи 2 отдѣленія № 25, 1857 года.

нѣтъ надобности. Но для характеристики этого искателя приключеній не лишнимъ будетъ привести здѣсь вкратцѣ его біографію. Махмедъ-бей родомъ венгерець. Прежнее его имя Іоаннъ Банія де-Илосфальва. Сперва былъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, но въ 1853 году принялъ магометанство и сталъ называться Магометъ-беемъ. Въ 1834 году вступилъ въ службу юнкеромъ въ австрійскій пѣхотный полкъ барона Бакони, Потомъ переведенъ лейтенантомъ въ венгерскую гвардію, а пять лѣтъ спустя перешелъ оберъ-лейтенантомъ въ 12 гусарскій полкъ. Въ 1841 году оставилъ военную службу и поступилъ чиновникомъ въ канцелярію гражданскаго суда въ Венгріи, но въ 1845 году вышелъ въ отставку и отправился путешествовать въ Германію, Францію, Испанію и Алжиръ, откуда въ слѣдующемъ году возвратился въ Пресбургъ и сталъ, при поддержкѣ своихъ друзей, издавать газету на нѣмецкомъ языкѣ для провозглашенія принциповъ либеральной партіи. Въ 1848 году опять поступилъ въ военную службу, получилъ чинъ капитана, потомъ вскорѣ маіора и былъ назначенъ командиромъ 35 баталіона гонведовъ. Въ 1845 году произведенъ въ полковники и принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Австрією за независимость Венгріи. По окончаніи этой войны, оставилъ отечество и съ австрійскимъ паспортомъ отправился въ Гамбургъ, а потомъ въ 1850 году перебрался въ Лондонъ и все это время занимался исключительно литературой, состоя корреспондентомъ нѣкоторыхъ заграничныхъ журналовъ и посвящая свои статьи, главнымъ образомъ, положенію дѣлъ въ Венгріи. Потомъ поселился въ Парижѣ, сошелся со многими лицами, бывшими въ сношеніяхъ съ французскимъ правительствомъ, но въ своей политической дѣятельности руководился указаніями прежняго своего начальника Людовика Кошута. Въ декабрѣ 1853 года прибылъ въ Константинополь съ рекомендательными письмами отъ представителей своей политической партіи и предложилъ свои услуги турецкому правительству, которое приняло его весьма благосклонно полковникомъ въ генеральный штабъ. Дѣйствуя по инструкціи Кошута, онъ старался попасть въ войска, назначавшіеся въ Черкесію. Сойдясь съ Бехмедъ-пашей, который долженъ былъ вскорѣ отправиться туда, Махмедъ-бей достигъ того, что назначенъ былъ

состоять при его особѣ. Прибывъ въ Черкесію, онъ тотчасъ же приступилъ къ изученію положенія этого края и вошелъ въ дружбу съ Сеферъ-беемъ, чтобы съ большимъ успѣхомъ осуществить свои планы.

Дальнѣйшіе факты его дѣятельности среди горцевъ западнаго Кавказа намъ уже извѣстно изъ предыдущаго. Мы не знаемъ, какой приговоръ постановилъ судъ Лапинскаго относительно Махметъ-бея, но извѣстно, что вскорѣ онъ покинулъ Кавказъ и потомъ уже болѣе не появлялся среди горцевъ въ качествѣ политическаго дѣятеля.

Лапинскій, объявленный главнокомандующимъ европейскими войсками, вмѣсто свергнутаго ими Магометъ-бея, опять собралъ на Адербіи свою подвижную артиллерію. Нѣсколько орудій артиллеріи этой были въ сборищѣ Карабатыра при движеніи его къ нашей линіи между Суровской батареей и Ольгинскимъ постомъ. Неудача этого послѣдняго предпріятія возбудила негодованіе горцевъ на флибустьеровъ, которыхъ осталось у Лапинскаго всего 86 человѣкъ. Они находились въ жалкомъ положеніи; горскій образъ жизни оказался для нихъ слишкомъ суровымъ, одежда изнасилась, жалованье давно уже никому изъ нихъ не производилось и, въ довершеніе столь неблагоприятной обстановки жизни, они получали крайне скудное продовольствіе. Въ концѣ декабря шестеро изъ нихъ (венгерцевъ) бѣжало въ Турцію на кочермѣ. Обстоятельство это заставило горцевъ учредить болѣе строгій надзоръ за остальными. Въ январѣ 1858 года скрылось еще 10 флибустьеровъ. Горцы думали сперва, что они бѣжали къ намъ и во многихъ мѣстахъ на Черноморской кардонной линіи разыскивали ихъ, но потомъ оказалось, что бѣгльцы пробрались къ Магометъ-Амину, надѣясь встрѣтить у него лучшія условія жизни. Однако они были пойманы и преданы народному суду. Двое изъ нихъ были разстрѣляны, а остальныхъ горцы съ безчестіемъ прогнали отъ себя на произволь судьбы, выбривъ у нихъ голову, бороду, усы и брови.

Въ январѣ мѣсяцѣ натухайцы и шапсуги безпрестанно собирались въ большихъ массахъ для рѣшительнаго вторженія въ наши предѣлы. Свою подвижную артиллерію Лапинскій перевезъ изъ Адерби на р. Шипсъ. Сеферъ-бей не являлся лич-

но на сборища, отговариваясь тѣмъ, что будто бы занятъ былъ сношеніями по дѣламъ горцевъ съ Константинополемъ, на самомъ же дѣлѣ, какъ слышно было, проводилъ время въ пьянствѣ Его замѣнялъ Карабатырь, человекъ храбрый и энергичный, но не пользовавшійся особымъ довѣріемъ горцевъ. Нѣсколько разъ собиралось на рр. Илѣ. Бугундырѣ и Анхтырѣ отъ трехъ и до пяти тысячъ человекъ натухайцевъ и шапсуговъ, но собранія эти проходили въ спорахъ, взаимныхъ упрекахъ и разбирательствахъ дѣлъ по безконечнымъ доносамъ на нашихъ лазутчиковъ, и они тутъ же на мѣстѣ были истребляемы безъ всякаго милосердія. Впрочемъ число ихъ отъ этого не уменьшалось, потому что взаменъ убитыхъ являлись къ намъ другіе съ предложеніемъ своихъ услугъ. Наконецъ, 5 февраля огромное сборище, съ 4 полевыми орудіями, двинулось съ р. Иля къ Кубани, ниже Ольгинскаго поста. Пѣхота, въ числѣ около трехъ тысячъ человекъ, отправилась впередъ двумя колоннами по разнымъ дорогамъ. Конница, болѣе 1500 всадниковъ, выступила нѣсколькими часами позже. Главнымъ предводителемъ сборища былъ Карабатырь. Одну колонну, при которой находились орудія съ 32 флибустьерами, велъ Сейнъ-Ротоко, нашъ хорошій лазутчикъ; другою-же командовалъ Селимъ Бжасо, человекъ очень храбрый и предприимчивый, бывшій до 1854 года поручикомъ русской милиціи, а съ того времени нерѣдко сообщавшій намъ полезныя свѣдѣнія черезъ другихъ лазутчиковъ. Въ ночь на 5 февраля пошелъ сначала дождь, потомъ сильный снѣгъ съ морозомъ и мятелюю. Колонна Сейна Ротока, проходивъ цѣлую ночь, оказалась на разсвѣтѣ близъ оставленнаго нами Абинскаго укрѣпленія, а орудія, по совершенному изнеможенію лошадей, брошены въ лѣсу, верстахъ въ 8 отъ Кубани. Колонна Бжасо вышла исправно къ сборному пункту, въ лѣсу Мезышхо, но Карабатырь съ конницей зашелъ въ такую тущобу, откуда едва выбрался назадъ, утопивши въ плавняхъ немало лошадей. Многіе горцы обморозились, а нѣсколько человекъ совсѣмъ пропали безъ вѣсти. Послѣ этого неудачнаго движенія большая часть сборища разбрелась по домамъ; остальные же сошлись на Абинѣ, перессорились и подрались между собою, при чемъ убито было двѣ лошади, но убитыхъ и раненыхъ людей не было.

Съ того времени до апрѣля мѣсяца шапсуги и натухайцы болѣе не собирались, а бжедухи и абадзехи не хотѣли принимать участія въ ихъ собраніяхъ. Лапинскій оказывалъ наружное почтеніе Сеферъ-бею, но отношенія ихъ съ Карабатыромъ были не искренни. Горцы строго смотрѣли за флибустьерами, положеніе которыхъ нисколько не улучшалось. Сеферъ-бей продолжалъ увѣрять всѣхъ въ томъ, что безпрестанно получаетъ изъ Константинополя обѣщанія помощи Турціи и Англій. Когда ему привезли какой-то огромный тюкъ, то натухайцы вообразили, что это султанъ прислалъ имъ жалованье и настоятельно требовали, чтобы Сеферъ-бей при всемъ народѣ открылъ этотъ тюкъ и прочелъ султанскій фирманъ¹⁾.

Въ началѣ апрѣля 1858 года Сеферъ-бей собралъ почетнѣйшихъ шапсуговъ и натухайцевъ, по одному съ каждаго ста дворовъ, и отправился въ землю абадзеховъ для свиданія съ Магометъ-Аминомъ, приглашавшимъ его пріѣхать для прочтенія какой-то важной и весьма таинственной бумаги, имъ полученной и касавшейся блага всѣхъ горскихъ племенъ. Сеферъ-бей взялъ съ собою нѣсколько полевыхъ орудій. Конечно къ старшинамъ присоединилось и множество любопытныхъ, такъ что это собраніе, расположившееся близъ шапсугской границы, имѣло видъ большого военного стана. Магометъ-Аминъ прибылъ туда же со своимъ сборищемъ, тоже немалочисленнымъ и расположилъ верстахъ въ 7 отъ Сеферъ-бея. Тотчасъ же начались переговоры: старшины съѣзжались на срединѣ и хотя много спорили, но соглашались лишь въ томъ, чтобы требовать отъ обоихъ предводителей ясныхъ доказательствъ, что они дѣйствуютъ по волѣ и порученію турецкаго султана. Сеферъ-бей объявилъ, что въ послѣднее время онъ не получалъ никакого фирмана и потому ничего предъявить не можетъ; что все прежде имъ получавшееся отъ турецкаго правительства немедленно объявлялось народу и, наконецъ, что справедливость его словъ и обѣщаній всего лучше докажетъ прибытіе къ нимъ на помощь турецкихъ войскъ и флота, коихъ онъ ожидаетъ въ началѣ лѣта. Магометъ-Аминъ, напротивъ, заявилъ, что получилъ недавно фирманъ

¹⁾ Секретный рапортъ генерала Филипсона Командующему войсками праваго крыла отъ 28 февраля, 1858 года, за № 34. Центральный Владикавказскій архивъ, дѣло по описи № 12678, стр. 361—362.

султана чрезвычайно важнаго содержанія, но не можетъ въ настоящее время показать его народу, а приглашаетъ Сеферъ-бея прочитатъ этотъ фирманъ, принеся прежде присягу на коранѣ, что никому не объявитъ его содержанія. Сеферъ-бей отвѣчалъ, что ему нѣтъ надобности читать бумаги, которой не можетъ знать народъ и что ихъ общее желаніе именно состоитъ въ томъ, чтобы знать и исполнить положительную волю султана. Переговоры продолжались восемь дней и, если не кончились дракой, то развѣ потому, что и сами абадзехи усумнились въ существованіи фирмана у Магометь-Амина. Вожди противныхъ партій не сѣзжались, и около 20-го апрѣля сборища разошлись по домамъ, ничего не рѣшивъ. Когда генераль Филипсонъ прибылъ съ отрядомъ на Адагумъ, 30 апрѣля, Сеферъ-бей уже нѣсколько дней былъ на р. Шипсѣ, гдѣ онъ въ то время постоянно проживалъ. Сынъ его, Карабатырь, созвалъ сборище натухайцевъ и немногихъ шапсуговъ и съ 3 или 4-мя орудіями отправился для предпріятій противъ укр. Константиновскаго¹⁾ и Анапы. Незадолго передъ этимъ горцы, видѣвши прибытіе и уходъ оттуда многихъ пароходовъ, распространили ложный слухъ, будто бы мы упраздняемъ это укрѣпленіе. На четвертый же день рамазана, т.-е. 4 мая, Сеферъ-бей созвалъ большое собраніе на Абинѣ, но не для военныхъ предпріятій, а для рѣшенія какихъ то общественныхъ дѣлъ²⁾.

Осеннія экспедиціи генерала Бабыча въ земли натухайцевъ подвергли ихъ страшному разоренію. Убѣдившись въ бесполезности дальнѣйшаго сопротивленія, они стали искать мира и въ декабрѣ мѣсяцѣ старшины 30 ауловъ начали являться къ Анапскому воинскому начальнику маіору Маняти и воинскому начальнику Константиновскаго укрѣпленія маіору Левашову съ просьбами о заключеніи негласнаго пока мира. Узнавши объ этомъ, Карабатырь съ однимъ эфендіемъ и тремя старшинами собралъ партію своихъ приверженцевъ, въ числѣ до 800 человекъ, и въ январѣ 1859 года силою оружія сталъ приводить къ присягѣ всѣхъ натухайцевъ, изъявившихъ на-

¹⁾ Укрѣпленіе это было на мѣстѣ нынѣшняго гор. Новороссійска.

²⁾ Письмо Командовавшаго войсками праваго фланга Кавказской линіи генераль-лейтенанта Филипсона начальнику Главнаго Штаба Кавказской арміи генераль-адъютанту Милютину отъ 4-го мая, 1858 года, № 121.

мѣреніе покориться русскимъ. Подозрѣваемая въ сношеніяхъ съ нами были разграблены, а несомнѣнно виновные въ этомъ убиты. Въ числѣ послѣднихъ былъ преданный намъ дворянинъ Керзекъ. По приказанію Карабатыра, имущество Керзека было разграблено, а 15 января его привязали къ дереву и всенародно разстрѣляли, какъ измѣнника. Такой же участи хотѣли подвергнуть и вѣрнаго нашего лазутчика Анцока, но онъ, въ ночь съ 18 на 19 января, успѣлъ выскочить изъ окошка своей сакли и прибѣжалъ въ Анапу полуодѣтый, отморозивъ себѣ обѣ ноги. Карабатыръ продолжалъ грабить натухайцевъ, бралъ съ нихъ штрафы и навелъ на нихъ сильный страхъ. Разоривъ жителей долины Мезкаго, Карабатыръ 20 января перешелъ въ долину р. Сукко съ рѣшительнымъ намѣреніемъ жестоко наказать обитателей этой долины, заподозрѣнныхъ въ миролюбивыхъ сношеніяхъ съ нами. Выставивъ при входѣ въ эту долину караулъ въ 15 человекъ, онъ уже хотѣлъ было приступить къ расправѣ, но въ это время неожиданно показалась изъ Анапы колонна нашихъ войскъ подъ начальствомъ маіора Маняги и напала на караульныхъ, а Карабатыръ, уstraшенный появленіемъ русскихъ войскъ, съ своими приверженцами бѣжалъ въ долину Озерейкъ. Филипсонъ считалъ бесполезнымъ заводить въ то время переговоры съ натухайцами о перемиріи и предполагалъ воспользоваться ихъ предложеніемъ, когда отрядъ нашъ займетъ Адагумскую долину до Неберджая и Бакана.

Парижскій трактатъ фактически не устранилъ вмѣшательство Турціи въ дѣла черкесовъ. Находя неудобнымъ открыто помогать имъ въ борьбѣ съ нами, правительство этой державы дѣйствовало въ данномъ случаѣ тайно черезъ своихъ сановниковъ и, главнымъ образомъ, при посредствѣ сераскира Риза-пашу. Такъ, осенью 1858 года, прибылъ на Кавказъ личный адъютантъ его, Омеръ-бей, подъ предлогомъ приведенія въ порядокъ семейныхъ дѣлъ и для свиданія съ своими родственниками. Происходя изъ племени убыховъ, Омеръ-бей въ дѣтствѣ былъ проданъ въ Константинополь и уже десять лѣтъ находился на военной службѣ въ Турціи, не разу не посѣтивъ своей родины. Но вмѣсто того, чтобы ограничиться поѣздкой въ землю убыховъ, онъ отправился къ абадзехамъ и къ наibu

Магометъ-Амину, распространяя по всему пути своему слухи, что парижскій трактатъ призналъ независимость Черкесскаго народа и предоставилъ ему право свободной торговли съ Турціей и другими государствами. Кромѣ того, Омеръ-бей вручилъ горцамъ письмо Риза-паши и исполнилъ его порученія, сущность коихъ изложена въ приводимой здѣсь петиціи черкесовъ, отправленной ими Риза-пашѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1859 г.

„Содержаніе благосклоннаго письма Вашего Превосходительства, врученнаго намъ вашимъ адъютантомъ Омеръ, которъ былъ посланъ въ послѣднее время въ нашу страну специально для наведенія конфиденціальныхъ справокъ, а также для распоряженій, руководства и полезныхъ предостереженій, сообщенныхъ намъ этимъ офицеромъ словесно отъ имени Вашего Превосходительства, съ цѣлью въ особенности поощрить наше мужество, переполнили насъ признательностью и глубокою благодарностью.

Мы гордимся вашимъ участіемъ, которое вамъ еще угодно оказывать всѣмъ вообще нашимъ соотечественникамъ и можемъ быть только въ высшей степени признательны за то, что вы не забываете черкесскаго народа и что удостоиваете принимать участіе въ нашемъ положеніи, подавая намъ время отъ времени то открыто, то тайно, устно или письменно полезные совѣты и секретныя извѣстія, что заслуживаетъ нашей общей благодарности.

Вся черкесская нація чувствуетъ себя счастливою и гордою вашею благосклонностью, новыя доказательства которой мы усматриваемъ въ обѣщаніи Вашего Превосходительства продолжать тайную поддержку, каковую мы никогда не переставали получать отъ Вашего Превосходительства, такъ же какъ и неоднократное полезное руководство, имѣвшія цѣлью еще болѣе увеличить ревность и мужество всѣхъ нашихъ соотечественниковъ. За всѣ эти благодѣянія мы единодушно обѣщаемъ повиноваться султану и Вашему Превосходительству.

Въ письмѣ Вашего Превосходительства выражено, что такъ какъ, смотря по обстоятельствамъ, не всегда удобно давать инструкціи письменно, вы поручили вашему офицеру передать намъ всѣ ваши распоряженія и совѣты такъ же, какъ и сообщеніе о помощи, которую вы можете намъ оказать, и предла-

гаете намъ дѣйствовать согласно съ волею Вашего Превосходительства. Все это мы узнали изустно отъ вашего офицера. Въ этомъ отношеніи всѣ мы незамедлимъ исполнить ваши приказанія всѣми силами нашихъ душъ.

Благодаря руководству и поощреніямъ, исходящимъ отъ васъ, а также и вашей значительной помощи, единодушіе и сила, которыя царятъ теперь въ народѣ, до сихъ поръ не имѣли себѣ примѣра.

Вашъ адъютантъ передавалъ намъ, что до вашего свѣдѣнія дошло, будто мы хотимъ заключить миръ съ Россіей, этимъ врагомъ всего нашего народа; но Вашему Превосходительству не безызвѣстно, что во всѣ времена единственнымъ желаніемъ черкесовъ, какъ извѣстно всему свѣту, была свобода, на что мы имѣемъ дѣйствительное и неоспоримое право. До тѣхъ поръ, пока это желаніе не исполнится съ согласія и съ помощію европейскихъ державъ, при томъ совершенно согласно съ нашими желаніями, даже мысль о заключеніи мира съ Россіей не придетъ намъ на умъ; къ тому же мы будемъ дѣйствовать только съ согласія Вашего Превосходительства и увѣрившись въ вашихъ намѣреніяхъ. Пока наши желанія не приведутся въ исполненіе, мы не перестанемъ вести войну съ Россіей и никогда слово „миръ“ не будетъ нами произнесено.

Вашъ адъютантъ увѣрялъ насъ также, что Ваше Превосходительство очень желаете, по мѣрѣ возможности, присылать намъ всѣ предметы, въ которыхъ мы чувствуемъ существенную необходимость и онъ намъ далъ понять, что если мы продержимся еще нѣкоторое время, не давая повода Россіи подозрѣвать о нашихъ отношеніяхъ и не дѣлая ни малѣйшей попытки къ примиренію, это послужитъ въ нашу пользу, что вы окажете намъ большую услугу своимъ покровительствомъ во всѣхъ отношеніяхъ и тайной помощію. Это также можно заключить по общимъ выраженіямъ вашего письма. Помощь и благосклонность съ вашей стороны придадутъ намъ, безъ всякаго сомнѣнія, большую силу. Мы перечислили вашему адъютанту всѣ предметы, необходимость которыхъ мы здѣсь чувствуемъ; онъ вамъ представитъ подробный перечень ихъ и мы просимъ васъ доставить по немъ все, что окажется возможнымъ; мы увѣряемъ также Ваше Превосходительство, что,

согласно вашимъ приказаніямъ, всё мы рѣшили не сдаваться еще нѣкоторое время и продолжать войну. Таково окончаніе нашей почительной петиціи. Подпись: Наибъ Магометъ-Аминъ паша.“

Спротивленіе абадзеховъ продолжалось, однако, не долго. Еще съ 1857 года, когда войска наши, проникнувъ въ центръ абадзехской земли, построили на р. Бѣлой Майкопское укрѣпленіе, а потомъ и на урочищѣ Хамкеты, Магометъ-Аминъ сталъ ясно сознавать бесполезность дальнѣйшей борьбы, но въ ту пору онъ считалъ позоромъ для себя сложить оружіе видя, что въ Дагестанѣ кипѣла еще война и Шамиль, глава мюридизма, напрягалъ всё усилія, чтобы отстоять свою независимость. Съ покореніемъ же Дагестана и плѣненіемъ Шамиля, совершившимся въ 1859 году, уже ничто болѣе не препятствовало Магометъ-Амину признать себя побѣжденнымъ, и 20-го ноября онъ торжественно присягнулъ вмѣстѣ съ абадзехами на вѣрноподданство Россійскому Престолу. Покорность абадзеховъ далеко впрочемъ не гарантировала спокойствіе этого народа. Если на восточной половинѣ Кавказа съ паденіемъ Шамиля войну можно было считать оконченною, то на западномъ Кавказѣ предстояло еще вести борьбу съ многочисленными племенами шапсуговъ и убыховъ, къ которымъ легко могли присоединиться и абадзехи, изъявившіе покорность по внушеніямъ Магометъ-Амина. Между народами восточной и западной половины Кавказа существовала огромная разница. „Въ Дагестанѣ, говоритъ князь Барятинскій, мы нашли уже глубоко вкорененныя начала гражданственности и привычку къ повиновенію властямъ, къ самовластному и тяжкому игу; на западномъ же Кавказѣ, напротивъ, народы раздроблены были на мелкія общины или союзы, не управляемые никакими властями, не имѣвшими между собой никакой связи гражданской. Племена эти издревле привыкли къ необузданной свободѣ. Если до сихъ поръ Сеферъ-бей и Магометъ-Аминъ пользовались въ извѣстной части народа нѣкоторою властью или лучше сказать, вліяніемъ нравственнымъ, то преимущественно потому, что въ нихъ олицетворялась общая всего народа вражда противъ насъ. Каждый изъ нихъ былъ въ своемъ кругу какъ бы знаменемъ, около котораго группировались разроз-

ненные общины и племена для отчаянной борьбы съ угрожающимъ имъ русскимъ господствомъ. Но и Сеферъ-бей, и Магометъ-Аминъ постоянно чувствовали шаткость и непрочность своего положенія между легкомысленными, перемѣнчивыми и необузданными горцами. Съ паденіемъ Шамиля, предвидя и свой неминуемый конецъ, Магометъ-Аминъ воспѣшилъ воспользоваться тѣмъ вліяніемъ, какое сохранилъ еще надъ абадзехами, чтобы явиться къ намъ съ покорностію не одному, а съ цѣлымъ народомъ¹⁾.

Сеферъ-бей проживалъ въ это время въ одномъ изъ натухайскихъ ауловъ на р. Сукко, близъ Анапы, и, не теряя все-таки надежды на помощь Турціи, продолжалъ поддерживать въ своихъ соплеменникахъ энергію въ войнѣ съ нами, но въ декабрѣ 1859 года, отправившись по какимъ то дѣламъ къ шапсугамъ, въ верховья р. Абина, онъ неожиданно умеръ тамъ и погребенъ въ долинѣ Вордобгачъ, въ двухъ верстахъ ниже бывшаго Николаевского укрѣпленія, гдѣ нынѣ находится Шапсугская станица. Долина эта извѣстна у насъ подъ именемъ „гвардейской поляны“. Такое названіе получила она въ 30 годахъ, во время знаменитыхъ походовъ генерала Вельяминова для устройства укрѣпленій Черноморской береговой линіи. Въ этой долинѣ горцы оказывали всегда особенно упорное сопротивленіе движенію нашихъ войскъ. Кавказъ въ то время былъ особенно привлекателенъ для гвардейскихъ офицеровъ, стремившихся туда для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и за полученіемъ знаковъ отличія и чиновъ. Многіе изъ нихъ прикомандировывались къ строевымъ частямъ отряда Вельяминова на время экспедиціи и не мало ихъ ложилося здѣсь костьюми, а другіе получили болѣе или менѣе тяжелыя раны въ перестрѣлкахъ съ воинственными горцами. Здѣсь же, въ ущельѣ рѣки Чемокосоколайкъ, въ 1835 году, 21 сентября тяжело раненъ былъ корнетъ Гатчинскаго кирасирскаго полка князь А. И. Бярятинскій. Никто, конечно, не предполагалъ тогда, что этому юному офицеру предназначено было судьбой быть въ послѣдствіи намѣстникомъ и покорителемъ Кавказа! Въ послѣднихъ числахъ сентября 1901 года мнѣ пришлось встрѣ-

¹⁾ Письмо генераль-фельдмаршала князя Бярятинскаго Военному Министру ген.-адъют. Сутозанету отъ 21 марта, 1860 года, № 24.

тить въ Суворовско-Черкесскомъ поселкѣ стараго натухайца, который жилъ на р. Сукко по сосѣдству съ Сеферь-беемъ и хорошо поэтому его зналъ. По его словамъ, Сеферь-бей, не смотря на всѣ испытанныя имъ неудачи, не утратилъ престижа въ глазахъ народа и, до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни, пользовался большимъ уваженіемъ.

Послѣ смерти Сеферь-бея, молочный братъ Карабатыра, Мустафа-Ацокъ, отправился на французскомъ пароходѣ въ Константинополь съ прошеніемъ шапсуговъ на имя султана, чтобы Карабатырь назначенъ былъ ихъ начальникомъ на мѣсто умершаго отца. Неизвѣстно, чѣмъ окончилась миссія Ацока¹⁾, но вскорѣ Карабатырь сталъ во главѣ шапсуговъ и энергично продолжалъ политику своего отца, не имѣя впрочемъ, какъ увидимъ ниже, особеннаго успѣха въ своихъ предпріятіяхъ.

Въ началѣ лѣта 1861 года къ черкесскимъ племенамъ, населявшимъ западную часть Кавказскаго хребта прибыло изъ Константинополя особое посольство, состоявшее изъ трехъ лицъ: капитана турецкой службы Смель (родомъ убыхъ), ефендія Гасана (родомъ шапсугъ) и одного англичанина. Лица эти, соединившись съ Карабатыромъ, разослали къ народамъ убыхскаго, шапсугскаго, натухайскаго и абадзехскаго племенъ воззваніе, въ которомъ сказано было, что правительства Англіи, Франціи и Турціи уполномочили ихъ объявить всѣмъ черкесамъ, что государства эти обѣщаютъ имъ покровительство и защиту отъ притѣсненій Россіи и силою оружія заставятъ ее признать независимость Черкесіи, если только съ своей стороны черкесы соединятъ свои силы и составятъ общій союзъ для войны съ нами. Посольство обѣщало народу доказать свои полномочія какими-то письменными актами²⁾.

Внушеніе этихъ лицъ, а еще болѣе водвореніе новыхъ казачьихъ станицъ на лѣвомъ берегу р. Лабы, породивъ серьезныя между непокорными племенами западнаго Кавказа опасенія, побудили ихъ къ составленію общаго противъ насъ со-

¹⁾ Генераль Филипсонъ въ секретномъ письмѣ къ Начальнику Главнаго Штаба Кавказской арміи генераль-адыютанту Милютину отъ 2 февраля, 1860 года, № 82, очень неестественно отзывается объ этомъ Ацокѣ, называя его негодяемъ, который въ 1858 году пріѣзжалъ къ Филипсону съ предложеніемъ купить у него голову Сеферь-бея—его благодѣтеля.

²⁾ Свѣдѣнія изъ горъ, доставленныя генераломъ Кухаренко отъ 26 мая и 3 іюня. Архивъ Штаба Кавказ. военн. округа, дѣло Главнаго Штаба Кавказской арміи 1861 года, по описи № 3.

юза. На р. Пшишь состоялось большое народное собраніе. Старшины убыхскаго, шапсугскаго и абадзехскаго племень, послѣ продолжительныхъ совѣщаній и ссоръ, рѣшили учредить центральное управленіе надъ великимъ черкесскимъ народомъ, какъ они себя называли. Власть этого центрального управленія надъ народомъ, конечно, была весьма неопредѣленна и ограничена, но тѣмъ не менѣе, оно объявило о своемъ существованіи сперва начальнику абадзехскаго отряда полковнику Лихутину, а потомъ и графу Евдокимову¹⁾. Посланные отъ этого союза, явившись къ полковнику Лихутину въ половинѣ іюля, дерзко и съ угрозами требовали, чтобы онъ прекратилъ разработку дорогъ, чтобы возвратилъ бесленеевцевъ на прежнія мѣста ихъ жительства и отвелъ войска за р. Ходзь. Видя требованія свои не исполненными, старшины, по прибытіи въ отрядъ гр. Евдокимова, нѣсколько разъ являлись сперва также съ угрозами, а потомъ съ просьбами отъ имени союза, чтобы войска наши не входили въ ихъ землю, не прокладывали дорогъ и просѣкъ, потому что они только на этихъ условіяхъ принесли покорность нашему Государю. Графъ Евдокимовъ объявилъ абадзехамъ, что они первые и давно нарушили свою покорность заключеніемъ союза съ нашими врагами—шапсугами и убыхами, а также разбоями, совершаемыми въ нашихъ предѣлахъ и, наконецъ, тѣмъ, что, вопреки условій покорности, удерживаютъ у себя нашихъ плѣнныхъ и укрываютъ бѣглыхъ; что теперь они должны принести дѣйствительную покорность Государю и оставить мысль о возможности быть только мирными нашими сосѣдями; что для доказательства своей покорности они обязаны, во-первыхъ, принять то управленіе и то начальство, какое надъ ними будетъ учреждено и оказывать ему полное повиновеніе, во-вторыхъ—выдать всѣхъ нашихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ и, въ-третьихъ—поселиться на тѣхъ мѣстахъ, какія будутъ имъ указаны. На это прямое и безусловное объявленіе, абадзехскія старшины отвѣчали просьбою дать имъ возможность послать своихъ депутатовъ въ Петербургъ, чтобы удостовѣриться въ томъ, что требованія эти имъ предложены по волѣ Государя Императора и убѣдиться, дѣйствительно-ли такова воля Его Величества, съ тѣмъ, что если они убѣдятся въ

¹⁾ Графъ Н. И. Евдокимовъ—командовавшій войсками праваго фланга Кавказской линіи.

этомъ, то примуть свои мѣры къ тому, чтобы исполнить это требованіе по возможности для себя выгоднѣе, т. е. одни, можетъ быть, уйдутъ въ Турцію, другіе исполнять приказаніе начальства и, наконецъ, остальные, которые не сдѣлаютъ ни того, ни другого, будутъ оружіемъ защищать свою землю. Когда графъ Евдокимовъ объявилъ имъ, что не можетъ отправить депутатовъ къ Государю Императору, тогда они просили дозволить имъ послать депутатовъ своихъ, по крайней мѣрѣ, къ Главнокомандующему Кавказской арміей въ Тифлисъ, чтобы лично отъ него услышать вѣрно-ли переданы предложенныя имъ требованія. Вмѣстѣ съ этимъ они просили также, чтобы до возвращенія депутатовъ войска пріостановили наступательныя дѣйствія.

Графъ Евдокимовъ согласился на эту просьбу, имѣя въ виду, что поѣздка депутатовъ этихъ отсрочить непріязненныя дѣйствія, къ которымъ горцы уже совершенно приготовились и что черезъ это онъ успѣетъ кончить безъ всякой помѣхи только что начатую имъ постройку станицъ Губской и Промежуточной, до окончанія коихъ и нельзя было предпринять дальнѣйшаго наступленія отъ Хамкетовъ, гдѣ расположены были главныя силы нашего отряда; а сверхъ того, пользуясь этимъ временемъ, онъ успѣетъ проложить начатую сквозь дремучій лѣсъ просѣку по правому берегу р. Фарса, для сообщенія Нижне-Фарсской станицы съ новою Хамкетинской линіей, чего во время войны нельзя было-бы сдѣлать, пока листъ держится на деревьяхъ¹⁾. Получивъ согласіе графа Евдокимова на свою просьбу, горцы выбрали трехъ депутатовъ, по одному старшинѣ отъ cadaго племени. Депутаты эти прибыли въ Тифлисъ въ сопровожденіи полковника—князя Мамать-гирея Лоова и, за отсутствіемъ князя Барятинскаго, отправившагося незадолго передъ этимъ за-границу для пользованія отъ болѣзни, представили его помощнику, генералъ-адъютанту князю Орбеліани, слѣдующее прошеніе на арабскомъ языкѣ.

„Мы, общества абадзехское, убухское и шапсугское, съ принадлежащими намъ деревнями, для блага и пользы нашей соединились для свѣтскихъ и духовныхъ дѣлъ нашего края и

¹⁾ Отношеніе князя Орбеліани къ Управляющему Военнымъ Министерствомъ отъ 19 августа, 1861 года, № 1336.

обществъ, во зло тѣмъ людямъ, которые были причиною нарушенія прежнихъ нашихъ мирныхъ условій съ вами, по каковымъ условіямъ мы отнюдь не домогались сдѣлаться какими либо самовластными, а искали только мира и согласія. Нынѣ же, благодаря Бога, мы приняли на свою отвѣтственность, что впредь ни явныхъ, ни тайныхъ со стороны нашихъ обществъ измѣнъ уже не случится, а кто изъ насъ нарушитъ такое наше общее условіе, то будетъ наказанъ нами смертю, а потому надѣемся, что Ваше Сіятельство примите какъ насъ, такъ и принадлежащихъ намъ людей, простивъ намъ всѣ наши прежнія вины, происшедшія отъ недоразумѣній и молодежи нашей.

Вслѣдствіе этого мы сообщили письмомъ графу Евдокимову и просили объясниться съ нимъ на счетъ земель, религіи и пропитанія нашего. Графъ Евдокимовъ вслѣдъ же за этимъ двинулся въ наши земли съ большими силами и, хотя наши общества и просили его пріостановиться и не разорять наши деревни, но онъ отвѣтилъ намъ, что идетъ для рубки лѣса и проложенія дорогъ, постройки укрѣпленій и станицъ на нашей незначительной землѣ и что просьбу нашу не иначе можетъ исполнить, какъ съ дозволенія Вашего Сіятельства. Согласно отзыва генерала Евдокимова, мы имѣемъ честь съ сею просьбой обратиться къ Вашему Сіятельству.

Мы узнали, что когда передъ симъ были заключены мирныя условія генераломъ Филипсономъ съ абадзехскими обществами, тогда обѣщано было абадзехамъ не входить въ ихъ земли войскамъ, дабы избавить ихъ отъ разоренія, не производить постройки укрѣпленій и станицъ, а оставить Хамкетинское и Майкопское укрѣпленія и не обижать начальниковъ онаго общества въ отношеніи религіи и пропитанія. На этомъ основаніи, мы всѣ три общества, съ подвластными намъ деревнями, посовѣтывались между собою и полагаемъ, что нарушеніе мирнаго условія нашего произошло черезъ нашихъ враговъ и что двуличіе и обманъ не бываютъ со стороны правительствъ. А потому мы рѣшили общимъ нашимъ совѣтомъ такъ, что между нами и правительствомъ русскимъ не можетъ быть впредь никакой измѣны и обвиненій.

Поэтому мы покорнѣйше просимъ согласія Вашего Сіятельства не впускать въ наши общества войскъ, а также и

не производить постройки укрѣпленій и станицъ, ибо, какъ вамъ извѣстно, у насъ имѣется малое количество земли, которая даже намъ самимъ недостаточна, а, въ случаѣ постройки большихъ станицъ, какъ мы, такъ и скотоводство наше крайне будутъ стѣснены. Равномѣрно мы просимъ, чтобы земли наши оставить въ нашемъ владѣніи и предоставить намъ свободу вѣроисповѣданія.

Присланныхъ тремя нашими обществами депутатовъ мы посылаемъ къ Вашему Сіятельству довести до свѣдѣнія Вашего жалобы о бѣдности нашей, равно женъ и дѣтей нашихъ. Мы убѣждены, что Ваше Сіятельство обратитъ Ваше вниманіе на просьбу нашу и словесные доклады нашихъ повѣренныхъ и не оставите ихъ повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества для доставленія намъ вѣчнаго спокойствія, чего мы ожидаемъ, по милости Божіей, отъ Вашего Сіятельства. А потому мы, по милости Бога, будемъ исполнять по силѣ и возможности нашей заключенное съ нами условіе и впредь со стороны нашей не можетъ быть никакихъ измѣнъ, какъ это случалось въ прежнія времена. Остаемся въ ожиданіи милости и спокойствія отъ Государя Императора посредствомъ ходатайства вашего по примѣру другихъ подданныхъ“.

Когда, прочитавъ это прошеніе, переведенное на русскій языкъ, князь Орбеліани, въ подтвержденіе всего уже объявленнаго графомъ Евдокимовымъ, высказалъ депутатамъ подробно требованія Государя Императора и объявилъ, что причиною этихъ требованій было ихъ собственное поведеніе, то представитель убуховъ отвѣтилъ князю Орбеліани, что народъ ихъ, равно какъ и шапсугскій народъ, вполне сознаетъ ихъ вину, готовы теперь загладить ее и прекратить вражду, что абадзехи, отдѣльно, какъ и всякій другой народъ, не могли строго исполнять условій, потому что молодежь сосѣднихъ, находившихся въ враждѣ съ нами племень, ходила черезъ ихъ земли и нападала на наши границы. Теперь же они постановили заключить общій союзъ между собою и общій миръ съ нами съ тѣмъ, что каждаго, кто произведетъ на насъ нападеніе, они будутъ казнить, что для этого они учредили центральное управленіе изъ 15 выборныхъ старшинъ (по 5 отъ каждаго племени), къ которымъ придана будетъ исполнительная сила въ родѣ той.

какую имѣлъ Магометъ-Аминъ отъ абадзехскаго племени. Понинная вполнѣ, что союзъ этотъ заключается вовсе не для принесенія намъ общей покорности, а для соединенныхъ дѣйствій противъ насъ, князь Орбеліани объявилъ депутатамъ, что не имѣеть права измѣнять воли Государя Императора. Но не желая немедленнаго начатія рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока графъ Евдокимовъ не приготовится къ нимъ, а въ особенности до отъѣзда изъ края ожидавашагося въ то время Государя Императора, князь Орбеліани прибавилъ, что, можетъ быть Государь Императоръ самъ изволить ихъ принять въ проѣздъ свой по Кубанской области и общалъ, что войска наши до того времени, т е. до конца сентября, не пойдутъ далѣе въ ихъ земли. Услышавъ о скоромъ пріѣздѣ Его Величества, горцы очень обрадовались, сперва даже не повѣрили этому, а потомъ убѣдительно просили дозволить имъ представиться Его Величеству¹⁾. По окончаніи аудіенціи, состоявшейся 16-го августа во дворцѣ Кавказскаго Намѣстника, князь Орбеліани вручилъ черкесскимъ депутатамъ письменный отвѣтъ слѣдующаго содержанія.

„Государь Императоръ не желаетъ проливать кровь вашу, не желаетъ нарушать ни вашей религіи, ни правъ вашей собственности. Онъ желаетъ мира и благоденствія вамъ, какъ и всѣмъ своимъ вѣрноподданымъ.

Вы нарушаете этотъ миръ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы стали сосѣдями нашими, вы постоянно и много лѣтъ нападали на нашихъ жителей, брали ихъ скотъ, уводили ихъ въ плѣнъ. Пренній повелитель вашъ, султанъ турецкій, уступилъ ваши земли, по договору, державѣ Россійской. Вы, не исполняя его повелѣнія, продолжали враждовать съ нами и нападали на наши крѣпости, которыя были поставлены на берегу Чернаго моря. Каждаго изъ васъ, кто приходилъ въ нашу крѣпость или въ лагерь нашъ, мы принимали безъ обиды, позволяли покупать и продавать все, что нужно было вамъ. Каждаго русскаго, который попадался къ вамъ, вы убивали или брали въ плѣнъ. Государь Русскій, не желая вамъ зла, долго надѣялся, что вы перемѣните ваше поведеніе и милостиво принялъ

¹⁾ Отношеніе князя Орбеліани къ Управляющему Военнымъ Министерствомъ отъ 19 августа, 1861 года, № 1336.

покорность народа абадзехскаго, простилъ ему все зло, которое онъ прежде дѣлалъ; но этой милости народъ не понялъ. Плѣнные, прежде захваченные у насъ, не возвращены, а проданы въ горы, бѣглецы и преступники наши и разные абреки живутъ среди абадзеховъ по прежнему; изъ земли абадзехской по прежнему разбойники приходятъ на нашу линію, крадутъ скоть и убиваютъ казаковъ и солдатъ нашихъ. Такъ покорные и добрые народы не поступаютъ и поступковъ такихъ Великій Государь нашъ терпѣть долѣе не можетъ, поэтому Его Императорское Величество приказалъ:

1) Проложить черезъ ваши земли дороги, а для того, чтобы по нимъ войска наши и всѣ жители могли ходить безопасно отъ вашихъ нападеній и отъ разбойниковъ, которые среди васъ живутъ, поселить по тѣмъ дорогамъ казаковъ.

2) Построить въ вашихъ земляхъ крѣпости, гдѣ надобность укажетъ, чтобы тамъ жили войска и защищали жителей отъ вашихъ нападеній.

Воля Государя священна и будетъ исполнена, какъ она исполнилась въ Дагестанѣ и Чечнѣ.

Повторяю, что Государь нашъ не желаетъ вамъ зла и каждому изъ васъ, кто изъявитъ покорность, приказалъ: 1) дать землю для поселенія, 2) дозволить исповѣдовать мусульманскую вѣру безъ стѣсненія и въ селеніяхъ вашихъ и въ городахъ нашихъ строить мечети, 3) не брать васъ въ солдаты и незаписывать въ казаки, 4) предоставить каждому селенію и округу выбирать изъ среды своей судей и старшинъ для разбора всѣхъ вашихъ дѣлъ. Для того же, чтобы рѣшенія судей этихъ исполнялись и чтобы никто изъ васъ не обижалъ другаго, будутъ поставлены начальники. Такова непреложная воля Государя Императора; покорные получаютъ лучшія земли, непокорные будутъ лишены милости Государевой, жилища и стада ихъ будутъ уничтожены".

Отправляя своихъ депутатовъ въ Тифлисъ, къ Кавказскому Намѣстнику, и, вѣроятно, не рассчитывая на успѣхъ своихъ домогательствъ, уполномоченные отъ черкесскаго народа одновременно съ этимъ послали къ англійскому консулу Диксону, въ Сухумъ, приводимое здѣсь письмо. „Послѣ привѣтствованія великой особы вашей надлежитъ представить вамъ на-

стоящее наше положеніе, чтобы вы его представили великой державѣ, 40 лѣтъ благодѣтельствующей намъ черезъ посольство при высокой Портѣ. Въ прошедшихъ годахъ, когда мы находились при высокой Портѣ по дѣламъ черкесскимъ и для изученія порядка управленія для введенія его въ Черкесіи, объ этомъ мы нужнымъ находили доложить вамъ подробно. Также мы сообщали вамъ предъ симъ нѣкоторыя свѣдѣнія и затѣмъ, какія только случатся событія, вмѣняемъ себѣ въ обязанность извѣщать васъ. Теперь просимъ представить это наше письмо въ миссію и отвѣтъ отъ нея немедленно прислать намъ.

Въ 17 день мѣсяца зильгиджа 1277 года (13 іюня 1861 года), для возстановленія власти и для учрежденія независимости, всѣ черкесы были приглашены на совѣтъ. Всѣ они единогласно рѣшили учредить чрезвычайный союзъ и неотставать отъ онаго съ тѣмъ, чтобы сохранять порядокъ внутренній, а отступающихъ отъ него наказывать. Въ черкесскомъ владѣніи учредили меджлисъ изъ 15 человекъ улемовъ и умныхъ людей. Этому меджлису дано званіе великаго свободнаго засѣданія. По повелѣнію-же меджлиса, учреждены въ нашемъ краѣ 12 округовъ. Въ каждомъ округѣ опредѣлены муфтий и кадій, а также и муфтаръ (старшина) подъ названіемъ заптіе. Они должны исполнять повелѣнія меджлиса и дѣйствовать за одно съ великимъ засѣданіемъ. Во владѣніи же черкесскомъ отъ каждыхъ 100 домовъ взять по 5 всадниковъ и съ каждыхъ же 100 домовъ по одному заптію, чтобы они исполняли предписанія окружного мягкеме по сбору доходовъ и распредѣленію податей и наблюдали за выморочными имѣніями. Во всѣхъ случаяхъ всѣ эти доходы превышали расходъ и, благодаря Бога, великій меджлисъ вольности черкесовъ, управляя краемъ, всегда соответствовалъ своему назначенію. При такомъ положеніи дѣлъ, вдругъ назначенъ русскимъ правительствомъ для насильственного покоренія черкесъ генераль-графъ Евдокимовъ. Онъ окружилъ нашъ край многочисленными войсками съ 3-хъ или 4-хъ сторонъ. намѣреваясь уничтожить насъ. Неожиданный случай этотъ заставилъ меджлисъ собрать противъ этого генерала 15000 самыхъ отборныхъ всадниковъ. Между тѣмъ, мы ему объявили, что черкесы въ настоящее время, отыскивая средства быть вольными, довольст-

вуются тѣмъ, чѣмъ владѣютъ и никому никакого вреда не дѣлаютъ; дѣйствія ихъ согласны съ правами человѣчества и свою независимость они сохраняютъ уже 80 лѣтъ цѣною крови; что подобные народы всегда покровительствуются великими державами и что такъ какъ Русскій Императоръ есть великій властитель, то покровительствуетъ всегда тѣмъ, которые подобно намъ, живутъ въ порядкѣ, управляютъ собою и, не причиняя никому вреда, сохраняютъ свою независимость, что его величію приличествуетъ; другими словами, онъ не намѣренъ разорять насъ и что онъ даже многимъ оказалъ помощь и если и была до сего времени между нами какая нибудь вражда, то это случилось собственно потому, что мы желаемъ обратиться къ русскому правительству, которое есть самая ближайшая къ намъ великая держава и просить оставить нашу свободу въ томъ же положеніи. „Дай намъ дорогу, сказали мы, отзови войска свои назадъ, не проливай крови, тѣмъ болѣе, что всѣ державы живутъ теперь мирно и утверждена между ними справедливость и стараются, чтобы подобные края, какъ нашъ, достигли цивилизаціи.“ Обо всемъ этомъ, послѣ переговоровъ съ генераломъ, положено было отправить отъ насъ депутацію въ Тифлисъ и онъ далъ въ этомъ разрѣшеніе, и мы, избравъ изъ членовъ меджлиса трехъ умныхъ людей, отправили въ Тифлисъ для ходатайствованія и просьбы. До возвращенія нашихъ пословъ оттуда, положено было приостановить военныя дѣйствія. По возвращеніи нашихъ пословъ, мы имѣемъ обратиться съ просьбою къ порогу великой державы, намъ благодѣтельствующей, Англіи, и ни въ какомъ случаѣ не перестанемъ быть въ надеждѣ на ея помощь. Обращаясь къ предмету, признанному всѣми державами постыднымъ поступкомъ, названному даже нашими книгами не позволительнымъ, именно плѣнопродавству, мы обязаны сказать, что это въ послѣдній разъ случилось, а если и за симъ окажутся у насъ такіе люди, которые покупаютъ и продаютъ другихъ, то мы обязываемся подвергнуть ихъ смертной казни или наказать ихъ такимъ наказаніемъ, которое бы равнялось сказанному. Объ этомъ новомъ порядкѣ, съ помощью Бога, въ концѣ сего мѣсяца посредствомъ великаго меджлиса обнародуемъ по всей Черкесіи при полномъ собраніи.

Поэтого благоволите, высокій сановникъ, содержаніе настоящаго письма доложить куда надлежитъ, о полученіи этого письма увѣдомить насъ письмомъ своимъ черезъ посланнаго при семъ нарочнаго человѣка и этимъ изволите заставить насъ быть благодарными. Для привѣтствованія же высокой особы Вашей это письмо и написано“.

По возвращеніи изъ Тифлиса, депутаты непокорныхъ черкесскихъ племенъ, передавая народу отвѣтъ князя Орбелани. объявили также, что они имѣютъ надежду обратиться съ просьбою лично къ Русскому Императору, прибытіе котораго на Кавказъ ожидалось въ августѣ или сентябрѣ мѣсяцахъ.

Горцы успокоились и положили не предпринимать никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ нашихъ войскъ до рѣшенія своей участи самимъ Государемъ. 11-го сентября Императоръ Александръ II высадился въ Тамани и на другой день пріѣхалъ въ Екатеринодаръ. 13-го числа Его Величество отправился за Кубань и около укрѣпленія Григорьевскаго осматривалъ войска шапсугскаго отряда, а на слѣдующій день прибылъ къ войскамъ ниже-абадзехскаго отряда, расположеннымъ на дорогѣ къ Майкопскому укрѣпленію. Послѣ ночлега въ Майкопскомъ укрѣпленіи, Государь Императоръ, обозрѣвъ мѣстность за р. Бѣлой, продолжалъ путь въ верхне-абадзехскій отрядъ, при чемъ какъ въ этотъ день, такъ и въ послѣдующіе Его Величество осматривалъ станицы, возведенныя войсками нашими въ теченіе лѣта. По прибытіи на урочище Мамрюкъ-Огой,¹⁾ гдѣ въ то время находился лагерь войскъ верхне-абадзехскаго отряда, Государь Императоръ разрѣшилъ графу Евдокимову представить Его Величеству депутатовъ черкесскихъ племенъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ лагерной цѣпи, на возвышенности, стояла уже въ ожиданіи конная толпа до 500 человѣкъ убыховъ, шапсуговъ и абадзеховъ, изъ среды которыхъ для представленія Государю выдѣлилась группа до 60 человѣкъ наиболѣе почетныхъ и вліятельныхъ старшинъ. Когда приблизился къ нимъ Государь и спросилъ чего они желаютъ, представитель убыхскаго племени, Берзекъ, обратился съ просьбой отъ имени всѣхъ принять ихъ въ число русскихъ подданныхъ. Его Величество отвѣтилъ Берзеку, что ему при-

¹⁾ Вблизи Царской станицы.

ятно видѣть ихъ своими подданными, но для этого они должны прежде всего прекратить свои нападенія, безусловно подчиниться начальникамъ, которые будутъ поставлены надъ ними, выполнять всѣ требованія русской власти и, въ доказательство своей покорности, теперь-же выдать всѣхъ нашихъ плѣнныхъ и дезертировъ. На предложеніе это старшины ничего не отвѣчали, очевидно не рѣшаясь принять на себя отвѣтственность за выполненіе предъявленныхъ къ нимъ требованій, такъ какъ они были представителями не всего народа, а только одной партіи, дѣйствительно желавшей прекращенія войны, но недостаточно сильной, чтобы принудить къ покорности весь народъ. Не получая никакого отвѣта на свое предложеніе, Государь, обратившись къ Берзеку, спросилъ: „Что же они молчатъ?“ Тогда Берзекъ заявилъ, что у нихъ есть письменная просьба, заключающая въ себѣ, какъ мы уже знаемъ изъ предыдущаго, ходатайство неприкосновенности ихъ земель, чтобы не строили въ этихъ земляхъ крѣпостей, не пролагали дорогъ и не поселяли казачьихъ станицъ. Принявъ эту просьбу, Его Величество объявилъ черкесскимъ депутатамъ, что разсмотрѣніе поданнаго ими прошенія и вообще устройство ихъ онъ поручаетъ графу Евдокимову. 18-го сентября, послѣ трехдневнаго пребыванія въ лагерѣ верхне-абадзехскаго отряда, Государь Императоръ направился въ Лабинскую станицу и, прослѣдовавъ черезъ Усть-Лабинскую станицу внизъ по Кубани до станціи Копыльской, 20 числа имѣлъ здѣсь ночлегъ. Дальнѣйшій путь Его Величества лежалъ къ Константиновскому укрѣпленію, находившемуся около оставленнаго нами въ 1856 году Новороссійска. Переправившись на лѣвый берегъ р. Кубани, черезъ Псебедаховскую переправу, и слѣдуя по Адагумской линіи, Государь Императоръ осмотрѣлъ войска Адагумскаго отряда, стояшія эшелонами и лагеремъ на Георгіевской полянѣ¹⁾. Затѣмъ 21 сентября Его Величество, прибывъ въ Константиновское укрѣпленіе, сѣлъ на Императорскую яхту „Тигръ“ и направился въ Поті. Послѣ отъѣзда Государя Императора, графъ Евдокимовъ не считалъ возможнымъ приступить къ военнымъ дѣйствіямъ въ Закубанскомъ краѣ до окончанія переговоровъ съ черкесскими депутатами и приказалъ начальникамъ отря-

¹⁾ Въ 8 верстахъ отъ Неберджаевской станицы, въ ущельи, на пути къ Новороссійску.

довъ не переходить на лѣвый берегъ р. Фарса, а войскамъ занимать проектированными работами. 14 октября черкесскіе депутаты явились къ графу Евдокимову въ Майкопское укрѣпленіе и, когда онъ посовѣтывалъ подчиниться предъявленному къ нимъ требованію, то депутаты отвѣтили, что не могутъ ручаться за согласіе всего народа, но постараются склонить его къ покорности. Старанія ихъ не привели, однако, къ благопріятнымъ результатамъ. Въ скоромъ времени военныя дѣйствія возобновились опять и продолжались уже непрерывно до окончательнаго покоренія Кавказа.

Въ 1861 году, какъ извѣстно, приступлено было къ исполненію удостоеннаго еще въ 1858 году плана князя А. И. Барятинскаго о колонизаціи обоихъ склоновъ западной части Кавказскаго хребта воинственнымъ христіанскимъ населеніемъ, преимущественно казаками. Границами нашихъ владѣній въ Закубанкомъ краѣ въ то время были р. Адагумъ на западѣ и низовья р. Лабы на востокѣ. Для огражденія же нашихъ станицъ отъ вторженія непокорныхъ горцевъ устроены были кордонныя линіи: Адагумская — по р. Адагуму, Нижне-Кубанская — отъ Ольгинскаго поста ¹⁾ до Усть-Лабинской станицы вверхъ по р. Кубани и затѣмъ Лабинская и Урупская по теченію этихъ рѣкъ. Но всѣ эти линіи были еще не окончены въ верховьяхъ рѣкъ и въ предгорьяхъ главнаго Кавказскаго хребта, а потому непокорныя племена горцевъ имѣли возможность соединяться для совмѣстныхъ дѣйствій противъ насъ. Впереди кордонныхъ линій существовали тогда укрѣпленія: Абинское — на р. Абинѣ, Григорьевское ²⁾ — на р. Шебшѣ, Дмитріевское ³⁾ — на той же рѣкѣ въ 7 верстахъ внизъ по теченію, Майкопское и Бѣлорѣченское ⁴⁾ — на р. Бѣлой, Хамкетинское ⁵⁾ — на р. Псефирѣ и Псебайское ⁶⁾ — на р. Малой Лабѣ. Въ зимній періодъ съ 1861 на 1862 годъ войсками нашими очищены были отъ туземнаго населенія предгорья и долины между р.р. Лабой и Бѣлой и часть натухайской земли отъ Чернаго моря до р. Адагума.

¹⁾ Ольгинскій постъ находился въ 20 верстахъ къ западу отъ Марьинской станицы, на правомъ берегу р. Кубани.

²⁾ Гдѣ нынѣ Григорьевское селеніе.

³⁾ На мѣстѣ нынѣшней Новодмитріевской станицы

⁴⁾ Укрѣпленіе это находилось на правомъ берегу р. Бѣлой, въ 10 верстахъ ниже Бѣлорѣченской станицы.

⁵⁾ Въ 7 верстахъ къ югу отъ Хамкетинской станицы.

⁶⁾ Около Псебайской станицы.

На этомъ пространствѣ весною и лѣтомъ 1862 года водворено было 28 казачьихъ станицъ. Колонизація края совершалась одновременно съ военными дѣйствіями. Вслѣдъ за войсками двигались и новые поселенцы. Въ слѣдующемъ году между р.р. Бѣлой и Пшишемъ, а также между р.р. Адагумомъ и Илемъ, возведено еще 22 станицы. Наконецъ, въ 1864 году, когда завершилось покореніе Западнаго Кавказа и вмѣстѣ съ тѣмъ окончилась полувѣковая Кавказская война, водворено было 52 станицы съ 3 поселками. Такимъ образомъ, въ продолженіи четырехъ лѣтъ въ Закубанскомъ краѣ поселено было 111 казачьихъ станицъ съ 3 поселками, заключавшихъ въ себѣ 14.396 семействъ¹⁾. При такой системѣ завоеванія края, мы, подвигаясь впередъ шагъ за шагомъ, безповоротно и навсегда оставляли за собою каждую пядь занятой нами земли во владѣніяхъ непокорныхъ горцевъ. Туземное населеніе, тѣснимое со всѣхъ сторонъ, устремилось въ трудно доступныя ущелья горъ, но и тамъ не могло удержаться. Отряды нашихъ войскъ проникали всюду и очищали занимаемая ими мѣста до послѣдняго человѣка. Война шла съ неумолимою суровостью. Черкесскіе аулы выжигались сотнями, посѣвы ихъ истреблялись или вытаптывались лошадьми, а жители, изъявлявшіе покорность, выселялись на плоскость подъ управленіе нашихъ приставовъ, непокорные же отправлялись на берегъ моря для переселенія въ Турцію. Число послѣднихъ простиралось до 300 тысячъ душъ и главная масса ихъ переселена была при содѣйствіи нашего правительства въ 1864 году. Въ этотъ послѣдній періодъ борьбы горцевъ за свое существованіе въ родной землѣ, Карабатырь стоялъ во главѣ шапсуговъ, вошелъ въ тѣсныя сношенія съ убыхами и оказывалъ сильное давленіе на абадзеховъ, побуждая ихъ къ отчаянному сопротивленію войскамъ нашимъ. Онъ старался соединить непокорныя племена для общихъ дѣйствій противъ насъ, но это ему не удалось. Въ началѣ 1863 года Карабатырь удалился въ Турцію, окончательно убѣдившись, что достигнуть единства горцевъ уже было нельзя безъ сильной помощи извнѣ. Помощь эту они ожидали, по прежнему, отъ Англій и Турціи. Еще въ сентябрѣ 1861 года сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Константино-

¹⁾ Кубанскія войсковыя вѣдомости 1864 года № 29.

полѣ готовится новая экспедиція на восточный берегъ Чернаго моря съ цѣлью доставленія горцамъ оружія и боевыхъ запасовъ и что тамъ постоянно ожидаютъ прибытія изъ Лондона ирландца по имени О. Приенъ, который долженъ привезти съ собою необходимыя для экспедиціи денежныя средства и содѣйствовать ей своею долговременною опытностью. По имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ, орудія и боевыя принадлежности должны были быть направлены на купеческихъ судахъ изъ Константинополя въ Самсунъ, Трапезондъ и другіе сосѣдніе порты, а оттуда на кочермахъ секретно въ одну изъ бухтъ черкесскаго берега Чернаго моря¹⁾. Бдительность нашихъ крейсеровъ помѣшала осуществленію этого предпріятія. Въ 1863 году горцы дѣлаютъ послѣднюю попытку къ искательству помощи у Турціи и съ этой цѣлью отправляется въ Константинополь многочисленная депутація, состоявшая изъ представителей убыхскаго, шапсугскаго и абадзехскаго племенъ. Но, какъ и всегда прежде, кромѣ лживыхъ обѣщаній, они ничего не получили. Предоставленныя такимъ образомъ на произволь судьбы и не имѣя болѣе силъ сопротивляться, горцы принуждены были, наконецъ, покинуть родную землю и переселиться въ Турцію. Карабатыръ принятъ былъ въ Турціи на службу съ чиномъ полковника. Во время послѣдней войны съ Турціей 1877—78 г.г. ему ввѣрено было начальство надъ черкесской милиціей. При увольненіи въ отставку турецкій султанъ наградилъ его чиномъ паши, подарилъ домъ въ Константинополѣ и, кромѣ установленной пенсіи, выдавалъ ему изъ собственныхъ своихъ средствъ ежегодно до 2000 руб. на содержаніе. Находясь въ Турціи, Карабатыръ, повидимому, не терялъ надежды на осуществленіе замысловъ своего отца и, во всякомъ случаѣ, старался продлить насколько возможно окончательное покореніе западнаго Кавказа. Такъ, въ ночь съ 14 на 15 августа 1863 года, онъ прибылъ на турецкомъ пароходѣ къ устьямъ р. Джубги вмѣстѣ съ нѣсколькими черкесскими старшинами и, высадившись на берегъ, отправился въ ту же ночь къ народу, собранному въ Джубгскомъ ущельѣ, откуда тотчасъ же разослалъ своихъ посланныхъ въ разныя мѣста для возмуще-

¹⁾ Предписаніе Командующаго войсками Кубанской и Терской областей Начальнику Константиновской морской станціи.—Сентябрь 1861 г. Центральный Владикавказскій архивъ, файл № 12970, стр. 3—4.

ня горцевъ противъ насъ. Въ это же время его сообщники, Костануко, тайно дѣйствовалъ на умы мирныхъ натухайцевъ, уговаривая ихъ оттянуть, подъ предлогомъ уборки хлѣбовъ, переселеніе въ назначенныя имъ мѣста до зимы, увѣряя, что въ скоромъ времени всѣ наши вновь поселенныя за Кубанью станицы будутъ уничтожены и занимаемая ими мѣста опять сдѣлаются достояніемъ горцевъ. Конечно, попытки эти къ возмущенію противъ насъ окончательно уже обезсиленнаго и покорившагося народа не могли имѣть успѣха, но, вѣроятно, они способствовали рѣшимости натухайцевъ и шапсуговъ переселиться въ томъ же году въ Турцію и навсегда оставить свое отечество. Въ маѣ мѣсяцѣ 1864 года война съ горцами на западномъ Кавказѣ была окончена и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились для Карабатыра всякіе поводы къ посѣщенію родного края, утратившаго для него прежній свой интересъ. Карабатыръ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Малой Азій на обратномъ пути изъ Мекки гдѣ-то около Смирны, не оставивъ мужского поколѣнія въ прямой линіи. Такимъ образомъ съ его кончиной прекратилось существованіе и нѣкогда знаменитой фамиліи князей Занъ. Единственнымъ потомкомъ фамиліи этой въ побочной линіи является въ настоящее время полковникъ генеральнаго штаба турецкой арміи Хасанъ Фаудъ, сынъ родной сестры Карабатыра, находившейся за-мужемъ за бжедуховскимъ княземъ Мысшеостомъ Хаджимуковымъ, который до переселенія въ Турцію служилъ у насъ ротмистромъ милиціи. Хасанъ Фаудъ весьма образованный и даровитый человекъ, считающійся однимъ изъ самыхъ талантливыхъ офицеровъ турецкой арміи. Теперь ему около 45 лѣтъ отъ роду и онъ занимаетъ почетное мѣсто инспектора всѣхъ кадетскихъ корпусовъ въ Турціи. Одаренный склонностью къ математикѣ, Хасанъ Фаудъ пользуется извѣстностью какъ составитель лучшихъ руководствъ по геометріи и алгебрѣ и авторъ самостоятельныхъ трудовъ по математикѣ, изданныхъ на французскомъ языкѣ. Вещественнымъ памятникомъ существованія въ предѣлахъ Закубанскаго края рода князей Занъ остался надгробный камень съ турецкой надписью, найденный въ окрестностяхъ Анапы и хранящійся нынѣ въ открытомъ музеѣ Кубанскаго областного статистическаго комитета, на Красной ул.

На камнѣ этомъ начертано стихотвореніе въ 6 строкъ, переводъ котораго, сдѣланный султаномъ Давлетъ-Гиреемъ¹⁾, привожу здѣсь съ нѣкоторыми объяснительными примѣчаніями.

„Богъ безсмертный.

Въ мірѣ ни одинъ человекъ не можетъ чувствовать себя вполне счастливымъ.

Въ виду того, что нѣтъ здѣсь счастья, я покинулъ этотъ міръ.

Ни одинъ человекъ не веселится искренно и не долженъ веселиться.

Земное веселье ничтожно, предъ землею же печалью.

Этотъ міръ - временный пріютъ¹⁾.

Умный пусть беретъ съ меня примѣръ²⁾.

Здѣсь покоится прахъ Заурбека, сына Османа Заноко.

15 Раджибъ, 1193 гаджери³⁾.

Этотъ Заурбекъ Занъ, скончавшійся въ 1779 году былъ, вѣроятно, дядя Сеферъ-бея или ближній родственникъ князя Магометъ-Гирея Зана, уступившаго туркамъ часть своего владѣнія для постройки крѣпости Анапы въ 1781 году.

Предлагаемыми здѣсь свѣдѣніями, конечно, далеко не исчерпываются всѣ документальные матеріалы о Сеферъ-беѣ, разсѣянные въ разныхъ архивахъ Кавказа; но полагаю, что и собранныя мною достаточно характеризуютъ личность этого замѣчательнаго черкеса, мечтавшаго возсоздать независимое Черкесское княжество подъ своимъ управленіемъ.

Е. Фелицынъ.

¹⁾ Султанъ Девлетъ-Гирей, житель Тлестенхальскаго аула, воспитывался въ Константинополѣ и прекрасно знаетъ, кромѣ своего роднаго черкесскаго, также арабскій, турецкій, персидскій и французскій языки.

¹⁾ Для людей.

²⁾ Подразумѣвается его смерть.

³⁾ 15 іюля 1779 года.